

Прищеп Пекарика

Сергей

Минский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Алексеевич Минский

Прищеп Пекарика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30812142

SelfPub; 2023

Аннотация

Декан психологического факультета – профессор Пекарик Вениамин Петрович, одержимый идеей возможности замены физической оболочки, после двадцати лет работы со своим информационно-энергетическим полем – тонкими телами, наконец, находит решение – как это можно сделать. Через мучительный выбор между амбициями ученого и совестью не лишённого эмпатии человека он все же находит приемлемый для эксперимента вариант тела, не осознавая еще до конца, что открывает свой личный ящик Пандоры.

Содержание

ЧАСТЬ ВТОРАЯ	282
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	372

Сергей Минский

Прищеп Пекарика

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Редкие серые облака, несущиеся по голубому небу, странным контрастом вписывались в красно-желтую канву начала октября – солнечную и почти безветренную. Осень все переиначила на свой лад, расположившись размашистыми пятнами, кое-где еще с прозеленью, на чуть поредевших деревьях. Отметилась яркими желтыми мазками на мокром после ночного дождя асфальте. Украсила грудой налипших листьев старые, уже отслужившие свой срок, полузабытые автомобили во дворах и проездах, выдавая их и без того понятную неостребованность. Поверхностный ветер, задевавший даже верхушки деревьев, что повыше, совершенно не портил ощущения умиротворения, сквозившего в еще не ставшей ледяной прозрачности воздуха. Что-то идиллическое проникало в сознание через эту красоту естественного увядания. В душе Вениамина Петровича – грустная, но в то же время разбавленная прорывавшимися мажорными вкраплениями – безмолвно царила жизнеутверждающая музыка чувств, ритмом пульсаций отдаваясь во всем теле.

Пройдя по «зебре», он повернул направо и вошел в аллею кленов, разделявшую бульвар надвое. И вдруг... как

будто заново увидел мир. Красота позднего утра вошла в сердце экстатическим восторгом. Запахи увядающей природы, лишь слегка задев ноздри, изменили состояние сознания. Полураздетые деревья и темная влажная плитка аллеи, кое-где проглядывавшая среди растопыренных кленовых листьев, дополнила ощущение нереальности. Мягкое преобладание желтого и красного цветов, смешиваясь с уже не свежим зеленым, вторглось в глубины бессознательного, обнажив спящую чувственность, чтобы дополнить ею не смело, но настойчиво нараставший восторг, со вчерашнего дня поселившийся в душе.

Еще неделю назад он – Пекарик Вениамин Петрович, декан психологического факультета, ученый с полновесным в профессиональной среде именем – не знал точного ответа на вопрос, который беспокойно жил в нем почти двадцать лет. Это было сумасшествие духа, чему оказалось посвященным полжизни времени и вся она, без исключения, с точки зрения разработки фантастической на первый взгляд идеи. Но вчера за столь долго ожидаемым озарением ума тихой сапой в сердце Пекарика-человека вкрался триумф чувств. Он был просрочен. И потому бурной радости Пекарику-ученому не принес. Но не только радости, но и непоколебимой уверенности в наконец-то свершившееся чудо. Она и была, и нет. Требовался эксперимент. А без него все теоретические экзерсисы оставались пустым звуком. Вся же сложность эксперимента основывалась на простом соображении – его

придется проводить на себе. Слишком велика цена вопроса. Амбиции ученого вождели вселенского признания, а внутренняя суть от самых укромных ее глубин до почти божественного слияния с мирозданием противилась появлению такого разрушительного для неискушенных душ соблазна. Человек в Пекарике понимал губительность этого открытия для мира. Понимал, что мир, узнав о такой технической возможности, перешагнет некую духовную грань и уже никогда не сможет стать таким, как был. Он станет хуже, станет кроваднее, не смотря на все его стремление к духовности. Но в случае авторизованной проверки теории, названной как-то в шутку «прищепом Пекарика», ее основатель – Пекарник Вениамин Петрович, как гражданин, как туловище, наконец, исчезнет, чтобы уже никогда не возродиться. А если в другом физическом теле он когда-нибудь заикнется о том, что он не такой-то и такой-то, а Пекарник Вениамин Петрович, то соответствующего диагноза, а, в этом случае, сумасшедшего дома и участливых взглядов новых родственников ему, вероятнее всего, не избежать. Конечно, проведение эксперимента невозможно без нескольких участников. Но что они могут подтвердить? Как доказать правду тем, кто не готов ее принять?

Эти размышления несколько урезонили выступившие было вновь амбиции, с упреком напомнив их обладателю, что суть этого эксперимента трагична по сути своей. Для одного человеческого существа это потеря физического тела с

энергетической составляющей. А для другого – это вообще смерть в обычном понимании...

Навстречу, покачивая бедрами, нога за ногу, как это делают модели, шла женщина лет тридцати пяти, и Вениамин Петрович на некоторое время отвлекся от мыслей. Отметил, что она не просто привлекательна, но даже красива. «Конечно, – подумал, – что-то будет за пределами совершенства. Обязательно, да найдется изъян. Как без него?»

С минуту эта мысль еще не покидала. Он вдруг поймал себя на том, что каким-то образом все это перекликается с тем, о чем он только что думал. Скорее всего, рассуждение о несовершенстве ассоциировалось с неудачей, возможность которой на практике равнялась, дай бог, пятидесяти процентам. А что это значит? Это значит, что эксперимент с точки зрения науки – чистейшей воды афера. В любой момент осуществления он может провалиться. Амбициозный проект, звучавший не менее амбициозно – «Прищеп Пекарика», к сожалению, мог накрыться медным тазом точно с таким же успехом, как и осуществиться. И тогда развоплощение или смерть постигнут оба существа – и претендента и донора.

«Неужели это тебя остановит? – сарказмом отозвалось в сознании, реактивно вызвав соответствующую мысли улыбку, – Разве мало исследователей пострадало от своих открытий?»

– То-то и оно, – выговорил он виртуальному собеседнику. Вениамин Петрович, еще некоторое время сочетавший в

себе два удовольствия – торжество собственного открытия и «неувядающую прелесть увядающей природы» по спонтанно родившемуся каламбуру – стал в большей степени склоняться к созерцанию окружающей красоты. И не только осени. По мере приближения к университету встречалось все больше молодых, с еще не потускневшими взорами женщин. И все они почему-то сегодня казались Вениамину Петровичу красивыми и одухотворенными. Вот уже в перспективе улицы стало просматриваться выдававшееся почти до самого тротуара высокое крыльцо главного корпуса. И, наконец, профессор, отвечая все чаще на приветствия, подошел к анфиладе ступеней, ведущей к широкой – почти во всю длину здания – площадке по типу бельэтажа. Поднялся наверх и нырнул в холодную тень козырька.

И почти сразу увидел знакомую спину Румана у самых дверей. Своего зама Вениамин Петрович знал еще с сопливого дворового детства, когда того чаще в среде мальчишек звали Мойшей, чем Мишей, то ли утверждаясь, то ли пытаясь таким образом обидеть. А еще в пылу случавшихся пацанских разборок он мог оказаться «хитрожопым евреем». Или еще чем-то похуже. Тогда Пекарику, если до его ушей такое доходило, ничего не оставалось, как физически реагировать на обидчика, потому что Руман был младше и слабей – а дружба есть дружба. Это сейчас ему понятно, что у фигурантов тех событий еще не были сформированы личности, необходимые для жизни в социуме. Были только мятущие-

ся в непривычных планетарных телах сущности. Они наивно повторяли за взрослыми модели поведения, привычки, выражения и уклад жизни. «Оскомину» от «кислого винограда» предков предыдущее поколение незаметно ни для тех, ни для других, как и эстафету самой жизни, передавало следующему. Волна памяти, на мгновение захлестнувшая Вениamina Петровича, услужливо напомнила, кем был он сам в том наивном социуме. И Веником, и Пекарем. А иногда еще и Рыжим. Хотя настоящим рыжим и не был. Но народ не обманешь. Хоть и блондинистым считал себя сам, но красноватая в веснушках кожа лица выдавала породу. «И тут уж хоть плачь», – улыбнулся пришедшему откровению Пекарик.

– Михаил Моисеевич!? Подожди, пожалуйста.

Руман остановился и обернулся удивленно: мол, что за спешка такая в трех шагах от деканата. Это в мгновение ока развеселило Пекарика. Он даже забыл, зачем пытался остановить его. «Неужели просто так? Не задумываясь – зачем? Как в детстве: увидел – окликнул». Наконец, дошло: воспоминания, пришедшие как раз после появления в поле зрения спины друга детства, как раз и спровоцировали скачек сознания в прошлое, зафиксированное на всю жизнь в нижних банках памяти бессознательного – на том примитивном уровне, где записывается вся информация, связанная с эмоциями и чувствами. «Поразительно! – обрадовался, словно в первый раз констатировал этот феномен психики, – Временной показатель напрочь отсутствует!»

– Привет, Миша! У тебя же, кажется, сегодня нет первой пары?

– А! – пожал тот протянутую ему руку, – Хватает дел после лета. Пока в колею все войдет... – лицо его стало расплываться в улыбке. «Сейчас схохмит, – Вениамин Петрович слишком хорошо знал этот взгляд, тысячелетиями формировавшийся в бессознательной памяти потомков Адама, – Сейчас похвалит себя, жалуясь на жизнь», – Сам же знаешь, – не обманул его ожиданий Михаил Моисеевич, – основная административная работа лежит на замах, а не на начальниках.

Вениамину Петровичу почему-то очень захотелось нагрубить. Ему всегда в таких случаях поначалу хотелось это сделать. «Фрустрация проклятая! А что ты хотел? Столько лет вместе. Разве можно не надоест друг другу за это время? Будто я сам чем-то лучше... – он виновато взглянул на старого друга, – Вот так-то... чувство вины спешит нейтрализовать спонтанную оплошность ума».

– Ну да, Михаил Моисеевич, умеешь ты с утра порадовать начальство, – Вениамин Петрович эмоционально как бы извинялся, беря на вооружение его прием, но в то же время подчеркивая – who is who, – Ты имел в виду, что, типа, вся моя байда на тебе? – он засмеялся, удачно используя, как ему показалось, молодежный сленг для придания несерьезности разговору.

– А то!?! – поддакнул Руман.

– Ну-ну! Кстати, Миш, зайди ко мне, как освободишься.

Есть серьезный разговор, – Пекарник уловил во взгляде друга вопрос и машинально ответил, положив ему руку на плечо, – Очень серьезный, Миша. Серьезнее не бывает... и не спрашивай пока ничего, – заметил в его мимике желание уточнить, – Это требует времени.

2.

То, что Руман бросит все дела, если они не связаны с другими людьми, и что через полчаса, выдержав достойную себя паузу, будет уже у него, всецело отдавшись любопытству, не стало бы для Пекарника новостью. Скорее, новостью мог стать его продолжительный неприход. Подумав об этом, Вениамин Петрович все же позвал секретаря.

Когда она вошла, посмотрел на нее внимательно. Сквозь улыбку. И девушка забеспокоилась, машинально осмотрев себя спереди.

– Хорошо выглядите, Леночка.

Она смущенно и потому как-то по-детски улыбнулась.

– Спасибо, Вениамин Петрович.

– Вот. Так гораздо лучше, – снисходительно заметил он и сделал короткую паузу, – Итак, Елена Дмитриевна... – девушка снова заметно напряглась, – Мне нужно все, что у нас есть, на студента Дарского. Абсолютно все. Буду благодарен за любую информацию помимо официальной.

– Да, Вениамин Петрович. А Дарский что...

– Елена Дмитриевна, вам что-то непонятно? – Пекарник

подчеркнуто серьезно обозначил неуместность ее любопытства.

– Да нет... все понятно, Вениамин Петрович, – стусевалась она, – вы не подумайте... просто я...

– А я ничего не думаю, Леночка. Не волнуйтесь, – улыбнулся он ее душевной простоте, – все у него хорошо. Просто Дарского мне рекомендовал Михаил Моисеевич для научной работы со студентами старших курсов, – Вениамин Петрович отвернулся и подошел к окну, – У меня все, Елена Дмитриевна.

– Да-да, Вениамин Петрович, – Леночка как-то суетливо повернулась и пошла к двери. А когда протянула руку, чтобы открыть ее, стоявший уже со скрещенными руками и наблюдавший за ней поверх очков Пекарик, усмехнувшись, спросил:

– А что, Леночка, красивый парень Саша Дарский?

Она вздрогнула. То ли от неожиданно прозвучавшего голоса, то ли от сути самого вопроса. Но не обернулась сразу. А обернувшись, с детской наивностью просто сказала «да», чем смутила Пекарика, не ожидавшего, что он еще способен на такое.

Девушка вышла. А Вениамин Петрович задумался. Что за человек Александр Дарский? Чем живет? Насколько здоров его организм? Каковы его ближайшие родственники? Его интересовало все. Ему любопытно было все, связанное с этим человеком...

В дверь постучали.

– Входи, Миша, – Вениамин Петрович, мельком взглянув на руку, зафиксировал положение минутной стрелки: «Полчаса – ни больше, ни меньше. Руман в своем репертуаре».

Михаил Моисеевич бочком просочился в высокую дверь кабинета.

– Присаживайся, Миша. Как Роза Аркадьевна? Жива-здорова?

– А что? Ты ее так давно видел? – улыбнулся тот своей шутке, – Да что с ней станется, Веня. Жива... и здорова, слава богу, моя девочка.

Пекарик вышел из-за стола и направился в сторону двери.

– Я вот чего позвал тебя, Мишель... – начал он. Потянув за ручку, обратился в проем, – Елена Дмитриевна, я – только для начальства, – Вернувшись в кресло, Пекарик на секунду задумался, машинально сгруппировавшись в позу Сократа, – Миш, может, помнишь, несколько лет назад мы сидели у меня...

– Уточни...

– Не перебивай! Если бы это было важно, я бы говорил о конкретном времени. Но время не важно – важно то, о чем мы говорили. Тогда еще я сказал, чтобы вы не распространялись об этом никому. Ну? Припоминаешь?

– Да. Помню. Точно, мы сидели тогда... – глаза Румана вдруг расширились, всем своим видом говоря о невероятности того, о чем он подумал.

– Да, Миша, – у Пекарика от восторга перехватило на мгновение дух, – Ты не ошибаешься в своих догадках. До меня, наконец-то, дошло, как это происходит. И теперь я знаю – что и как необходимо делать.

– И как? – машинально выпалил Михаил Моисеевич, почти сразу же осознав бессмысленность вопроса, на который невозможно ответить двумя словами.

– Что как? – не понял Вениамин Петрович.

– Нет-нет, ничего! Прости! Продолжай, – повинулся он.

В кабинете на несколько мгновений повисла тишина, показавшаяся Михаилу Моисеевичу чуть ли не вечностью. Чувство такта, только что не выдержавшее конкуренции с природным любопытством, вернулось к нему. А вместе с ним, увлекая в себя, пришло осознание чего-то грандиозного, феерического, что вот-вот накроет его с головой и изменит до неузнаваемости жизнь. Ему стало как-то так все равно: как это произойдет и в какую сторону заведет. Он даже успел подумать: «Разве это важно?» Но вслед за этим что-то перемкнуло в сознании, и он вдруг испугался этой крамольной мысли: «Как же неважно? Разве мне неважно, что со мной будет?»

– Ну, так вот... – Вениамин Петрович вздохнул, – Теоретическая часть и все необходимые расчеты сделаны. Кроме всего прочего я интенсивно изучаю структуру своего информационно-энергетического поля – тонких тел. Выхожу за пределы тела физического. Так сказать, преодолеваю ча-

стотный диапазон нашего рационального сознания. Это происходит достаточно планомерно, чтобы положить начало работе с тем, о чем мы будем говорить... – он улыбнулся, – Миша, расслабься. Чего так напугался?

Михаил Моисеевич почувствовал, как кровь обожгла кончики ушей. Вопрос о том, как же это там – за всеми пределами, который уже готов был сорваться с губ, сразу же отошел на второй план. Пекарик его разозлил: «Не может без своих дурацких подколов, – подумал в запале, – Теперь думай – правду говорил или голову морочит?»

– Веня, может, обойдемся без хамства. Я ведь очень внимательно слушал тебя. И уже начал верить. А теперь вот опять не знаю... при чем я сейчас присутствую. При великом открытии или, как в анекдоте, при разведении кроликов? А ты...

– Можешь не сомневаться, – вдруг став совершенно серьезным, прервал его эмоциональный всплеск Пекарик, – При открытии. Но, чтобы оно состоялось, – прочертил указательным пальцем круг перед собой, – стало реальностью, мне понадобится помощь.

Он сделал паузу, нарушить которую Михаил Моисеевич не рискнул. «Вроде, правда, – подумал, – но такая неправдоподобная. Если бы сегодня впервые услышал о таком, может, и не поверил бы... но ведь шесть лет назад уже был разговор на эту тему. Идея фикс? Зная Веника, об этом не скажешь. Он на пустом не фиксируется. Да и просто изображать из се-

бя супергероя?.. не-ет... это вред ли».

Пекарик посмотрел на своего старого друга, на его растерянный вид, на лысеющую, наполовину седую голову – когда-то кудрявую, с темно-каштановой шевелюрой. «Господи, да ведь он на два года младше меня... сорок шесть». Промелькнула бредовая мысль, что Роза Аркадьевна вампирит у него энергию. Мысль заставила улыбнуться: «Вот... циником мне быть гораздо привычнее. А главное – безболезненно». Вениамин Петрович еще секунду помолчал, обдумывая, когда удобнее поговорить с Руманом – сейчас или вечером. Решил – не сейчас: пусть созреет.

– Миша, тебе вечером удобно будет зайти ко мне?

– Во сколько? – вопрос прозвучал как готовность.

– Ну, скажем... – Пекарик приподнял руку и поправил браслет, – Часа... в четыре я, надеюсь, буду свободен. Может, и раньше получится? К двум мне к проректору по науке. А на сколько это затянется – не представляю. Давай, с поправкой на всякие мелочи, часам к шести... для надежности. Годится?

– Вполне. Я еще и домой успею.

– Ну, вот и хорошо. Как освобожусь – наберу. Все. Не задерживаю тебя больше, – по привычке прощаться с посетителями отрезал Вениамин Петрович к видимому неудовольствию Румана.

День не предвещал Александру Дарскому никаких сюрпризов. Какие сюрпризы? Зачем? Именно из-за них, как известно, жизнь из пресной превращается в терпкую, кислую или соленую. Иногда, в виде исключения – в сладкую. Правда, ненадолго. Но вот с них как раз – с сюрпризов – все и началось. Сначала пришлось спускаться с восьмого этажа по лестнице: лифт почему-то молчал – и это оказалось только первой ласточкой. Выйдя из подъезда, с горечью оценил ситуацию. Перед его машиной – поперек – красовалась маленькая желтенькая «мазdochка». Прикинув, понял – хозяин этого «цыпленочка», даже если и пошел, чтобы только что-то взять и спуститься вниз, в пять минут не уложится. Догадка же, что это может быть не хозяин, а хозяйка – и даже, скорее всего – перечеркнула все потуги эвклидовой логики. Он тоскливо посмотрел на часы. Ждать каких-то привилегий от судьбы, похоже, не стоило. По крайней мере, сегодня. Правда, ехать в университет или идти пешком – по времени – почти одно и то же. Иногда на машине – даже дольше. Разделительная полоса повернуть к университету около самого здания не давала. Это не то, что просто линия, которую можно пересечь, с оглядкой пренебрегая правилами. А до места разворота – километра полтора. Конечно, для машины – дело левое. Но тут все упиралось в скопление в этом месте желающих развернуться. Иногда осуществить такую простую операцию при интенсивном встречном потоке получалось с третьего, а то и с четвертого светофора. Вот и получалось:

что пешком, что на машине – почти одинаково. Общественным же транспортом – по кругу – в два раза дольше. Другой раз Александр даже не обратил бы никакого внимания на эту засаду. Но сегодня, как назло, надо ехать. Сегодня после занятий необходимо попасть в ту часть города, где нет метро. Отдавать бобло за такси – туда и обратно – жаба задавит. А добираться на перекладных – тоже не фонтан.

Простояв долгих минуты три, он уже было собрался уходить, утешаясь мыслью, что недалеко, и что «бэху» свою заберет после занятий: «Подумаешь: пару километров для собаки – не круг». И тут его ухо уловило звук открывавшейся двери, а боковое зрение – движение: из подъезда кто-то выходил.

«Неужели Шарикову свезло?» – он повернул голову в ту сторону. И на мгновение забыл и об университете, и о своей «пятерке», «ноздрями» уткнувшейся в бок желтенькой «мазды». И о себе самом. «Вот уж поистине – принцессу видно по походке», – сцена сознания всецело заполнилась восторгом. Но, правда, ненадолго. Его сменил жизнеутверждающий цинизм: «Падать ниц и целовать ноги... между ботфортами и подобием юбочки... Bravo, Карл Густав Юнг... и вам, и вашей синхронии. Ну, кто бы сейчас поспорил со мной по поводу того, кто же хозяйка этого «цыпленочка»... или «канареечки»? – Александра снова охватило чувство восторга: желтенькая коротенькая курточка через узость талии подчеркивала шикарную округлость бедер, – Пожалуй,

мне дважды свезло. И на машине поеду, и с девушкой красивой познакомлюсь». В последний момент ему показалось, что незнакомка все же собирается повернуть от него в сторону. «Не-ет... не-ет, не может быть. Надо, хоть познакомиться, – впорхнула в сознание отчаянная мысль, – Черт уже с ним, с этим универом... или хотя бы с первой парой».

– Ради бога, извините, пожалуйста...

И проверенная пауза. Она срабатывала, за редким исключением, всегда.

– Да? – девушка взглянула ему в глаза с лукавым любопытством, – Я слушаю вас, молодой человек.

Дарский интуитивно почувствовал – коса нашла на камень: «Либо очень умна. Либо глупа до безумия». Тут же снова нарисовался цинизм со своим беззлобным комментарием: «Ну что? Вот тебе и дилемма, дорогой. Как это там... умные женщины управляют умными мужчинами, а глупые – любимыми? Вот и получается – ты проигрываешь при любом раскладе».

Незнакомка вытащила из кармана ключ зажигания и «канарейка» отозвалась сигнализацией.

– Вот это я как раз и хотел узнать, – обрадовался Дарский, – Вы мою машину заблокировали, – поспешил он ответить на недоумевающий взгляд незнакомки.

– Вашу? Извините... ради бога, – девушка будто подсмеивалась над ним, повторив его «ради бога». Но изобразила при этом виноватую улыбку, – Я буквально на секундочку.

Забегала посмотреть квартиру.

– Здесь у вас квартира? – простовато удивился Александр, – Что-то я раньше вас не видел?

– Может, не обращал внимания? – кокетливо спросила незнакомка, переходя на «ты». Улыбка выдала игру.

«Конечно, понимает, что такого просто не может быть», – Дарский в вопросе тут же уловил интерес к себе.

– Вы сами-то в это верите? – не стал он нарушать предложенные ею правила. Впрочем, играть-то особо и не пришлось – подсознание выделило полный набор чувств.

– Шучу! – красиво засмеялась незнакомка и протянула ему маленькую ручку, – Валерия.

– Очень приятно, – он подержал ее пальчики чуть дольше, чем, казалось, необходимо, легонько сжав, – Александр.

– Мне нужна квартира, Саша. В вашем доме – один из вариантов.

– Купить или снять? – беспардонно высказал интерес Дарский, тут же почувствовав возможную неуместность вопроса, – Извините, ради бога, за любопытство.

– Ничего страшного, – немного смутилась она, – Снять, конечно. У меня пока и денег-то таких нет, чтобы купить.

– Так мы с вами можем стать соседями, Валерия?

– Можем. Если меня устроят условия... кстати, можно просто – Лера.

– И на «ты»... – не то спросил, не то высказал пожелание Саша.

– Давно пора, – обворожительно засмеялась она, – Разве в этом суть фамильярности? Я вообще не люблю выканья. Весь Запад – на «ты». Но понимание уважения, а тем более – субординации... можно только позавидовать, – Лера подошла и открыла дверцу «канарейки», – Саша, извини, мне пора. Приятно было познакомиться.

Она открыла сумочку и достала оттуда визитку.

– Вот... может, понадобится что-нибудь... тогда, ради бога, – она улыбнулась, – Клевая фишка.

– Да это не фишка, – Дарский взглянул на визитку, – «Представительство? Парфюмерия?» Посредине на кремовом фоне прямоугольника большими золотыми буквами с вензелями выдавлено – «Валерия». А под ней – маленькими – «менеджер». «Понятно теперь, почему мы такие разговорчивые», – Спасибо, Лера. Ты даже не представляешь, как облегчила мне жизнь, – заулыбался Саша.

Она вопросительно посмотрела на него. Типа – «о чем ты блеешь, козлик?» Но тут же, спохватившись, поменяла взгляд – улыбнулась. «Судя по тому, как посмотрела, вряд ли поняла, что я имел в виду ее телефон, а не координаты продавца парфюмерии», – подумал.

Лера, продолжая мило улыбаться новому знакомому, села за руль и помахала ручкой. А через несколько секунд «канарейка» уже выруливала со двора. Александр встрепенулся. Он совсем забыл, что куда-то спешил, о чем-то переживал только что. Настолько увлекся. «Неужели судьба?» Послед-

няя мысль и приятно, и в то же время неприятно отозвалась в сердце, как будто предупреждая о чем-то. Заставила задуматься на секунду.

– Да пошло все к черту! – выплеснул он, наконец, собиравшиеся сомнения: «Будь, что будет!»

4.

Вениамин Петрович уже почти подходил к дому, когда из угла здания навстречу вышел Дарский – заставил вздрогнуть от неожиданности. Он почтительно поздоровался, проходя. И Пекарик ответил, кивнув. Кровь разнесла по сосудам возникшее чувство вины, моментально напомнив о Румане и о том, что тот ждет звонка. «Да-а, на вору и шапка горит», – подумал, и эти слова – нет-нет – да и всплывали в сознании через обрывки мыслей до самого подъезда.

Войдя в квартиру и раздевшись, Вениамин Петрович вымыл руки, вспомнив почему-то Пилата. Как будто он – Пекарик – собирался отдать Александра Дарского на распятие. Будто в его власти – быть тому или не быть. «Разве Пилат мог что-то сделать... или не сделать?... – пришла спасительная мысль, – В том-то все и дело, что не мог». Мысль принесла осознание, что прокуратор так же, как и все участники того действия, пребывал в руках Бога Отца. Вселенной. Великой нелинейной системы, с ее огромнейшей инерцией, в чьей власти находится все. И что человеческая воля по сравнению с реализацией созданного ею причинно-следственно-

го порядка развития событий, собственно, ничто. От догадки перехватило дух. И, как результат, пронзило, как молния, озарение: «Вот она – небесная твердь: пространство в рамках физической Вселенной – это вещество, которое я наблюдаю изнутри. А вещество – это пространство снаружи. А я, находясь между супер великим и супер малыми мирами, божественная середина. Я – и бог и ничтожество одновременно». Такую альтернативу живой ум профессора обойти, просто, не мог. «Так кто я? – не преминул в нем отозваться циник, вызвав улыбку, – Божественное ничтожество? Или ничтожное божество? Не-ет... я не то и не другое: я – пульсирующее богоничтожество... я – человек...»

Додумать не получилось – прозвенел звонок в дверь. Пекарник поймал себя на мысли, что в его руках чайник, что он собрался наполнить его водой, чтобы встретить друга чашкой кофе. А потому решил довести дело до конца: «Подождет секундочку». И только после этого пошел открывать.

Руман стоял в спортивном костюме и почему-то не в домашней обуви – в кроссовках, с заложенными внутрь не завязанными шнурками, держа в руках свою кожаную сумку. «Через магазин, видимо, ко мне», – Вениамин Петрович сделал приглашающий жест.

– Заходи, Миша. Сейчас кофе пить будем... если хочешь, с коньяком, – нарочито спохватился он, улыбаясь.

– С коньяком – это здорово, – Михаил Моисеевич понял, что его раскусили и издеваются. Похлопал ладонью по сумке:

– Знал бы, что мне здесь предложат, сэкономил бы.

– Нет, Мишель, ты не настоящий еврей. Тебе же уже предложили – зачем трезвонить о своей бутылке?

– А это как? Анекдотический, что ли? – с серьезной физиономией сделал ответный ход Руман, – Ты готов ответить за свои слова?

Пекарик снова улыбнулся:

– Может, обойдемся без разборок? Я что – не пацан?

– Пацан или поц? – в лице Румана промелькнуло не то, чтобы злорадное, но все же удовольствие. «Вот он – кислый виноград предков», – снова вспомнил библейскую сентенцию Пекарик.

– Так, Руман, прекращай межэтническую рознь разжигать. Потом будешь обвинять меня в антисемитизме.

– А кто первый начал? – возмутился тот.

Оба как-то невесело рассмеялись. Будто одновременно оценили, что не очень-то эта юношеская бравада соответствует их нынешнему состоянию. Да и настроению. Обоим на мгновение стало грустно. Может, от того, что ушло бесшабашное время, когда такое препирательство было нормой, и что в их шутке больше банального цинизма, чем самой по себе шутки. Но, как ни странно, именно это, дав единство понимания, что с ними происходит, вдруг снова сблизило. И оба почувствовали это.

Вениамин Петрович плеснул на доньшки широких внизу рюмок содержимого красивой бутылки. Михаил Моисее-

вич взял ближайшую к нему, наслаждался запахом и сделал глоток. Пекарик, как всегда, лишь пригубил. Он вообще не пил, а лишь соприкасался с хрустальной коньячной рюмкой, только, чтобы ощутить обжигающую ноздри терпкость со-держимого.

Затянувшаяся кофейная пауза абсолютно не напрягала. Каждый думал о своем. Но обоим казалось, что мысли у них одни. Михаил Моисеевич предполагал то, что услышит. А Вениамин Петрович то, что скажет. Наконец, Пекарик улыбнулся.

– Ну что, Миша...

– Веня, давай без церемоний. Я готов. Тем более, что многое из того, что ты мне сейчас расскажешь, я так понимаю, уже шесть лет назад слышал.

– Да. Но то, что я рассказывал тогда, это – цветочки, – Вениамин Петрович на секунду задумался, – Надеюсь, тебе не нужно объяснять, кто такой Никола Тесла?

– Ну, кто не слышал о Тесла? Это выдающийся физик. Работал с электричеством.

– Да, Миш, это великий ученый, – продолжил Вениамин Петрович, – Он намного опередил свое время. Как ты знаешь, благодаря ему, мы сейчас пользуемся переменным током, а не постоянным. Чтобы было понятнее, скажу, что нынешний столь мощный технический скачок мог бы без него и не состояться. Среди современников существовало высказывание о том, что именно Тесла сотворил двадцатый век.

– Да-да, я что-то такое слышал, – сделал несмелое замечание Михаил Моисеевич, – А, кстати, забыл – кто он по национальности?

– Миша, – улыбнулся Пекарик, – Ты хочешь услышать, что он еврей? Таки нет, Миша. Тесла – серб. Но речь сейчас совсем не об этом.

– Да я слушаю... слушаю, – повторил Михаил Моисеевич с нажимом.

– Речь о том, что многие из своих изобретений он человечеству так и не доверил, осознавая, что люди пока не готовы принять такой дар.

– Серьезно? – удивился Руман.

– Совершенно. Вот и я думал – стоит ли рисковать собой? Стоит ли вообще проводить эксперимент, о котором, возможно, я никогда не смогу рассказать людям? Но... – Вениамин Петрович на пару секунд замолчал, будто подбирая слова, чтобы понятнее выразить мысль, – Но любопытство исследователя, Миша, зуд, обещающий чувство эйфории, который сопровождает меня уже многие годы, подсказывает, что я должен экспериментально закрепить свое открытие. Что именно это уготовано мне судьбой. Я чувствую, это она – судьба. А избегать ее – занятие опасное.

С минуту длилось молчание.

– Веня, – осторожно начал Руман, – я пока слишком далек от понимания чего-либо. Может, ты уже конкретизируешь – с чем хочешь меня познакомить. А то у меня ощущение, что

ты меня сканируешь – проверяешь, можно мне довериться или нет?

– Ну что ты такое говоришь? – возразил Пекарник, – А зачем я тебя тогда позвал? Ты пойми – то, что я тебе сообщу не дело двух минут, и даже не двух недель. Это система, которую тебе придется изучить. Но и это не главное. Главное – что по сравнению с психологией это парадигмально иное представление о человеческом сознании, через которое тебе придется воспринимать не только взаимодействие физиологии и психики, о чем сейчас принято говорить, но и многое другое. Например, понимать материю не только как вещество нашего физического мира, – на лице Михаила Моисеевича отразилось повышенное внимание, – Не торопи меня, Миша, ведь в итоге я собираюсь доверить тебе не только сокровеннейшую из моих тайн, но и свою жизнь. А Тесла я вспомнил, чтобы объяснить тебе противоречия, борющиеся во мне, с одной стороны. А с другой – показать тебе примитивнейший способ получения информации из иной реальности, который я позаимствовал у него и который лежит на поверхности – незамечаемый. Именно через него я понял, а затем и научился перетекать сознанием в иной частотный диапазон вселенной без потери памяти...

– Ошарашил ты меня, однако... – начал, было, Михаил Моисеевич, но Пекарник перебил его. Видимо почувствовал, что товарищ собирается славословить.

– С вводной речью покончено. Выбирай. С теории начнем

или рассказать тебе о моих практических экспериментах?

После секундной паузы Руман кашлянул в ладонь.

– Знаешь, Вениамин Петрович, – он стал отрешенно серьезен, – ты владеешь предметом и тебе определять, с чего лучше начинать. Давай, по порядку. А я превращаюсь в уши, потому что, то, что уже успел услышать, настолько превалирует над моим нынешним пониманием действительности и не соответствует моей карте реальности, что ни о каких амбициях ученого с моей стороны не может быть и речи. Коротче... – выражение его лица показало всю трудность отречения от собственного эго, – я – твой ученик... и это без всякого сарказма.

5.

Пекарик добавил немного коньяку в рюмку Румана и три капли – символически – себе:

– Давай... за то, чтобы у нас все получилось.

– Давай. Я почему-то верю... и в тебя, и в то... что, чему быть, тому не миновать, – Михаил Моисеевич спохватился, – Начинай, Веня. Не терпится уже увидеть мир через твою карту реальности.

– Сейчас, – Вениамин Петрович помолчал несколько секунд, – Начну, пожалуй, с того, каким образом я вышел на все это... давай, забирай бутылку и рюмки, а я все остальное. Неси на журнальный столик – к дивану. Там будет удобнее.

Устроившись, друзья настолько прониклись доверием

друг к другу, что весь оставшийся налет социального шлама облетел полностью. Он открыл души, дав возможность слиться в едином творческом порыве, когда не нужно долго и натужно объяснять суть предмета и когда намека достаточно для осмысления чего-то сложного, кажущегося громоздким и неподъемным с точки зрения понимания посторонним человеком.

– Представь себе, что твое сознание состоит из трех ярусов, – Вениамин Петрович внимательно посмотрел на товарища, – Но не так, как у Фрейда. Старик Фрейд путал подсознание с бессознательным.

Михаил Моисеевич согласно кивнул, одновременно пожав плечами.

Убедившись, что его речь не собираются перебить вопросом, Пекарик продолжил.

– Оккультизм говорит о трех планах бытия – физическом, астральном и ментальном. И о семи из девяти подпланах, в основном различаемых его адептами. Георгий Гурджиев – если помнишь, я говорил – описывает человека, как трицентричное существо, обладающее тремя центрами сознания. В даосизме есть понятие о трех дантянях – верхнем, среднем и нижнем. И там, как и в оккультизме, есть девятиричная модель информационно-энергетических уровней материи, сосредоточенных в них. Египетская философская традиция говорит о семи планах. То же самое мы видим и в индуизме – семь тонких тел. В какой-то степени и Каббала в Древе

Жизни дает семь планов или ярусов, на которых располагает десять сфер, но там тоже есть троичность – личность, душа и дух... -Пекарик на секунду замолчал, – Чтобы было проще понять, представь себе старый дом с подвалом и чердаком. Подсознание – это подвал сознания. А надсознание, или, как его часто называют, сверхсознание – чердак. На чердаке – все, что не выбрасывается и храниться поколениями. Это наше архетипическое сознание – плод метемпсихоза с его реинкарнационной памятью. В подвале хранятся запасы для выживания физического тела. Генотипическое, если можно так сказать, сознание. Или сознание, сосредоточенное в эфирном теле человека. Первичное – животное сознание. Оно всегда находится при физическом теле в процессе жизни. Даже тогда, когда мы с бытовой точки зрения теряем сознание, мы теряем только его рациональную и творческую части. Первичное – остается, чтобы выполнять вегетативную функцию. Понимаешь, о чем я?

– Ну, конечно: суть я улавливаю, хотя и не совсем... но мне очень интересно, – заметил Михаил Моисеевич.

– Здесь два аспекта... Первый необходим для понимания, почему появляется противостояние животного и божественного уровней сознания. А второй – для осознания того, что ни животное, ни божественное – не обладают такими возможностями дифференциации информации, какими обладает средний уровень – рациональное сознание. Оно, являясь полем борьбы, умножает двойственность одного и дру-

гого. Первичное сознание – или подсознание – оперирует понятиями «приятно – неприятно», в которых опасность и удовольствие, страх и наслаждение. А надсознание заведует творческими категориями – «хорошо – плохо». И вот когда на поле рационального сознания сталкиваются плохо сопоставимые категории, например «приятно» и «плохо», это поле превращается в поле сражения.

– Ну, это-то классика... – вставил комментарий Руман.

– Да... конечно, это конфликт, – продолжил Пекарник, – И в этом случае мы выбираем направление. Помнишь? Как в сказке. Три дороги перед нами. Остаться животным, сохранив тело. Перейти в божественный мир, это тело потеряв. Или остаться человеком, укрощая в себе животное через связь с этим божественным миром.

– Да-а?.. – Михаил Моисеевич что-то хотел сказать, но Пекарник продолжил.

– А в Дзэн-Буддизме муслируется тема длительности передачи информации в человеке. Вот, например, вопрос ученика – «куда летят птицы?», и ответ учителя – «уже улетели». Это тоже наталкивало меня на не замечаемую нами в процессе мышления длительность восприятия действительности. Кстати, с потерей ее истинности. Это приводило к соображениям, нагнетающим во мне такую тоску бессмысленности и бестолковости бытия, случайности событий, как это трактует современная наука. Начинало складываться мнение, что вся эта книжная заумь, а особенно умствования пи-

сателей, поднимающих и интерпретирующих подобные темы, нужна только для того, чтобы стричь глупых овец наподобие меня. Я стал думать, что все-таки и наука наша вообще, и психология, в частности, приемлющие лишь эмпирическое и рациональное познание мира, правы в своем консерватизме. Но что-то внутри меня поддерживало ощущение, что вот-вот что-то до меня дойдет. Что-то такое произойдет, и я все пойму и стану другим.

Последней каплей тогда стал Гермес Трисмегист, его многочисленные последователи и, наконец, карты таро, поиски смысла в которых ввели меня окончательно в ступор. Я уже не хотел ничего, кроме того, чтобы вернуться на исходную, забыть весь этот кошмар, обещанный Библией, – Вениамин Петрович уловил тень недоумения во взгляде друга, – Многия знания – многия печали, – уточнил он, и посмотрел на забытые рюмки.

Михаил Моисеевич сидел и молчал, настолько поразило его услышанное, что через догадки, через озарения поражаало масштабностью и чудесностью.

– Ну вот, – продолжил Пекарник, – я уже окончательно запутался и был близок к состоянию сумасшествия. Это было летом – мне тогда стукнуло тридцать четыре: я сидел с книгой арканов таро на берегу нашего озера... там, где возвышение, – уточнил он, реагируя на мимику Румана, – Где сосны к самой воде подходят...

Руман молча кивнул.

– Почти машинально я пытался примирить раздраз в душе при чтении эзотерического значения одного из арканов. И вдруг! – наверно, Вениамин Петрович слишком эмоционально выпалил это «вдруг». Михаил Моисеевич даже вздрогнул от неожиданности, – вдруг я увидел, что одна из ветвей сосны, что стояла ниже, почти у самой воды, засветилась ореолом фосфоресцирующего света, распространяя его повсюду. Я обвел взглядом перспективу озера. Все виделось как-то не так. Вроде бы так же, но все же не так. И тут до меня стало доходить... – голос Пекарика приобрел налет таинственности, – Все вокруг было мной: я чувствовал себя всем, что меня окружало. Ветка, на которую я вновь посмотрел, ощущалась не менее правдоподобно, чем собственная рука. Пульсациями проявлявшееся удивление, охватившее меня, переплеталось с волнами растущей эйфории. Они как будто ткали холст, на котором сознание рисовало невысказанные вопросы. И вот, достигнув какого-то предела, чувственность, если это состояние можно так охарактеризовать, отхлынула. Все вокруг стало, как и прежде. Но... – Пекарик в запале направил на Румана указательный палец, которым до того потирал нижнюю губу, – ...но в сознание пришла ясность. В нем появилась структура. Мое сознание стало кристаллом в том смысле, что в решетке его структуры все заняло подобающее ему место. Информационно-энергетический потенциал любого конструкта позволял ему находиться только в соответствующей ячейке появившейся системы, – Вениамин

Петрович остановился, переводя дыхание, – Миша, надеюсь тебе не скучно слушать мои воспоминания?

– Что ты? – искренне возмутился тот.

– Просто я думаю, – палец вернулся на прежнее место, – что без этого экскурса в прошлое будет совсем не то.

– Правильно думаешь. Мне очень интересно, Веня. Все это раньше я воспринимал поверхностно, как игры разума. И вот теперь, на фоне задуманного тобой эксперимента, начинаю видеть под другим углом. Не отвлекайся...

– Да в принципе, об этом больше и сказать нечего. Единственное, что можно добавить, что, наверное, с месяц, а то и больше, меня мучила эйфория. Ну, мучила – это, наверно, не совсем правильно сказано. Представляешь, – снова вдохновился Пекарик, – задаю себе вопрос, и как будто бы сам на него отвечаю. Иногда сразу, иногда через некоторое время. Но всегда получаю ответы на вопросы, которые годами носил в себе. А после ответа – волна эйфории накрывает. Первое время настолько сильно, что я даже не мог сдерживать слезы. Слава богу, это было летом, а не во время семестра, – улыбнулся он, – Повеселились бы студенты.

Оба рассмеялись.

– Все, Миш, хватит на сегодня рассказов, – бескомпромиссно заметил Пекарик, – Завтра лекции – и у тебя, и у меня.

– Ладно, – по своему понял Михаил Моисеевич, – Придется довольствоваться кофе. А вот от вопросов моих тебе

не уйти. Пару-тройку я уже держу в уме...

И еще около часа они беседовали. Оба давно не получали такого удовольствия от общения. Михаил Моисеевич радовался, как ребенок, что ему доверили тайну, важность которой он уже начинал понимать. А Пекарик был доволен, что, наконец-то открылся миру – пусть даже и в лице старого друга.

«Странно, – думал Руман, спускаясь на свой этаж, – казалось бы, я должен завидовать ему... такое открытие! – его сознание несколько вибрировало, – Это же не просто какая-то Нобелевская премия. Это же – весь мир у ног. А зависти... ни грамма».

6.

На первый час Дарский, естественно, опоздал. Заходить не стал: декан не любил подобной бестактности. Предупреждал, что первые пять минут он еще приемлет вхождение опоздавших. Но не более того. «Ждите, – говорил, – до следующего часа. Не уважаете себя, к другим отнеситесь с уважением, – и добавлял, – Хотя человек, не уважающий себя, уважать других не может по определению, ибо сие чувство ему попросту не знакомо».

Не сказать, чтобы декан был занудой, но иногда его прорывало. Александр, правда, этого особо не замечал. Может, потому, что Вениамин Петрович ему нравился. Он даже вче-

ра курсовую у него взял завершающую, чтобы потом попроситься к профессору Пекарику на диплом. Но многие студенты именно так и думали. Особенно те, с которыми у декана возникали трения административного характера. Он студентов защищал по возможности перед ректоратом, но не упускал случая использовать промахи в воспитательных целях, не называя, правда, при этом имен. Но, как говорится, на вору и шапка горит.

В начале второго часа, как всегда, профессор перебрался несколькими фразами со старостами по поводу отсутствующих и продолжил.

– Для свободных художников сообщаю, – при этом посмотрел Дарскому в глаза, – что сегодняшняя тема, которую мы разобрали на первом часу, достаточно проста для понимания. С ней разберетесь сами. Почти во всех учебниках – тех авторов, которых я дал – эта тема освещена фактически одинаково. Никто из ученых за полтора почти столетия ничего нового не сказал. А посему второй час я хочу посвятить теме, впервые в психологии очень громко заявленной Фрейдом. Мы это прошли с вами на младших курсах. Этот наш разговор будет носить факультативный характер. Но завожу я его в преддверии будущей – очень сложной темы. Надеюсь, это поможет понять суть человеческой психики под несколько иным углом зрения. Такого ни в одном учебнике вы не найдете, и даже в моих научных работах и монографиях. К тому же мне хотелось бы узнать, насколько это вам по-

кажется интересным. В перспективе, если наберется достаточное количество любознательных, можно будет состряпать и факультатив... – декан замолчал. Обвел аудиторию глазами и улыбнулся, – Речь пойдет о человеческом целом. Может, есть желающие напомнить нам – как Фрейд структурировал психику?

В первых рядах появилось несколько рук

– Да-а! Ладно – спишем это на скромность. Ну... вот вы, молодой человек, – обратился он к бледному очкарику из первого ряда.

– Зигмунд Фрейд... – начал тот.

– Представьте, пожалуйста, и продолжайте.

– Андрей Климович... Фрейд делил психику на Идо, Эго и Сверх Я. Если нужен развернутый ответ...

– Нет, спасибо, – остановил его Пекарик, – Я думаю, уже все вспомнили пройденный материал. Итак, что мы имеем? Мы имеем понимание того, что наша психика по Фрейду является бессознательным, сознанием и сверхсознанием. Древнее знание, представленное нам Каббалой, говорит почти о том же. Только более структурировано и конкретно. Может, кто-то знаком с Каббалой?

Поднялась масса рук.

– Неужели столько интересующихся? – усмехнулся профессор, – Только я имею в виду знакомство не с понятием «Каббала», а с ее учением... хотя бы принципиально.

Дарский продолжал держать руку. Впереди – он видел –

все опустили.

– Один? – в возгласе декана не было ни удивления, ни недовольства, – Ну что ж, и это неплохо: Каббала – дисциплина очень сложная. На ее постижение люди клали целые жизни, и до сих пор кладут. Понятие «кабала», в смысле кабальных условий жизни, происходит как раз от учения, называемого Каббалой. Выражение «попасть в кабалу» как раз и отражает трудность постижения этих знаний, – профессор что-то подсмотрел в своих записях и пошел к доске, – Так. Двигаемся дальше, – он взял мел и стал чертить на доске круги и линии. Студенты сидели тихо, заинтригованные чем-то непонятным, но, почему-то кажущимся очень значительным, – Что я изображаю, Дарский? – не поворачиваясь к аудитории спросил Пекарник.

– Дерево Жизни, Вениамин Петрович.

– И все? – Пекарник положил мел и отряхнул руку.

– Ну... могу сказать, что это многозначная схема. Если попытаться использовать язык космогонистов, она отражает миропорядок. Она же передает суть системы «человек» во всем ее многообразии, концептуально состоящей из личности, души и духа. Физическое тело человека, как мне кажется, соотносится с десятой сферой – Малкут, и входит в понятие личность...

– Спасибо, Александр, – остановил его Пекарник, – Если бы у нас был зачет по этой теме, я бы вам поставил его автоматом.

Студенты отреагировали на выступление коллеги и резюме преподавателя весьма эмоционально. Профессор замолчал – ждал, когда аудитория утихнет.

– Пошли дальше. Вот вам упрощенные параллели, – Пекарик показал рукой в сторону доски, – Очень упрощенные, – добавил он, улыбнувшись, – Личность Каббалы – Идо. Душа – Эго. Дух – Сверх Я, – он снова подошел к доске, – А есть еще один слой знаний – оккультный. Он говорит о существовании физического плана, астрального и ментального, и параллелях этих планов в человеке... – Вениамин Петрович посмотрел на часы, – Времени осталось мало, поэтому слушайте, не отвлекаясь, – он снова взял мел и быстро изобразил на левой стороне доски девять строчек – по три, с промежутками. А на правой – почти в том же порядке – семь, – Смотрите! Вот – физический план, – обвел Пекарик нижнюю троицу слева, – Вот – астрал, – среднюю, – А вот – ментал. Читаем...

менталь в ментале,
астраль в ментале,
отражение физического в ментале,

4. менталь в астрале,
5. астраль в астрале,
6. отражение физического в астрале,

отражение менталья в физическом,
отражение астралья в физическом,
физическое само по себе.

Однако, как излагается в одном из оккультных источников, из-за сложности постижения всех элементов шестым – астральным – чувством и невозможности все представить логически – четыре позиции в данном представлении станут двумя. Из-за трудности освещения разницы отражения физического в астрале и астралья в физическом, а также отражения физического в ментале и менталья в физическом, тренированный адепт, практически различает только семь элементов, – профессор переместился к правой стороне доски, – А здесь мы видим уже вот что...

менталь в ментале,
астраль в ментале,
связь физического с ментальным,

менталь в астрале,
астраль в астрале,
связь физического с астральным,

физическое само по себе.

Он сделал паузу.

– Что касается двух выпавших элементов девятиричной схемы?.. – Пекарник повернулся к аудитории, – Полагаю, восьмой элемент – это железы внутренней секреции. Седьмой – нервная система во всех ее проявлениях. А шестой – система «чудесных меридианов» китайской традиции... это энергетические каналы эфирного тела, – уточнил он, – Скорее всего, шестой, седьмой и восьмой элементы девятиричной схемы – это отражение воплощенного – или другим языком прижизненного – единства физического и эфирного тел, известного оккультизму. При переходе к семиричной схеме они все вписываются в шестой элемент. Сюда входит центральный и периферический отделы нервной системы с головным и спинным мозгом, ретикулярной формацией, ганглиями, эфферентными и афферентными нервными волокнами разной чувствительности. Сюда же – железы внутренней и внешней секреции, которые также вписываются в шестой элемент, ибо нервная система и железы внутренней секреции, как вы должны уже знать, составляют систему нейрогуморальной регуляции. Что же касается шестого элемента девятиричной схемы – энергетических каналов эфирного тела, то это, скорее всего, отражение работы той же нейрогуморальной регуляции – через основные энергетические каналы в эфирном теле – Иду, Сушумну и Пингалу и преобразователи частот – чакры – в тонких телах... – Пекарник улыбнулся, окинув аудиторию взглядом. Картина впечатляла: в газах без пяти минут психологов сквозило недоумение.

То ли от концентрации не совсем осознаваемого материала. То ли от того, что услышать такое от профессора психологии – представителя академической науки, никогда не выходявшего за рамки учебного плана, было в диковинку, – Ну, на сегодня, пожалуй, все. Хотя самого важного сказать я не успел. В следующий раз, если получится... и если это вам, конечно, интересно... – он поднял руку, потому что студенты громко отреагировали на его слова, – Но хочу предупредить. Услышанное вами сегодня – лишь пища для размышлений. Все это за пределами академической науки, и не входит в предмет психологии. А потому прошу впредь не путать, и не использовать в рамках учебной программы. А по сему – вопрос: что же я хотел донести до вас непозволительной с точки зрения этой программы вольностью? Как думаете?

– Вы хотите расширить рамки нашего видения, – раздалось чье-то мнение.

Пекарик поднял руку, останавливая возможные реплики. – К следующему разу каждый из вас на листочке напишет свое мнение. Две-три фразы. Кстати, можно без имен. Но... – он снова улыбнулся, – но если мне понравится ваш, как вы выражаетесь, коммент, это может отразиться на моем отношении в конце сессии...

Прозвенел звонок.

Ощущение безысходности, какой-то интеллектуальной ограниченности, возникшее у Александра после неожиданной информационной вольности профессора, продолжало нарастать. Возник откуда-то вопрос – «почему?» Он стоял как бы особняком. Как бы вне досягаемости понимания. И в то же время поток сознания, текущий своим чередом по уготованным вселенной законам, периодически высвечивал его. «Я как будто потерял точку опоры, – пришла догадка, – И это странно, ведь в психологии я никогда ее не находил. И все же я не могу отрицать, что мое состояние – результат лекции профессора». Появился образ декана со спины, когда тот задавал вопрос. А вместе с ним – новое сомнение...

Мелькнувший в коридорной сумятице канареечного цвета свитерок на темноволосой фигурке, обновил чувства, заставив на время забыть о Пекарике. Все, казалось бы, встало на свои места: иерархия небесная пронизавшая собой всю земную аморфность, начинала выстраивать только ей понятный порядок. Как будто океан души, который до этого крепко штормило, успокоился до состояния почти полного штиля, и солнце – горячее и ласковое, засверкало на его поверхности, поднимая зрительный порог до такого уровня, когда перестаешь видеть все неприятное. Умиротворенность и покой. И наслаждение этим покоем. Пусть ненадолго. Пусть всего лишь на мгновение: до того момента, когда заканчивается текущий цикл, чтобы перейти в следующий. До того самого момента, когда хочется сказать: остановись мгновение

– ты прекрасно. Но покой – лишь вершина – предел предыдущего напряжения: он приносит новое напряжение, которое стимулирует движение. Как следствие предыдущей причины преобразуется в новую причину, так и покой обращается в новый поиск покоя. Или чего-то такого, что, интегрируясь с тем, что есть, приносит кратковременное успокоение. А в итоге – «вечный бой», а «покой нам только снится». Александр снова ощутил напряжение, потому что снова вспомнил декана. И попытка уравновесить Леру всем тем, о чем тот говорил, стала осознаваться как полный бред: за гранью нормальности. В паузе между последней и еще не появившейся мыслью – где-то за пределами того, что воспринимается как поток сознания, – мелькнуло возмущенное «почему».

Подсознательное возмущение показалось яркой вспышкой, озарившей и то, что кажется рациональным сознанием, и то, что воспринимается как интуиция. Образ красивой жизнеутверждающей самочки в желтенькой курточке, коротенькой юбочке и черных ботфортиках на стройненьких точеных ножках взял верх: «Ну, разве можно спокойно думать о такой? Вот и весь секрет: мое подсознание постоянно держало руку на пульсе. А мне подспудно выдавало тревогу, – Александр улыбнулся, – Почему же тревогу? Волнение... волнение от предвкушения встречи. Как же все просто!»

Приятное ощущение, идущее снизу и сверху, интегрируясь где-то в районе груди, привело к легкой эйфории, рас-

пространяясь по всему телу. Заставило вибрировать каждую клеточку. Сознание по каким-то своим неисповедимым законам ассоциировало ее с образом матери, напомнив о родителях, уехавших в Мюнхен. Но оттолкнувшись от желтизны кленовых листьев на черном асфальте, сознание вновь нырнуло в омут эйфории.

9.

С тех пор как Пекарик стал деканом, Михаила Моисеевича постоянно мучил вопрос – почему он? Ведь шли на равных. И соревновательности никакой. Началось все с того, что старый ректор умер, и пришел новый. Поговаривали, что его, как слишком ретивого карьериста, чтобы не мутит воду, отправили в почетную ссылку. Первым, кто пострадал от ретиво взявшейся за дело «новой метлы», оказалась декан психологического факультета с «необоснованной и непонятной амбициозностью»: она как-то почти сразу оказалась неудобной. И после собеседования нескольких кандидатов с ректором, одним из которых оказался и Руман, деканом психологического факультета стал Вениамин Петрович. А Михаила Моисеевича сделали замом. Да и то благодаря Пекарику. А потому внутренний дискомфорт первое время редко покидал его сознание. Особенно когда эту тему по простоте своей затрагивала Розочка Аркадьевна. Она умела поддержать в трудную минуту. Да так, что после разговора с женой Михаил Моисеевич чувствовал себя не иначе как котом, нага-

дившим в отведенном для этого месте, за что его и гладят, и хвалят, учитывая, что при таком уровне сознания данное поведение достойно этих похвал.

Но вот вчера, а еще больше сегодня, когда пришло, наконец, осознание реальности происходившего, в нем вдруг на мгновение всколыхнулись запоздавшие чувства. «Что это? – думал Михаил Моисеевич, – Укол совести, подготавливаемый так долго, чтобы стало как можно более от чувства стыда перед другом детства, которого я, как Каин Авеля, готов был принести в жертву своим амбициям? Стыдно! – он даже почувствовал прилив крови к ушам, – Я считал, что не менее достоин этого места? Считал, что не глупее Веника? – он даже разозлился, машинально встал из-за стола и также машинально поднял руку и взглянул на часы, – Еще два часа выдержать... пора идти, а то детишки расшумятся, – он улыбнулся, наморщив при этом нос – надо же, назвал студентов детишками, – У них, у некоторых, свои уже дети есть». Михаил Моисеевич вздохнул, напорвшись вдруг на тему, которую тщательно старался вымарать в себе...

Роза родить не могла, а он ее любил, и потому, как горько поначалу не чувствовал отсутствия потомства, о том, чтобы бросить жену даже и мысли не возникало. Не из тех он, кто предает друзей потому, что они не во всем соответствуют его ожиданиям. А Розочка ему и друг, и жена, и любовница, а за это нужно платить. Вот он и платил невозможностью почувствовать себя отцом. А через это понимал, что его чувства –

это пыль по сравнению со страданиями любимой. Потому и любил еще больше, и жалел. Замкнутый круг...

Постояв несколько секунд перед аудиторией, он вошел.

– Добрый день, коллеги! – Михаил Моисеевич выждал несколько секунд, – На прошлой лекции мы с вами отметили основоположников гештальт-психологии...

Зашли и быстро присели недалеко от дверей еще двое студентов.

– Позволю себе цитату из книги одного из ярких представителей этого направления... Фрица Перлза... – Михаил Моисеевич остановился, внимательно окинув взглядом аудиторию. Достал листок и стал читать, – Любой разумный подход в психологии, не прячущийся за профессиональным жаргоном, должен быть понятен интеллигентному заинтересованному читателю и должен основываться на фактах человеческого поведения. Если это не так, с этим подходом в принципе что-то не в порядке. В конце концов, психология имеет дело с наиболее интересным для человека предметом. С нами самими и с нашими близкими.

Руман окинул взглядом аудиторию.

– Помните, в чем суть данного метода? Или подхода? В том, что факты восприятия приобретают определенное значение благодаря своей специфической организации. На прошлой лекции мы говорили о группе немецких психологов, работавших в области восприятия. Они обнаружили, что человек не воспринимает отдельные, не связанные между со-

бой элементы, а организует их в процессе восприятия в значимое целое. Он воспринимает все увиденное не как отдельные детали, а как некоторое единство, в котором один из элементов в определенный момент выделяется – становится так называемой фигурой, в то время как остальные составляют фон. Выбор фигуры среди других элементов определяется многими факторами человеческой психики, но основой этого выбора является интерес...

Он сел за стол и, предложив закончить пораньше – без перемены, стал машинально вычитывать лекцию. Сегодняшнее настроение совершенно не соответствовало творческим озарениям, а потому аудитория, прочувствовав ситуацию, перестала быть единым организмом.

За полчаса до конца пары Руман, взглянув на часы, повысил голос.

– Как и начинал, коллеги, я хочу нашу сегодняшнюю встречу завершить словами бесценного Фрица Перлза. Надеюсь, тот, кому на экзамене попадет гештальт-подход, вспомнит мое отношение к этому ученому, – Руман снисходительно улыбнулся, – Итак, гештальт – это паттерн, конфигурация, определенная форма организации индивидуальных частей, которая создает целостность. Основная предпосылка гештальт-психологии состоит в том, что человеческая природа организована в виде паттернов или целостностей, и только таким образом может быть воспринята и понята, – он поднял голову, – На этом все, коллеги. Соблюдайте, пожа-

луйста, тишину, когда покинете аудиторию. До свидания.

10.

На следующий день Александр все же позвонил. Борьба между «неудобно», о существовании которого по отношению к девушкам он никогда раньше не знал, и «надо» закончилась в пользу последнего. И не потому, что под это решение закладывался фундамент осмысленного волеизъявления. Это банальное следование судьбе. Это выше сил. Не позвонить он просто не мог. Другие варианты даже не рассматривались. Если бы, конечно, Господь дал ему более сильного «стража порога» – в виде не просто «неудобно», а «очень неудобно», тогда бы он просто чуть дольше раскачивался. И только. Ни о каком кардинальном противоположном решении не могло быть и речи. Но этого не произошло. А потому решение – позвонить – слишком большого сопротивления не встретило: капкан судьбы захлопнулся, цепко обняв жертву. И хоть голос ослабевшего инстинкта самосохранения пытался как-то докричаться до разума, инстинкт продолжения рода заглушил его напрочь.

До обеда между «неудобно» и «надо» шла легкая внутренняя пикировка. То – «еще рано». То – «перемена короткая». То – просто «попозже». А потом понял – заврался.

Занятия закончились и толпа вывалившихся из аудиторий студентов более-менее рассосалась, протопав дружно по коридорам. Уже даже телефон в руке. Но захотелось совсем

уединиться. Осмотревшись по сторонам, Александр прошел по коридору в сторону деканата, где, казалось, никого нет. Но тут же напоролся на вышедшего навстречу из открывшихся вдруг дверей профессора Пекарика. Сразу же вспомнил о курсовой.

– Прошу прощения, Вениамин Петрович...

– Да. Слушаю вас, Дарский, – профессор почему-то улыбнулся, будто знал, о чем пойдет речь.

– Я хочу взять у вас тему курсовой по супервизии, если можно, конечно.

– Вам можно, – снова улыбнулся Пекарик, – У вас все ко мне?

– Да, все, Вениамин Петрович.

– Литература на кафедре. Предварительно пообщайтесь с Еленой Дмитриевной: она будет методистом по моим темам. Ну а появится ощущение, что готовы к моим консультациям, милости прошу.

– Спасибо, Вениамин Петрович.

И вот все позади. Номер набран. Гудки, уже начавшие обратный отсчет, ласкают и тревожно заволаживают душу. Один. Два. Три... пять... восемь, и сбой. Неудовлетворенность, смешиваясь с облегчением, вызвала к жизни сложное чувство, требующее набрать номер еще раз. Он так и сделал. И снова впустую. Ощущение, что его игнорируют, успело появиться прежде, чем пришло понимание, что его номера в записной книжке Лериного телефона просто не существо-

ет. «Опять гордыня! – по венам растеклась досада, – Может, просто занята? Или, телефон не рядом? Да мало ли что... – досада принесла чувство неловкости по отношению к человеку, который ни сном, ни духом не ведает, что на него могли обидеться, – И, главное, за что? За то, что в нужный момент под рукой не оказалась?» Александр, ввязавшись в отношения, о которых знал пока только он сам, уже начинал сдавать позиции. А ведь, казалось бы, выучил не единожды предлагаемый жизнью урок – не отзываться о людях негативно и ни в коем случае не обижаться. Чтобы потом не появилось чувство вины. Чтобы не стать потом из-за этого беззащитным и уязвимым. Пусть и ненадолго. Но достаточно, чтобы узнать поражение.

Размышления несколько успокоили. И он решил повторить попытку. Гудки снова зашекетали душу.

– Алё? – калейдоскоп чувств, ворвавшийся в душу тембром долгожданного голоса, наполнял ее оттенками всех цветов радуги. Подсознание автоматически настраивало свое состояние в унисон чувствам далекой, ставшей вдруг близкой женщины. Проникало в ее внутренний мир, чтобы раствориться в нем и познать иллюзию единства противоположностей. Голос Леры, мягкий и вкрадчивый, с легкой и почти незаметной хрипотцой, казалось, ничуть не искажался динамиком – будто она была рядом, – Але? Говорите. Я вас слушаю, – настаивала она.

– Привет! Лера, это... Александр.

– Какой Александр? – тембр стал заметно жестче.

«Уже не помнит... – мелькнуло, – вчера же только...»

– Вчерашний, – не замедлило сморозить, машинально подхватив последнюю мысль, сознание. Стало ужасно неудобно за оговорку, – Ты меня вчера...

– А-а, Саша? БМВ? – догадалась Лера.

– Да, – обрадовался он, – Точно.

– Я очень рада тебе... – в голосе чувствовалась искренность, – но... извини, пожалуйста, мне сейчас должен звонить клиент. Сам понимаешь, это – святое. Я тебе обязательно перезвоню, Саша.

Короткие гудки отрезвили ум, проросли в нем сомнением. Надежда на какую-то долю секунды потерялась в закоулках психики. Но эхом отразившийся в ней голос Леры, повторяя ее интонацию, почти сразу же вернул надежду на место. Она, разрастаясь, заполнила все внутреннее пространство сознания великолепием существа женской природы. «Ведь вся-то суть любви – в ее ожидании! – осенило вдруг Александра. Пришло понимание, что миллионы мужчин до него уже постигали суть этого чуда, – Надежда, подаренная или не подаренная женщиной: именно она делает нас гениями или злодеями. Она строит города и страны или разрушает их, не оставляя камня на камне, на протяжении всей человеческой истории. Она создает шедевры искусства и шокирует мерзостью извращенной фантазии... – он вдруг незримо увидел себя со стороны, – Эка, меня понесло... философ, блин».

Совершенно на автопилоте он доехал до начала улочки, которая до сих пор почему-то носила имя Карла Маркса. Стилизованная деталями экстерьера прошедшего века, изобилующая реставрированными невысокими домиками улица была воплощением обывательского уюта: первые этажи в основном – магазинчики и вычурные заведения общепита. Идиллическую картину городского пейзажа девятнадцатого века портили только асфальт и современные автомобили.

Александр не стал испытывать судьбу – искать парковку ближе к ресторанчику, в котором периодически обедал, увидев свободное место в «елочке», чтобы потом не пришлось наворачивать круги в поисках места. Отсюда ему понадобилось пройти еще метров пятьдесят и перейти на другую сторону, ощутив пронзительный холодный ветерок, который все же не успел испортить ощущения от комфорта, оставшегося от салона автомобиля. На переходе он, правда, чуть не попал под колеса серого «опеля»: дернулся на автопилоте за парнем, перебежавшим на красный. Слава богу, транспорт здесь быстро двигаться не может: обошлось.

А вот и подвальчик. У входа знакомый рекламный щит – раздвижной: в виде настольного календарика. Черный, в завитушках кованого металла, исписанный мелом, он сообщал о сегодняшних ценах на блюда. «Равиоли, барбекю, стейк свиной... из курицы, жульен», – Дарского всегда поражала незатейливость ума местных рестораторов или их подопеч-

ных, попугайничавших друг у друга. Ум психолога хотел понять причины. Что это? Пошлость, таившаяся в отсутствии достаточного образования? Результат воспитания, подчеркивавший неполноценность, и, как результат, тягу к заимствованию – и в частности, к иностранщине? Попытка использовать эффект плацебо? Но самое невероятное, а, может, наоборот, самое вероятное предположение, возникавшее в сознании, намекало на извечную тягу к прекрасному. Он усмехнулся: «А что есть прекрасное в нашем понимании? Такой, казалось бы, простой вопрос. Но ответ? Либо это на самом деле прекрасное, воплощающее принцип динамического равновесия, принцип гармонии золотого сечения? Либо... это – мечта, – поразился простоте ответа, пришедшего таким неожиданным откровением, – Так, значит, утилитарные вещи – простую нашу жратву – нам подают под соусом «мечта»?» Усмехнулся, потянул на себя тяжелую деревянную дверь, вошел в низкое с приглушенным светом помещение и снова усмехнулся, но уже по другому поводу – гримасе наголо выбритого накачанного парня в униформе.

– Привет, Вадим, – бросил дружелюбно.

– Привет, – не отвечая на улыбку, кисло ответил тот.

Это еще больше развеселило Дарского. На «секьюрити», как было написано на бейдже под именем «Вадим», красовался теперь пиджак. Вместо обычных – джемпера с водолазкой. Костюм, белая рубашка и галстук существовали как бы вне того, на ком были надеты – сами по себе. Вспомнилось

из детства: соседская девочка накладывает бумажное платье на такую же – из бумаги – куклу. Он никогда не вспоминал ни о ней, ни о ее примитивной игрушке. А вот сейчас вдруг вспомнил.

– Ты чего грустишь? – обратился к охраннику, – Смотрю – у вас нововведение? Костюмчиком тебя работодатель решила облагородить?

– Вот именно, – буркнул Вадим, – Зато теперь всем, кто меня раньше видел без него, весело. Я теперь вроде клоуна...

– Да брось ты, – улыбнулся Дарский, пытаясь сделать это правильно, – Шикарно выглядишь.

– Вот-вот! – с какой-то скрытой обидой в голосе воскликнул секьюрити, – И ты туда же.

«Блин, красавица писанная, – подумал Александр, – Пока никого нет в вестибюле, небось, еще и перед зеркалом крутишься».

– Да ладно тебе, Вадим. Забей ты... слушай, кто сегодня в моем углу? Катя или Таня?

– Сегодня? Катюшкина смена, – его лицо заметно смягчилось.

– Спасибо, друг, – Александр потрепал его по плечу, как бы выражая свое участие в его горемычной судьбе, – Пошел я.

– Давай, – как будто разрешил Вадим.

Сняв куртку, Дарский повесил ее здесь же – на вешалку, стоявшую чуть в стороне от стола. К нему уже спешило юное создание. Темноволосое. В веснушках. По нежной характеристике Вадима – Катюшка. Белая распахнутая вверху блузка с бейджем «Катя», черная облегающая пропорциональные формы юбка, блокнотик с ручкой, кожаная с тиснением, оттененным золотистой патиной, папочка и красивый пурпурный «коготочек» большого пальчика Катюшки на ней – все это в одно мгновение уловило сознание Александра.

– Добрый день. Давно вы к нам не заглядывали, – улыбнулась девушка, – Будете готовы сделать заказ, зовите, – сказала. И, словно бы нехотя, отошла к барной стойке.

«Вот он – доморощенный психолог, – улыбнулся Александр в ответ, – Небось, рассчитывает... – что-то неприятно шевельнулось в груди, – А может, я ей нравлюсь? Тоже ведь вариант». Девушка стояла недалеко – открытая и беззащитная. Что-то детское сквозило в чертах ее лица, в притягательной улыбке. «Вот оно – коварство самки, – неожиданно констатировало сознание, – коварство самой природы, зазывающей в сети жертвенности». Неприятное чувство, только что готовое исчезнуть, вернулось. Но за ним, почти сразу же, возник сателлит – отрезвляющее чувство вины. Стало стыдно за пошлые мысли относительно девушки. Стыдно оттого, что возвысился незаслуженно над ее женской природой, над ее социальным положением. Оттого, что просто плохо думал о ней. Восставшая из душевного огня совесть

реализовала свое право казнить – право на возрождение и продолжение жизни. Александр на мгновение выпал из этого времени и этого пространства. На мгновение, показавшееся вечностью...

«Чем я лучше этого по-детски милого создания? Тем, что у меня между ног? Тем, что я уже почти дипломированный психолог? Или что у меня есть квартира и машина? Возможность жрать в ресторанах? А, может, тем, что мне достались такие родители, которые мне все это обеспечили? – совесть торжествовала, – Вот-вот – слава богу, что ко всему прочему, хоть немного снабдили совестью...»

Он, наконец, опомнился и показал девушке, что готов. Приятные чувства к маме, к отцу волнами согревающей энергии прошли по телу. Заставили сглотнуть ком в горле: «Надо бы...»

– Слушаю вас? – во взгляде Катюшки сквозила не театральная искренность, которую вряд ли она при своей непосредственности могла сыграть, – Вам, как всегда... или...

– Что? А... да, Катюша, – спохватился, – Мне, как всегда... если помнишь, – добавил он, спохватившись, будто ему делали снисхождение, и в этом случае ожидали благодарности.

– Значит, кофе сразу? – улыбнулась она, поняв его состояние, и он кивнул утвердительно. И хоть не ушло еще чувство неудобства, стало приятно: она помнит, что он заказывает. И при этом не возникло циничного комментария. Зато

возник другой, связанный с тем, что «пробило на чувства», когда Катя повернулась и, покачивая бедрами, пошла. В сознание тут же ворвалась догадка: подсознание, в чьем ведении лишь категории «приятно» и «неприятно», отождествило Леру и Катю. «Вот это да! – восторженно воскликнул Дарский, – Вот это параллели. Скажи кому – либо засмеют, либо дурачком окрестят. Вот тебе и полигамия. С подсознанием шутки не проходят, однако», – усмехнулся.

Катя принесла кофе. Поставила остороженько. Аккуратненько придвинула.

– Спасибо, Катюша.

– На здоровье... позовете, когда будете готовы, – прощепетала она.

– Хорошо, – улыбнулся Александр, провожая ее взглядом.

Кофе он выпил быстро. Потом ел почти машинально. Думал. Развивал мысль, неожиданно пришедшую в порыве отражения чувств от Леры к Кате. Размышлял над тем, почему его отношение к ней изменилось столь странным образом – кардинально – сквозь призму чувств к Лере. Может, потому что он думал о Лере: почему она не звонила? И, что тоже странно, напряжение, подогреваемое присутствием Кати не росло. Оно было. Но находилось в состоянии стагнации. Ни жарко и ни холодно. Привычка цинично, и по-мужски грубо, оценивать действительность, вытаскивала из памяти пошлый, но жизнеутверждающий каламбур: за неимением графини имеют горничную. Александр посмотрел на Катю – на

ее позу, в которой чувствовалась такая наивность, такая незащищенность перед внешним миром, отчего снова шевельнулась совесть. Но на этот раз как-то по-матерински продолжила свое терапевтическое воздействие. То ли от жизнеутверждающей фразы, объясняющей суть выживания природы, то ли от полноты желудка.

В этот день Лера так и не позвонила, сделав к ночи первую зарубку на сердце Дарского.

12.

На следующий день, придя на работу на час раньше, как просил Пекарик, Михаил Моисеевич вошел в приемную и остановился: дверь в кабинет декана почему-то оказалась открытой. Потерявшиеся в пространстве звуки шагов и скрип половиц старого паркета сменила тишина. «Должно быть, еще не пришел», – он заглянул в проем.

Пекарик сидел в кресле, задумавшись, или дремал – сказать трудно, но на Румана не отреагировал. Михаил Моисеевич присмотрелся: кожа на лице друга как-то странно разглажена – она словно окаменела.

Михаил Моисеевич кашлянул. Реакции не последовало. Тогда он кашлянул громче. То же самое.

– Веня! – прикоснулся, подойдя почти вплотную, к плечу. Рука, полулежавшая на груди, стала сползать на колени. Руман в замешательстве отпрянул: по голове и спине прошел озноб, – Веня, не пугай меня! – спонтанно сорвалось

с языка. Глаза уже присматривались к чертам лица. К позе. Рукам. Хаотично искали малейшее движение – хоть какой-то его признак жизни. Но не находили. Душу стали заполнять понимание момента истины и страх надвигающихся перемен, замешанный на откуда-то пришедшей мысли, что свято место пусто не бывает. Потом пришла мысль о машинальном поведении собственного туловища. Она появилась тогда, когда собственная рука искала пульс в руке товарища. Потом он почувствовал легкое ощущение радости. Понял – откуда это. Наконец, пришло осознание. Пульс! Он был слаб, но четок с точки зрения ритма. «Слава богу! Жив! – первое, что пришло в голову, – Сердце?»

– Веня! – Михаил Моисеевич осторожно похлопал друга по щекам. Реакции не последовало. Пришла мысль о «скорой». Он схватил с телефонного аппарата, стоявшего на столе, трубку, и успел набрать номер, когда услышал тихое:

– Миша, я уже здесь. Не звони – не надо.

– Как не надо? – вбирая в себя гудки, возразил, отвернувшись Михаил Моисеевич, словно Пекарик ему мешал. Но за спиной послышалось:

– Я говорю – не надо! – Руман уловил в голосе уверенность и безапелляционность. Обернулся. Увидел на лице друга натянутую улыбку, которую излучали умные, не затуманенные болью глаза – то, что он ожидал увидеть, напуганный мыслью об инфаркте, – Миша! – Вениамин Петрович умилился лицом товарища: испуг, тревога, непонима-

ние. Все говорило о полной его озадаченности, – Я тебе сейчас все...

– Ну, уж потрудись! – серьезно, с тенью обиды прервал его Руман. В нем все говорило о том, что ответ должен быть сейчас и только сейчас, иначе из ступора, в котором он оказался, его ничего больше не выведет.

– Миша, это трансовое состояние, – Вениамин Петрович уже не рад был, что показал ему эту часть эксперимента таким образом, – Я что – зря тебе обо всем этом рассказывал позавчера? – он избрал лучший способ защиты, – Честно говоря, думал, что ты поймешь, когда увидишь. Все, Мишель! – он пощелкал пальцами перед его глазами, – Пора! И давай без обид.

На несколько секунд установилась гнетущая тишина.

– Я вот зачем пригласил тебя, – продолжил он после паузы, – Если помнишь, я говорил о людях, которые могли бы стать потенциальными донорами. Но ты представляешь, Миша, что это такое?.. да знаю, – Вениамин Петрович увидел мысль в глазах товарища, – Если объявить об эксперименте, желающие войти в историю найдутся – дураков в этой жизни хватает. Таким любую идею подавай: главное, чтобы смерть на миру – геройская. Но ты же понимаешь, что рисковать мы не имеем права. Это одно. А другое – как бы это пафосно не звучало – рановато, думаю, человечеству знать о таком. Хотя сомнений – через край: мне-то, почему-то, открылось. А я что – не человечество? Вот-вот... – ответил он еле уло-

вимогу движению плеч Румана, – понимаю тебя – господом Богом возомнил себя Пекарик?

– Да-а, – промычал Михаил Моисеевич, – Альтернативка хоть куда.

– Любопытство, Миша... – как будто не услышав реплики, продолжал Пекарик, – О-о, ты даже не представляешь, как оно меня распирает! Фу-ух! – выдохнул он, – Вот, тебе и пожалуйста: вроде, все у меня есть для эксперимента, а тела-то нет, в которое я мог бы перейти. А значит, у меня ничего нет, – он снова вздохнул, – потому что пойти на убийство сейчас, даже ради такого эксперимента, я не готов. Хотя понимаю, что открытия, как правило, без жертв не обходятся. Искать же донора втихаря, полагаясь на случай, бесполезно.

Вениамин Петрович задумался. Его отрешенный взгляд говорил, что он не здесь. А через несколько секунд он вообще закрыл глаза. И, было видно, расслабился. «Неужели опять ушел?» – Михаил Моисеевич кашлянул привычно, пытаясь привлечь внимание, но тут же испугался, уже не понимая, как себя в данной ситуации вести: разговор об убийстве никак не мог прорасти в его сознании.

– Так вот, Миша, – неожиданно продолжил Вениамин Петрович, – Конечно же, даже на не банальное убийство... даже ради науки... мы на это не пойдем. По крайней мере, сейчас, – добавил, будто спохватившись.

От последней фразы кровь в жилах Румана точно застыла. «Уби-ийство? Не-ет!» На такое он не подпишется ни за

какие коврижки.

Пекарик увидел, как взор Михаила Моисеевича потух и стал похож на взгляд зверька, собравшегося шмыгнуть в норку. Не смог удержаться – рассмеялся. Вспомнил, как однажды в детстве кто-то из старших посмеялся «каламбуристо» над Руманом – назвал его за что-то пленным румыном.

– Моисеич, ты чо – струхнул?.. – Вениамин Петрович опять засмеялся, – Успокойся, дорогой мой! Никакого криминала. Все цивильно.

– Ну, ты даешь! – Михаил Моисеевич подал, наконец, после нелепого молчания голос, – Это – без меня!

– Да ладно. Праведника из себя корчишь. А то я тебя первый раз вижу.

– Праведник – не праведник... но убийство...

– Да очнись, ты, Миша, – стал серьезным Вениамин Петрович, – Узнаешь все – по-другому заговоришь. С сегодняшнего дня я начинаю тебя готовить к эксперименту. Ну, а если серьезно, конечно, никакого убийства. Я знаю: пусть через год, через два, но шанс у нас совершить открытие будет. Я все продумал, Миша, за исключением нюансов, по которым ты мне, брат, и нужен. Без тебя я – ничто.

У Михаила Моисеевича даже настроение изменилось от подобных слов. Какое-то забытое ощущение в груди появилось: что-то – из юности, когда единение душ казалось таким естественным компонентом дружбы

В приемной слышались шаги и скрип дверцы платяного

шкафа: пришла Леночка

– Ну, что ты на это скажешь, Михаил Моисеевич

– А что можно сказать начальству? – улыбнулся тот, и чувствовалось – без подвоха, – Я готов.

13.

На следующее утро совершенно беспардонно в половине седьмого позвонили. Не поднимая головы от подушки, не проснувшись даже, Дарский автоматически протянул руку и сгреб с тумбочки трубку.

– Да... слушаю... – не то прошептал, не то проговорил навстречу неизвестности.

– Саша, доброе утро, – негромкий обворожительный Лерин голос поднял планку восприятия действительности. Грудные обертоны обворожительного женского голоса вызвали в клетках тела мечтательную истому, еще не вполне контролируемую наполовину проснувшимся мозгом. И клетки стали вибрировать, вызывая вселенскую тоску одиночества – утреннюю пытку для молодого, стремящегося к воспроизводству организма.

– Доброе утро, Лера... – за окном на соседнем доме в полутьме осеннего утра вспыхнула реклама кока-колы в виде дорожного знака, окрещенного водителями кирпичом. На секунду он даже отвлекся: будто увидел впервые.

– Алё? Ты что, не рад мне? – Лера, чувствовалось, не привыкла к такой реакции на ее особу.

– Лера – ты что? Я очень рад тебе, просто я еще не проснулся толком, – Александр смотрел на рекламу и удивлялся – как мог не замечать этого раньше. В красном круге – в центре – бутылка кока-колы, лежащая поперек. Проезд запрещен! Дальше нельзя! Остановись! И скорей сюда – к нам. В сознание вплыл образ Михаила Задорнова с его неизменным комментарием о тупых американцах. «Конечно, – обрадовался, – все для тупых американских школьников, как один знающих правила дорожного движения».

– Саша, я должна извиниться перед тобой. Забегалась вчера. Вспомнила поздно, поэтому звонить не стала.

«Эти два слова – «тупые» и «американцы» – благодаря Задорнову стали уже – не разлей вода. Молодцы кокакокольцы! Профи! Как четко обыграли «кирпич» на уровне подсознания» – снова отреагировало сознание.

– Да ладно. Не страшно, – барашком, готовым к закланию, проблеял Дарский.

– Ты вчера звонил – что-то хотел?

– Да, в общем-то, нет. Хотя – да! – спохватился, – Хотел!

– Ну, так не томи – говори.

– Может, мы встретились бы как-нибудь за рюмочкой кофе? Поболтали?

– Да не вопрос, Саша, – без малейшей паузы согласилась Лера, как будто только что сама хотела это предложить, – Когда и где?

Ожидаемый, но такой неожиданный пассаж на мгновение

выбил Дарского из колеи логики.

– Ну... – он замялся.

– Ну, вот. Как конкретно – так сразу в кусты? – Лера засмеялась.

– Ты меня смутила скоростью, – усмехнулся сконфуженно Дарский, – До обеда я точно не смогу. У меня сегодня преподы безбашенные: не придешь на занятия – или отработка, или потом на сессии гнобить будут.

– А я что, говорю, что прямо сейчас? Меня после обеда тоже больше устроит. Саш, а давай где-нибудь ближе к четверем, – безапелляционно заявила Лера.

– Давай, – согласился Александр, – А где?

– Я позвоню тебе, как освобожусь. Тогда и решим, – оставила Лера за собой последнее слово.

Это и понравилось Дарскому, и не понравилось одновременно. Активность девушки как залог приятных неожиданностей с точки зрения будущей близости его очень даже устраивала. А вот подсознание почему-то возмутилось: видимо, миллиарды лет развития этого первичного уровня сознания – где-то в примитивной глубине – бунтовали. Его мужской природе это казалось неестественным. Активное начало встречалось с таким же – активным. Возникало противоречие. В этой глубине появилась двойственность, требующая развязки. Двойственность взывала к интеграции, на худой конец – к нейтрализации, к уничтожению себя самое, не в силах терпеть напряжение. Инстинкт продолжения рода

говорил – перед тобой самка. А подсознание никак не могло понять – с кем имеет дело. Активная позиция женщины вводила его в заблуждение, предлагая роль ведомого? На место в иерархии, уготованное по праву развития, кто-то претендовал. «А по праву ли?» – пришла разумная, но запоздавшая мысль, когда уже нейрогуморальная система возмутила кровь. Ее секрет, распространившийся по артериям и венам, уже сделал свое дело, растворив ложку дегтя в бочке еще только-только зарождавшихся сладких отношений.

Он быстро позавтракал и сбежал по лестнице во двор. Чуть не растянулся на крыльце, поскользнувшись на остекленевшей поверхности. Дождевой пыли, вызвавшей благодаря минусовой температуре такие метаморфозы, уже почти не было, лишь деревья, с ветками в тонком хрустальном обрамлении, говорили о ней. Все смотрелось сюрреалистично в бардово-фиолетовых сумерках начинавшегося утра, где даже проезжая часть, обработанная химреагентами, предстала в таинственном для глаз виде.

Через несколько минут после того, как «бэха» сбросила обороты разогрева, к лобовому стеклу устремился теплеющий воздух, и ледяная корка под скребком стала податливой.

Выезжая со двора, Александр газанул и тут же притормозил перед выездом – проверил сцепление колес с обледеневшим, казалось, асфальтом. Все оказалось нормально.

В университете и лекция декана, и два практических занятия – все тянулось, как никогда. На втором лекционном

часу, правда, профессор продолжил сравнительный анализ человеческой психики. Ту тему, что начал на предыдущем занятии. Александр даже увлекся, потеряв на какое-то время интерес к предстоящей встрече с Лерой: поймал себя на мысли, что все аспекты теории, подаваемой профессором, вся терминология – все ему почему-то знакомо. Как будто все это он уже проживал, и у него дежавю. А еще – было ощущение, что все, о чем говорилось, каким-то боком касалось его. Как будто декан сообщал это именно ему. Говорил только для него. А вся остальная аудитория – так – фон, декорация. «Прямо волшебство какое-то», – удивился.

На этот раз профессор коснулся инстинктивности и интуитивности. Четко провел анализ, разграничив их. Показал суть работы низшего и высшего центров сознания в рамках взаимодействия трех планов бытия, отраженных в целом человеческой психики. Как «животное» и «божественное» противостоят друг другу в среднем ее отделе. Два состояния сознания, взаимодействуя, дают – в соответствии со средой обитания и окружением – человеческое представление в каждый отдельный момент времени жизни. В разных соотношениях. Александр поразился, услышав поначалу не совсем понятный, впечатавшийся в память тезис, похожий по своей сути на каламбур. С него профессор начал: «Инстинктивность – это проявление интуитивности на нижнем уровне сознания. Интуитивность же – проявление инстинктивности на высшем». Не успел он «прожевать» это, как Пе-

карик спросил:

– Что это означает? Есть у кого-то предположения? Мысли, может, какие-то возникли? Не стесняйтесь, – он улыбнулся, – Вы же знаете – за промахи я не наказываю: научная мысль должна быть выверена.

Что-то шевельнулось в голове Дарского. Но такое смутное. Бессловесное.

Пауза продолжилась недолго. Желающих заработать очко у декана не оказалось.

– Ну что ж – понимаю. Тема архи сложная. Особенно с позиций официальной науки, ставящей во главу угла эмпирическое и рационально-эмпирическое постижение действительности. Как будто то, чего нельзя пощупать или осознать проективно, фигурально выражаясь, существовать не может. Нет эксперимента – нет явления. Но все гораздо проще, чем кажется. Вот смотрите! Инстинктивность – я имею в виду, прежде всего, врожденную, безусловную рефлекторность – это закрепленные генетически удачные находки природы, дающие возможность функционирования физического тела человека даже в тот период, когда сознание еще не сформировано. То есть, инстинктивность – это, если можно так сказать, воплощенная материально интуиция земной природы, делегированная ей через функцию эволюционного развития снизу. И кстати – которую Вселенная, как высшее проявление интуитивного, космического сознания, ни на мгновение не оставляет без присмотра, контролируя эту

самую природу и ее эволюцию... сверху, – добавил он, после чего на несколько секунд замолчал, разглядывая аудиторию, словно сомневаясь – правильно ли поступает.

И вот здесь, – продолжил профессор, – хотелось бы, как безусловную, так и условную рефлекторность нижнего уровня психики ввести в понятие «инстинктивность», ибо для нее созданы предпосылки – три базовых инстинкта, подразумевающих выживание: индивида, рода и вида. И с точки зрения принципиальной работы данных центров для любого организма это рамки совершенства функции...

Пекарик вдруг замолчал, снова осмотрев аудиторию. Дарский машинально оглянулся и по глазам понял, что у большинства его коллег «поплыли мозги».

– Та-ак! Хорошо! – снова улыбнулся декан, – Тогда попробуем по-другому. Что я имел в виду? Что функция любого органа ограничена. Возьмите, например, руку или ногу. Как бы вы ни старались, но вы не можете их разогнуть больше того, что вам дано, не повредив. Это условия нашего существования, где необходимы опорные точки, создающие ориентиры в пространстве. А иначе – зачем нам скелет?

Аудитория несколько оживилась.

– Взаимодействие инстинктивности и интуитивности, дающее нам максимально комфортабельные, если так можно сказать, условия выживания, человечество заметило давно. Очень хорошо данное явление символически передает шестиугольная звезда Давида. Интуитивность, то есть опыт, ко-

торый приходит с количеством повторений удач и неудач, создает инстинктивное постижение действительности и его усовершенствование уже на высшем уровне психики. Помните феномен «маугли» и то, что человек – продукт социума гораздо в большей степени, чем природы. Вы же не будете спорить, что принятие решения взрослым человеком и ребенком будет различаться? Или решение профессионала и любителя? Или – если не совсем тактично выразиться – умного человека и глупого?

Послышались неуверенные реплики.

– Все, господа. На сегодня, что хотел я вам сказал. Остальное – в следующий раз. Жаль, не было времени просмотреть ваши письменные экзерсисы по поводу прошлой моей вольности – отойти от учебного плана, дать вам для осмысления не научный, в кавычках, взгляд, существовавший задолго до появления и развития нашей нынешней цивилизации.

Последние слова профессор договаривал под аккомпанемент звонка.

14.

Проходя мимо декана, Дарский к удивлению своему почувствовал, что хочет повернуть в его сторону голову. Снова появилось ощущение волшебства: Пекарик как будто заполнял его собой, невидимо распространяясь на всю аудиторию. И он обернулся.

Профессор, чуть улыбаясь, взирал на него с высоты ака-

демической кафедры. Именно взирал: было ощущение, что декан просматривает его насквозь. Или, точнее, сканирует. Просвечивает. Стало ужасно неприятно. Даже отвратительно. Будто тебя выворачивают наизнанку. И при этом делают укол попеременно в каждую клеточку открывающихся внутренностей. «Жалкое зрелище», – отметило униженное собственным ничтожеством сознание. Что-то блеснуло в глазах профессора, заставив внутренне содрогнуться и, наконец, прийти в себя. Первое, что почувствовал, это стыд за то, в каком униженном состоянии только что находился. Стыд за раболепие, возникшее по чьей-то воле, которую ощутил на себе. Как будто генетически впечатанная память веков и тысячелетий, выстраивая вслед за иерархией стаи и стада иерархию социума, заранее определяла ему соответствующую нишу в нем. Вся его суть от такого откровения психики содрогнулась. «Неужели все так просто? И мой ум, моя воля... ничего не значат? Моя личность... тоже ничего не значит? А значит... – сознание чуть не захлебнулось от догадки, от нахлынувших чувств, – только то, что я есть?»

И сразу же вспомнилось «Я Есмь» Христа из Евангелий, которые он как-то из любопытства пролистал.

«Вот оно – Сущий во мне. Я в Боге – во Вселенной, и Бог во мне – его тонкие структуры и частичка – дух, обросшая и моим умом, и моей волей, и личностью. И все это соответствует той сути, которая и есть мое изначальное «я». Я Есмь. Во мне столько Бога, сколько я его заслуживаю. И соответ-

ственно этому во мне все остальное»...

Профессор так смотрел на него, как будто это он только что, просканировав содержимое «Александр Дарский», ввел в него некий сгусток знаний, взорвавший изнутри, поразив плотностью и скоростью частоты вибраций входящей информации. И пусть длилось это откровение какие-то сотые доли секунды – неизгладимое впечатление оно все же оставило.

– Коллега, подойдите, пожалуйста, – во фразе декана обычная манера иронизировать. «Даже, когда серьезен, все равно прикалывается», – пришла мысль.

– Да, Вениамин Петрович. Слушаю вас.

– Да нет, Александр Александрович, это я вас слушаю. У вас что – ни одного вопроса ко мне нет?

– Вы даже мое отчество знаете, Вениамин Петрович? Это весьма льстит моему самолюбию, – попытался в тон профессору пошутить Дарский.

– А мое самолюбие считает нелестным для себя, что куратор идет к курируемому, а не наоборот, – дал понять, что шутки закончились, Пекарник.

– Извините, Вениамин Петрович. На самом деле, я не хочу беспокоить вас по пустякам. Вы же сказали – по организационным вопросам можно обращаться к методисту. Она в курсе. Она же у нас ведет практические по вашим лекциям. И она владеет той информацией, которая мне пока что необходима, – Дарский все же улыбнулся, – Как только я подготов-

люсь – начитаю дополнительный материал, сразу же к вам.

Пекарик ответил на улыбку, но при этом покачал головой.

– Ну, ладно, – и добавил серьезно, – Хорошо, Александр, я вас понял. До встречи.

15.

Для Румана началась работа по изучению материала, необходимого для максимально чистого проведения задуманного. Как посмеивался сам Михаил Моисеевич, «ликбез для кандидата в доктора психологических наук, доцента кафедры прикладной психологии Румана».

Вениамин Петрович четко определил для себя. Во-первых, дать товарищу полный курс теоретической подготовки, чтобы впоследствии подготовить его к выходу за пределы физического тела. И, во-вторых, наработать необходимые навыки этого выхода на случай нештатной ситуации, которая может возникнуть в первой стадии эксперимента. Но вот главное – операцию по соединению с «серебряным шнуром» – энергетической пуповиной донора – решил пока сохранить в секрете: «Если не снесет крышу, как говорят студенты, от того, что узнает, тогда... может быть». Сколько не пытался, не нашел в себе силы поверить, что при необходимости амбиции ученого в Румане, как и страх перед серьезными государственными структурами, умрут вместе с доверенной ему тайной. Не поверил, и все: знал по опыту, как могут меняться люди, не имеющие настоящего стержня в се-

бе. Как они могут подстраиваться под обстоятельства. А в своем друге детства такого стержня не видел.

За пару недель, параллельно этой работе, они вдвоем изучили досконально все отобранные предварительно дела студентов факультета еще раз после того, как их просмотрел ранее Пекарник сам. Работа сблизила: как и в юности, они снова ощутили духовное единство – когда один только успеет подумать, а другой уже озвучивает эту же мысль. Иногда доходило до того, что два взрослых человека начинали шалить, ерничать друг над другом, уже даже не как в юности, а как в детские годы.

В какой-то из моментов, в одной из таких пикировок, Михаил Моисеевич, вдруг став не по теме серьезным, покачал головой:

– Как же все-таки хорошо было тогда...

На мгновение в комнате стало совсем тихо – даже, казалось, за стенами ни звука. У Пекарника появилось странное чувство, что действие в своем собственном кабинете он видит со стороны – из того прошлого, куда его позвал друг детства. «Наваждение какое-то», – он выдохнул воздух, осознав, что только что пару секунд не дышал.

– Брось, Мишель, – Вениамин Петрович с грустной улыбкой посмотрел на товарища, – Чего цепляться за прошлое? Вся наша жизнь, как мне иногда кажется, дана нам лишь для того, чтобы мы научились прощаться... со всем, что встречается на пути. С вещами, людьми, нашими близкими, с мо-

лодостью, здоровьем... – в его голосе появилась хрипотца, выдававшая волнение.

– А чего ты решил, что я за него цепляюсь? – возразил Михаил Моисеевич, – Простая констатация.

Некоторое время они молчали.

– Не возьму никак в толк: почему наши студенты? – вдруг спросил Руман.

– Как почему? – Вениамин Петрович недоуменно поднял брови, – Я было подумал, что ты и сам догадался, раз не спросил сразу. Миша, эксперимент должен остаться в родных пенатах. Это первое. Ну, а другое – проще простого в будущем можно будет объяснить тесные отношения студента и преподавателя. Например, с точки зрения научной работы, где доцент кафедры исполняет роль куратора. В этом случае не надо объяснять, почему студент показывает недюжинные знания

– Ну, да...

К началу следующего месяца уже почти вся подготовительная работа была завершена: Михаил Моисеевич легко освоил необходимые премудрости, что преподавал ему Пекарник. Годы изучения всего, что связано с психикой – как научного характера, так и того, что существовало за пределами науки и всегда подспудно вызывало любопытство – принесли свои плоды. Все было готово к осуществлению эксперимента. Теперь его реализация для участников упиралась в

этический вопрос. Точнее сказать – вопрос вопросов. Если использовать черный юмор, нужно было – всего-то на всего – молодое здоровое тело. И при этом такое, которое его хозяин отдал бы добровольно. Что означало бы – добровольно умер. «Бред какой-то! И к чему тогда вся эта подготовка, – в очередной раз вспыхнул в Михаиле Моисеевиче риторический вопрос, – Может, все-таки Пекарик замышляет насильственный отъем тела? А иначе как? Какой дурак захочет пойти на это добровольно?» Здесь, в который уже раз, начинались философствования по поводу суицида. По поводу шанса – одного на миллион, что кто-то из их студентов захочет вдруг покончить жизнь самоубийством. «Ну, конечно, – усмехнулся Руман, – конечно, и придет к нам сообщить, где и когда он задумал повернуть задуманное... – улыбка сошла с лица, – А если нет, тогда как? Жлоб Пекарик – не договаривает чего-то. Что-то, видимо, оставил на закуску».

Такие мысли по отношению к другу постфактум вызывали чувство вины. Михаилу Моисеевичу становилось стыдно. И если Пекарик был рядом, стыд выливался в чувственное славословие, но очень осторожное, потому что «Веник слишком хорошо видит неискренность: он ведь неплохой физиогномист. Неплохой? Слишком неплохой». Если же его рядом не было, Михаил Моисеевич в полную силу задействовал оправдательную философию, где апофеозом всегда звучала фраза типа: «Чего не бывает между близкими людьми?» Потому что сентенция Христа, говорившая о том,

что близкие твои – враги твои, в полной мере оправдывала любой поступок, за которым приходило раскаяние. Именно его в такие моменты вспоминал Михаил Моисеевич. Почему? Да потому, что, если уж Иисус Христос говорил об этом, значит, иначе и быть не могло: конечно, близкие – враги. И все же за «враждебностью» приходили стыд и раскаяние, и осмысление неточности понимания евангельской фразы.

Любопытство – каким же образом Пекарик думает решить вопрос донора – завладело Михаилом Моисеевичем на уровне идеи фикс. На все его вопросы по этому поводу Вениамин Петрович отвечал расплывчато. А то и вовсе пожимал плечами или отмахивался. Разводя руками, мимикой говорил: «Ну чего пристаешь? Видишь, сам не знаю. Даже не представляю как». Но в его гримасе Руману читалось совсем иное: что-то вроде «ну что? видишь? другого пути нет... только убийство». Пораженный своими собственными страхами, но еще больше – каким-то детским любопытством, заставляющим ребенка отрывать крылья мухе, чтобы увидеть – а что же там будет дальше, Михаил Моисеевич понимал глубину происходящей в нем работы, но вербального эквивалента этому не находил. А потому и тошно, и неумоги становилось от мысли, реализация которой откладывалась на непонятный ни с какой точки зрения срок.

Наконец, он не выдержал. Но на его в лоб заданный вопрос, Пекарик ответил пространно.

– Миша, чтобы ты меня больше не терроризировал своим

прямым вопросом, на который нет прямого ответа, я тебе кое-что расскажу.

Пекарик на несколько секунд задумался, видимо, соображая – с чего начать.

– Однажды, когда я более-менее освоился там... – Пекарик уловил недоумение на лице товарища, – оккультисты называют данный пространственно-временной континуум астралом. Я же говорил тебе, и говорил, что не люблю этого слова: слишком долго опошляли его все, кому не лень, – Вениамин Петрович улыбнулся, – Так вот. Когда я более-менее освоился и стал уже делать попытки покидать пределы комнаты, передо мной возникло странное существо... – Пекарик заметил, как у Михаила Моисеевича округляются глаза, – В этом существе не было ничего такого, что могло бы напугать. Но его быстро меняющийся облик завораживал: заставлял вглядываться, чтобы понять – кто же перед тобой. Голос, непонятно каким образом проникавший в меня, последовал почти сразу же, как только сознание задалось вопросом «кто это».

– Я тот, кто должен предостеречь тебя от неблагоприятных поступков, ответил он, – Однажды начав этот путь, который ты опрометчиво считаешь всего лишь экспериментом, твоя душа уже не сможет стать прежней никогда. Это окажется путем деградации для нее – для сущности, как ты ее называешь.

Я опешил, пораженный ситуацией. И все же сказал, что не

представляю, о чем он говорит. Подумал: о выходе из физического тела идет речь или о проекте замещения?

– Да. Именно о последнем, – ответил он.

– Кто ты такой? И почему заботишься обо мне? – поинтересовался я.

– О тебе? – удивился он, – Скорее, о себе: ко всем своим грехам я еще виновен и в том, что не смог сохранить в тайне одну из своих мыслеформ. В средние века второго тысячелетия в последней глобальной цивилизации – относительно твоего нынешнего проявленного состояния – я был алхимиком. Пытался постичь тайну философского камня. Но постиг то, чего не должен был постигать. Моя душа стала деградировать: теперь она переходит из одной чужой формы в другую. Я не рождаюсь. Так же, как и аватары. Но я по сравнению с ними имею карму. Я делаю то, что ты каким-то образом уловил в информационном поле Земли. Ты узнал то, чего не должен был бы знать с точки зрения собственной безопасности.

– Но я узнал, – возразил возмущенно я, – И что теперь?

– Теперь? Теперь это в твоей судьбе: ты заражен этим. Видишь – не всякий опыт полезен. Любопытство – вот что губит твою душу. Трудно будет тебе остановиться. Я, к примеру, и рад бы это сделать, но уже не могу. Кармический вихрь обладает огромной инерцией. Я его создавал, а вот остановить – уже не в моей власти: должен завершиться цикл. Я, извращенно поняв в себе божественность, буду двигаться по

инволюционному пути до тех пор, пока не опущусь на уровень животного сознания. Пока во мне не иссякнет гордыня. Только тогда вновь появиться шанс эволюционировать. Тогда я снова смогу инкарнироваться во все более и более совершенные инструменты – физические тела. Здесь не так, как мы все понимаем в обычной жизни. Не скажешь: «Господи, я все понял. Прости». Да это и не наказание вовсе: это возврат того, что ты брал в долг.

Я показал свое удивление, ведь я ничего еще не делал.

– Знаю, – ответил он, – Но я знаю и то, чего ты не знаешь. То – что ты это сделаешь. Я ведь тебе сказал уже – это твоя судьба. Твое испытание. А ведь можешь и не сделать. Но для этого надо будет совершить невероятный подвиг. Ты никогда не задумывался, почему избранных, которых мир называет святыми, окрестили подвижниками? Да-да-да, ты правильно мыслишь. За то, что они совершали духовные подвиги. А ты? Сможешь ли ты совершить такой подвиг? Сможешь ли отказаться от соблазна завладеть чужим телом? Кстати, вселиться в чужое тело без согласия того, кто в нем пребывает, невозможно. Только получив разрешение: испросив его у какого-либо бедолаги или получив при помощи обмана. Не иначе...

Мне его высказывание показалось непонятным. И я спросил:

– А если кто-то захочет вселиться в мое тело, пока меня в нем нет, то он этого сделать без моего согласия не сможет?

– А ты думал, – отмахнулся он от меня, как от непонятливого ребенка, – Таковы законы.

– Но что тогда может меня заставить разрешить другой сущности войти в мое тело? – решил я переспросить.

– Отсутствие знаний и страх. Кое-какие знания ты уже получил. А страх при минимуме знаний может привести к положительному эффекту для претендента. Тебе надо точно знать, что, если ты пожелаешь вернуться, ты всегда вернешься.

Я не совсем понял, и он уточнил:

– Все просто. Это рассчитано на профанов. Можно, например, совершить сделку по обмену телами, посулив что-то, или сделать это при помощи угрозы расправы над близкими людьми... а, впрочем, зачем я тебе это говорю? Тебе же это не нужно.

В его голосе звучали то ли ирония, то ли сарказм. Я же почувствовал подвох, и мою душу пронзило недоверие.

– Зря, – констатировал голос, – Это от души. Хотел предупредить по поводу излишнего любопытства.

Я тут же возразил ему, что это не просто любопытство. Это научный интерес.

– Да? – булькнул он, – Ты сам-то в это веришь?

– Уже не знаю, – ответил я искренне, – А ты-то сам как переходишь из тела в тело?

– Я? – он даже удивился, – Да таких обреченных на смерть во все времена и во всех странах – миллионы. И тогда, когда

они уже готовы, ничего не стоит посулить им позаботиться об их ближних, чтобы они дали свое согласие.

– А потом? – я спрашивал машинально, не задумываясь особо о смысле, – Что ты делаешь потом? Ведь для того, чтобы человеку пойти на это, нужны причины? Как ты решаешь эти проблемы, попав в тело обреченного на смерть существа?

– Причины важны душе, а не телу. Новая душа, вселившаяся в тело, не обременена теми заботами, которые были у прежней. Она свободна от них. А к памяти физического тела, к его вывертам, с одной стороны, привыкаешь, а с другой – дрессируешь его, поскольку хватает сил.

– Но ведь тело-то остается в тех же самых условиях? – недоумевал я...

– Мало ли стран на земле, куда можно податься с моими вселенскими знаниями и многовековым жизненным опытом? Верить ли? – в его словах снова прозвучал сарказм.

Я заметил, что мой собеседник становится все более и более прозрачным.

– Прощай, – проник еще раз в мое сознание Многоликий, – Подумай над тем, что узнал...

Еще бы, – возмутился Пекарик, сделав соответствующий кивок головой и посмотрев на Михаила Моисеевича, словно искал в его взгляде поддержку, – Попробовал бы я не думать... – он замолчал, видимо, остро переживая этот самый

момент, но совсем недолго, после чего продолжил:

– Через пару секунд странная сущность исчезла окончательно. «Что он хотел сказать? – недоумевал я, – Что я смогу попасть в тело Дарского либо с его согласия, либо обманом? А ведь я где-то догадывался об этом. Нет, я всегда подспудно знал...» Рассуждения вызывали во мне все новые и новые вопросы. Они как живые циркулировали, повторяясь в разных комбинациях. Чаще всех в потоке сознания возникала фраза «увиджу ли я его снова?» Но вдруг возникла пауза. Появилось напряжение, требующее повышенного внимания.

– Если захочешь, увидишь, – проник в сознание тот же самый голос, – Всему свое время.

16.

Звонить Лере Дарский не стал. Пусть сама. Догадался – с ее инициативностью лучше не конкурировать. Себе дороже. Она позвонила около трех.

– Привет. Ну, что? Ты свободен уже?

– Да.

– Так чего не звонишь? А я все жду-жду. Думаю – вот-вот...

Это «звонишь» резануло ухо. Как-то неприятно стало на мгновение. Но тут же молодость – с ее толерантностью, когда речь шла о противоположном поле – попыталась закапсулировать неприятие в глубокой темноте бессознательности, чтобы, может быть, не вспомнить о нем никогда. «А мо-

жет, достать когда-нибудь, как карту из рукава. В нужный момент. Когда понадобится уколоть побольнее... – заявил о себе сарказм, – Вот оно – профессиональное мышление, – подумал Дарский, – Я уже не могу не обратить внимания на собственные слабости, не анализируя их последствий».

– Але? Саша? Ты куда пропал? Ау-у?

– Да здесь я.

– Ну? Где встретимся? – для проформы спросила Лера, и тут же без всякого промежутка выпалила с восторгом, будто что-то приятное вспомнив, – А давай в «Патио пицце»! Знаешь?

– На центральном?

– Ну да. В четыре.

«Не спросила – успею ли я... Да и вообще – может, я еще не все дела поделал? – всплыло неожиданно в сознание. Александр даже удивился. Никогда раньше такие оплошности девиц не были поводом для критики – подумаешь, глупа или невоспитанна – жить что ли с ней? – Да ну его... – удивленно отмахнулся он, – Занудство какое-то».

– Хорошо, Лера. Я успею.

Короткие гудки возникли, показалось, без паузы, и последние мысли почему-то стали пульсировать за пределами сознания, проживая собственную автономную от него жизнь и создавая внутренний дискомфорт: «Подумаешь, глупа или невоспитанна... подумаешь, глупа или невоспитанна... подумаешь... жить что ли с ней?.. жить что ли...» Это не то

чтобы удивляло. Такое происходило и до сегодняшнего дня. Удивляло другое. «Странно, – думал Александр, – Почему я зацикливаюсь на этом? Никогда же до сих пор со мной такого не происходило». Он машинально усмехнулся. В сознании промелькнул вопрос. Шутливая фраза, которой его друзья периодически потчевали друг друга, когда кто-то из них позволял своей даме то, чего позволять, казалось бы, с точки зрения здравого рассудка не следовало: «Может, это любовь?» Собственная усмешка показалась оскорбительной. Чувствовалась подоплека какая-то. Не хотелось выглядеть лохом даже в собственных глазах. Рациональные знания, не говоря уже о возмущенной интуиции, подсказывали, что такой разворот событий не в его пользу. Что быть ведомым не его амплуа. Что он завянет от тоски, если свяжется с ней. Но колесо судьбы Валерии, провернувшись, уже захватило и намотало, как убийственный шарф Айсидоры Дункан, часть его жизни на себя, не давая опомниться. И он, слегка придушенный, вряд ли уже готов был по-настоящему сопротивляться, потому что не вполне соображал – чему и зачем.

Спустившись по лестнице и пройдя по обширному вестибюлю первого этажа, Александр вышел из здания под огромный козырек главного корпуса. Окружающая картина, которая утром так поражала сюрреалистичной красотой и таинственностью, возымела теперь вид переходной фазы бытия. «Фазы дохлой кошки, – пришла парадоксальная ассоциация, – задавленной только что и лежащей на дороге в ожи-

дании неизбежной фрагментации и последующего тления». Оттепель сняла с веток хрустальное покрытие, и они, затрапезно чернея влагой, представляли жалкое зрелище. А на тротуар, расстелившийся внизу грязной полосой, от посыпания песком с солью, даже смотреть не хотелось. «Вот это радость! – вдруг дошло до сознания, – Я же, кажется, должен на крыльях летать... Вот именно, – увидел он зеленый крест аптеки впереди, – Я должен половину ее запаса презервативов скупить».

Улыбка получилась кислой, и неожиданно в сознание закралась мысль, что здесь что-то не так. Перед глазами возникло лицо, а потом и вся фигура Леры. Особенно ноги в ботфортах. И особенно та их часть, что между сапогами и юбкой. Почему-то задранной вверх. Да так, что видны были черные кружева желтых трусиков. В тон куртки и юбки. «Эстет, черт побери», – усмехнулся: пришло понимание того, что время от последней встречи с женщиной уже исчисляется целым месяцем. Да и встреча – стыдно вспоминать – пьяная и скомканная, как выдавшая виды простынь, на которой они кувыркались. «Даже не то, чтобы стыдно, – опровергнул себя, – скорее, противно...»

«И что здесь после этого не так?! – почти безмолвно делегировало свое возмущение сознанию естество, – Какое, к черту, предупреждение?! Какое предзнаменование? Да ты, Дарский, просто слюняй какой-то! Не-ет... ты баба! – расслабилось естество, – Настоящая баба! В аптеку, придурок!

Бегом! – добавил настойчивый голос, будто ухмыльнувшись с издевкой, – И вперед... к любимой».

– Саша?! – воскликнула поднимающаяся ему навстречу по ступенькам девушка в вязанной шапочке и с рюкзачком, которую он чуть не сбил с ног, выполняя установку туловища, – Ну, Саша! Ну, надо же аккуратнее...

– Дашенька!?! – стал оправдываться Александр, – Прости! Прости, дорогая! Очень спешу, – он взял ее за руку и умоляюще посмотрел в глаза: «Вот тебе и супервизия, Дарский, – он даже внутренне улыбнулся собственной шутке, – Вот тебе и психолог, с которым надо поработать... Меняем гештальт – фигуру и фон – и ситуация под контролем», – Ты возвращаешься? Забыла что-то?

– Конспект оставила... кажется, в столе.

– А в какой аудитории? Помнишь? Может, тебе помочь?

– Ну, Дарский! Ну, и хитрый же ты, – расплылась в улыбке только что возмущавшаяся девушка, – Ты же только что спешил?

Ее милость, сменившая гнев, говорила, что гнева-то на самом деле и не было.

– И это правда, Дашенька. Если ты меня отпустишь, я поспешу дальше.

Даша засмеялась покровительственно.

– Давай, Сашенька, топай, – в тон ему, еще не закончив смеяться, сказала она.

«Вот где девочка! С такой бы покувыркаться... но...» Но

слухи о ее отношении к мужскому полу не давали никаких шансов. Да и мысль, следовавшая почти сразу, о том, что в этом соблазнительном теле, несмотря на прекрасное женское лицо, прячется мужик, приводила к двойственному чувству.

Пробежавшись по ступенькам вниз, а затем по тротуару до соседнего здания, он зашел в аптеку – купил презервативы. А возвращаясь назад, к университетской стоянке, заглянул в «Цветы». Посомневавшись, купил желтую розу.

В «Patio Pizza» вошел без пяти четыре. Осмотрелся. Лера уже сидела за одним из столиков, изучая меню. Будто львица, почувствовавшая запах жертвы, она исподлобья взглянула в сторону Дарского так, что у того похолодело в животе. Но, увидев его и узнав, тут же заулыбалась. Подняла полностью головку, замахала ручкой, показывая, как она рада его видеть.

«Почудится же такое», – расплывшись в ответной улыбке Александр приближался к женщине, чье существование, еще позавчера совсем неизвестное, роковым образом неразрывно сплелось с его жизнью, и чего он еще не осознал доподлинно, но смутно, с осторожностью прагматика, уже начинал догадываться, что происходившее неотвратно и что в нем – мало чего хорошего. Но тот же прагматизм говорил, что все это не впервые, и что ему – Александру Дарскому – дано управлять собственной судьбой: «Захочу – будет продолжение. А не захочу – не будет».

– Привет, – Александр подошел и протянул цветок.

– О-о! Да у нас свидание... – приблизив розу почти к самым губам, Лера приподняла ресницы. Заглянула с улыбкой в глаза, – Но тогда почему желтая? – она наклонила голову, играя стеснение. Опять посмотрела исподлобья. Но теперь с подвохом. Теперь уже улыбаясь одними глазами. Все ее существо – лицо, голова, руки, талия, бедра – все исполняло брачный танец. Танец, скорее, змеи, чем женщины. Она гипнотизировала. Вводила в ступор. Чтобы потом мгновенно напасть и ужалить свою жертву.

– Желтая? – переспросил, щурясь нарочито искусственной улыбкой, Александр. «На вшивость проверяет, – откуда-то из глубины подсознания пришла мысль, – Все жесты говорят об агрессии...» «Ну, братец, ты и ляпнул, – оспорил внутренний оппонент, – Какая, к черту, агрессия? Экспансия». Появилось неприятное, тянущее ощущение в желудке. Потом стало, почему-то, смешно от странного глубокомыслия при общении с красивой женщиной. Как будто сознание никак не могло справиться с противоречием, а потому нейтрализовало его тем, чем смогло – смехом.

– Са-ашенька! – пропела Лера, – Да ну ее к черту, эту розу. Ну, желтая и желтая.

– Нет, почему же? Я скажу...

Лера махнула рукой, показывая, что это ей совсем неин-

тересно. Что вопрос о цвете был всего лишь вопросом светским.

– И все-таки я скажу, – настаивал Сашенька, пытаясь реабилитироваться за оплошность, и этим самым усугубляя свое внутреннее поражение. Понимал – первый тайм он продел, как школьник. Понимал и то, что манера поведения Леры на невербальном уровне расходится с любыми его представлениями об общении с противоположным полом. Все ее движения, все жесты – абсолютно все действовали на него гипнотически. Он машинально даже хотел уйти – освободиться от этого. Но сразу стало неловко. До того, что пришлось опять перед собой оправдываться. Что-то неладное творилось сегодня с ним. Что-то угрожающее. Он это понимал, захваченный бурным потоком нахлынувших чувств. Но сделать уже ничего не мог. И странно: где-то в глубине души это ему даже нравилось. Нравилась Лера. Все ее завораживавшие движения, посылавшие сигналы в низ живота. Ее запах вперемешку с запахами кремов, макияжа и парфюма. Особенно когда она наклонялась к его уху, чтобы что-нибудь шепнуть. Просто так. Хотя обстановка и не требовала. Потому что поблизости – никого. А музыка, сосредоточенная в районе бара, настолько тихо играла, что даже шепота при обычной дистанции не могла заглушить. Но какой флирт может обойтись без, казалось бы, ничего не значивших прикосновений, шепота на ушко и легких дружеских поцелуев. Весь этот скромный арсенал к Дарскому стал применяться уже

после первого бокала мартини. И если в самом начале эстетическое любование собеседницей несколько превалировало над плотским желанием, то к концу часа пребывания с Лерой, он уже готов был овладеть ею, не сходя с места. Тем более что она этому только потворствовала, наслаждаясь тихой пока властью над ним.

Наконец, подвал души втянул в себя столько энергии, что на рациональное мышление ее стало не хватать.

– Лерочка, – Дарский положил ей руку на плечо. Ощутил завитки волос на шее. Стал поглаживать их, одновременно наклоняясь к уху, – Лерочка, ты не против, если я приглашу тебя в гости?

– В гости? – она хитро взглянула на него, – Сашенька, когда? Завтра?

– Да хоть сейчас, – подыграл Сашенька, изобразив непонимание. Мол, чего завтраками тешиться. Завтра – оно и в Африке завтра. Его еще ждать надо. И вообще, зачем оставлять на завтра то, что можно сделать сегодня.

Зазвонил телефон. Александр достал его и сразу поднес к уху.

– Да, мама. Здравствуй... – он с минуту слушал, пытаюсь подавить в себе нетерпение, – Мамочка, давай я тебе завтра перезвоню. А в твоём сне – ничего страшного. Подумаешь, голый. Все. Целую. Отцу привет, он спрятал телефон в карман, – Ну, так что? Поехали?

– А что мы у тебя будем делать? – снова стала ерничать

Лера.

– А ты что? Не знаешь, что делают мальчики и девочки в постели?

– Неа! А что? – Лера веселилась – то ли играла, то ли на самом деле после трех бокалов мартини опьянела. Прimitивно расслаблялась. По принципу – мозг отдыхает, язык болтается.

– Музыкачку слушают. А ты, правда, не знала?

– Так мы к тебе, Сашенька, поедем слушать музыкачку? – перебила она его.

– Ну, конечно, Лерочка, – поддакнул Сашенька, – Музыкачку послушаем. Потанцуем, – он рассмеялся.

– Ну тогда лады, – заключила она, махнув рукой, – Танцы-шманцы... а кровать-то у тебя хоть двуспальная? – она не стала отрывать решение от действия и тут же стала подниматься, – Я сейчас, – кивнула в сторону выхода, намекая на дамскую комнату, – Рассчитывайся и жди меня в вестибюле.

Минут через десять они спустились по ступенькам с невысокого крыльца. Через полчаса желтая – с рекламным щитом на крыше – «Волга» высадила их у подъезда дома Дарского. А еще через десять минут, поднявшись на лифте, они, изнемогая от желания, раздевали друг друга по дороге в спальню.

18.

Ближе к Новому году, в первой половине ноября Вениамин Петрович как-то позвонил Руману домой.

Трубку подняла Роза Аркадьевна. Ее детский голосок всегда смешил Пекарика. Наверное, сознание никак не могло примирить в себе звук колокольчика, исходивший из колокола. Сдерживая несоразмерную ситуации улыбку, которая могла отразиться на чувственной стороне баритонального звучания, Вениамин Петрович попытался как можно мягче сыграть друга семьи:

– Здравствуйте, дорогая Роза Аркадьевна.

Почти мгновенная, но очень выразительная пауза, пока Роза Аркадьевна настраивала психику на разговор с начальником мужа, дала понять Пекарику – кто он для нее есть на самом деле. «Вот так всегда с ней. Нет бы сказал, – Роза, привет, – или, – привет, Розочка. А то, – здравствуйте, дорогая Рлоза Арлкадьевна... фу», – заключил, продолжая улыбаться.

– Ой, это вы, Вениамин Петрович? – схитрила Роза Аркадьевна, будто сразу не узнала его, – Здрластвуйте! А Миша... Михаил Моисеевич в ванной. Он брлеется... Что-нибудь перледать ему? Или что?

Это «или что» умилило Пекарика. Мадам Руман, как он ее называл про себя, всегда тушевалась в разговоре с ним. Это, почему-то, налагало отпечаток и на него. Может, поэтому у них никак и не складывались отношения.

– Попросите, пожалуйста, пусть перезвонит мне, как освободится.

– Харлашо, Вениамин Петрович...

– Спасибо, Роза Аркадьевна.

Получилось сухо. «Некрасиво. Как будто секретарше поручение дал. А впрочем...» Пекарик задумался. «Ведь и правда. Пятнадцать лет уже точно есть. И за это время, живя через этаж, мы так и не стали дружить семьями... – он кисло улыбнулся, – Я – семья... а Мишка-то, поц... до сих пор два раза бреется, – стало вдруг весело, – Утром – для приличия, а вечером – для удовольствия... для Розочки своей любимой».

Пока он размышлял, а потом хозяйничал на кухне, чтобы почаяевичать, уже позабыв о Розе Аркадьевне с ее милым голоском, прошло минут двадцать. Все уже было готово, и он как раз снимал чайник с конфорки, как зазвонил домашний телефон. Договорились с Руманом, что завтра весь вечер посвятят окончательному анализу последнего кандидата. Выберут, за кем наладить контроль. Может, даже получится с видеонаблюдением.

Пекарик решил обратиться к своему коллеге – программисту, с которым общался по работе «на стороне». Оба номинально относились к службе начальника охраны в компании «Сити Групп», хотя напрямую подчинялись не ему. Оба были участниками переговоров, где Пекарик выступал в качестве специалиста по невербалике: мимике, пантомимике, голосу, взгляду, а также по оговоркам, построению фраз и способам подавать себя. Этим и снискал себе тихую, но хорошо оплачиваемую славу. Фактически – ни одна сделка без

него не обходилась.

Единственное, что не состыковывалось по поводу видеонаблюдения – проникновение в чужое жилье. И это становилось серьезной причиной, когда Пекарник обдумывал дальнейшие шаги...

– Ладно! Бог с ним! Утро вечера мудренее, – после нескольких секунд сомнения Вениамин Петрович включил телевизор.

На экране – упрощенные, порой до гротеска – замелькали перипетии несовершенства государства и, естественным образом отсюда, социума. Как будто корреспонденты соревновались друг перед другом – кто противнее оголит все пороки и неприглядности жизни. Как будто жизнь вот такая и есть – гадкая и несуразная. И ничего в ней нет святого. «В самый пик внимания сограждан, – подумал Пекарник, – самые отвратительные политические и социальные сюжеты, самые кровожадные с порочными героями фильмы. Здорово! И они хотят... а кто они? И хотят ли?» Он разостлал кровать. Пошел – почистил зубы. С удовольствием разделся. С еще большим удовольствием почувствовал спиной простынь, а коленками и грудью – пододеяльник: «Как хорошо!» Нега разлилась по всему телу, по мышцам и сухожилиям, по коже, обласканной «здоровой силой льняных нитей, структурированных так, что уток поддерживает основу, а та его... а друг без друга они – ничто... как пространственно-временной континуум... эка меня занесло, – выплыло из расслаб-

ленного сознания удивление, – и здесь нашел возможность помудрствовать».

Нега, пришедшая с прикосновением постельного белья, мягко, но настойчиво стала трансформироваться в негу су-ставов – вязкую, тонко вибрирующую наслаждением, сопровождающим переход через пограничную – сумеречную – зону. Вениамин Петрович как бы растворялся в ней. До нее – был, а в ней – уже нет. «Как приспособление для уничтожения документов, – подумал он, мягко пульсируя между исчезновением и возникновением, – вжик, и нету... только здесь можно вернуться...»

Сонное умиротворение слетело. Неприятное чувство, перекочевавшее каким-то образом из сознания в желудок, докучало своей реальностью после всего, что реальным только что казалось. Это, вроде, и чувством не назовешь, но как-то очень уж на него похоже. Перед глазами, в виде маленькой дверцы – почему-то цвета медной патины, возникла перспектива безвозвратного ухода. Вениамин Петрович даже чертыхнулся: «Вот и заснул». Он лег на спину, положив руки под голову, и стал думать. Чувство страха? Нет. Скорее, чувство сожаления от расставания с чем-то дорогим, не контролируемое при засыпании, постепенно рассосалось вместе с ощущением желудка. Его как бы ни стало. Но появилось сердце. Оно так не хотело останавливаться. Хотело жить. Его все устраивало. У Вениамина Петровича сознание даже помутилось на какой-то миг. Пришло сожаление о том,

что может оказаться недоделанным. И от того, что эксперимент может не выгореть как на первой стадии, так и на последующих. И – как отреагирует чужеродный объект, если управляющей окажется иная полевая структура – его, Пекарика. «А ведь не Пекарика, а моя... господи, я уже о себе говорю в третьем лице. Мало того, что язык не поворачивается назвать чужое тело телом – объект, видите ли, так еще и сам я – не я, а управляющая полевая структура». Досада мозга, появившаяся от такого пассажа в рассуждениях, стала разрастаться, смешиваясь с грустью сердца и частично вернувшимся ощущением в желудке, почему-то отдающемся почти незаметной пульсацией чуть ниже пупка. Вениамин Петрович почувствовал неприятное ощущение влажности чуть ли ни всей поверхностью слипшегося с пододеяльником туловища. Вспомнил Господа всуе и с сожалением встал. Откинул подальше край одеяла, влез в рукава халата и пошел на кухню – утолить появившуюся жажду. «Интересно получается. Я-то не боюсь... а тело боится... для него-то вечности не существует».

19.

Проснулся он с чувством тревоги: «Вечер или утро?»

Тускло горел ночник. За окном, в темноте ночи светящимися квадратиками выделялись темные силуэты новых высоток, вlepленных совсем недавно в тесное пространство квартала. Ощущение недолгого забвения не покидало созна-

ние. Вроде и не спал вовсе. Но что-то нарушало это умозаключение. Что-то не вписывалось в него. «Время?» Глаза всмотрелись в циферблат часов, стоящих на тумбочке: «Точно... Шесть тридцать одна. Минуты еще не прошло, как прозвонил будильник... Видимо, я проснулся либо с последним звуком сигнала, либо сразу после него».

Обязанности дня, вначале не подававшие признаков жизни, стали шевелиться в сознании. Оттеснив животную тревогу, оставшуюся от вчерашнего вечера, они принесли тревожность человеческую, граничившую с суетливостью, на что услужливое сознание выдало один из философских перлов Востока: человек должен изжить из себя обезьяну. Мимика тут же отозвалась на это улыбкой. «Ну вот – сам себя разве-селил». Всплыло, почему-то, юношеское «да, я дурак, и ни-сколечко об этом не жалею». «Вот-вот. Это особенно актуально, – с издевкой подумал Вениамин Петрович, – только дай слабину спонтанному мышлению, и оно сделает из тебя достойного члена общества».

Сначала утренние заботы, а потом и работа надолго отвлекли и от подспудно приходивших философских изысков сознания, и от грустных размышлений об окончании земного пути телесной оболочкой Пекарика Вениамина Петровича, и о перспективе полного развоплощения при неудачном исходе эксперимента. День оказался загруженным основательно. Административная работа. Две лекции к тому же, на одной из которых он снова украдкой разглядывал Алек-

сандра Дарского, соотнося его невербалику с тем, что думал о своей. Тот пару раз даже перехватывал его внимательный взгляд, после чего Вениамин Петрович нарочито старался не смотреть в ту сторону, и это мешало, неприятно напрягая сознание. Но так было надо.

Спросив – есть ли что-то непонятное по теме лекции, и не обнаружив должного интереса, профессор Пекарик посмотрел на часы и наказал студентам минут десять не покидать помещение – «посидеть тихонько до звонка, чтобы хождением по коридору не отвлекать внимания коллег в других аудиториях от учебного процесса». Восстановилась относительная тишина – авторитет декана работал безоговорочно.

Симпатия, возникшая у Вениамина Петровича к заинтересовавшему его молодому человеку, изначально, конечно же, была импульсивной. Сработал простейший механизм чувственного восприятия: нравится – не нравится. «Но разве она возникла не тогда, – вездесущий ум стал искать компромисс, – когда сознанием уже завладела идея поиска донорского тела?» Вениамин Петрович вспомнил, как принимал однажды экзамен и обратил внимание, каким образом один из студентов выстраивал свои умозаключения. Это событие заставило серьезно обратить на себя внимание. Он тогда машинально запомнил и имя, и фамилию парня, хотя сомнения в глубокомыслии, которое профессор увидел в студенте, все же были. «Может, просто хорошая память? – подумал тогда, – А источник попался стоящий». Вопросов он

тогда особенных не задавал, «дабы не испортить впечатления». Так – парочку по теме, чтобы поставить высший бал. А в другой раз, присутствуя на зачете в качестве куратора молодого коллеги, понял, что алгоритм ответа у молодого человека продуман. Понял, что пространство его сознания достаточно четко структурировано. Осознание этого не только снова приятно поразило его, но и вызвало уважение. Сейчас уже он понимал, что лучшей кандидатуры ему не найти. Боялся, что иные, чем у Александра параметры физической оболочки – планетарного инструмента – просто не дадут возможности воспользоваться теми знаниями, которые он накапливал в течение всего периода метемпсихоза – во всех своих предыдущих воплощениях. Да и в последнем в том числе. Не было никого из студентов, кроме разве одного – Мешкова – столь же одаренного, как и Дарский. Вениамин Петрович боялся еще и того, что в более слабых вариантах выбранной «физиологии» впоследствии – даже если поначалу он и сможет применить все накопленное – уравнивающий все и вся механизм интеграции противоположностей в динамически развивающейся системе чужого организма, изменит результат соотношения частей. Он боялся деградации личности, являющейся буфером между новым туловищем и его сущностью. Главное в эксперименте для него – не молодое тело само по себе, а возможность продолжения научной работы, постижение неизведанного. Хотя, конечно, в глубине души теплилась искорка – повторить молодость.

Умом понимал: ничего не будет – память не позволит. Но всколыхнувшимся чувствам до этого не было дела.

«Нет, главное – наука... Стоит ли в данном случае искусственно перевоплощаться, если цель еще даже в теории терпит фиаско?» – попытался их вразумить здравомыслие. Но поверить в этот самообман профессор не успел. «Ну-ну, – поднял голову сарказм искушенного знаниями циника, – это ты так говоришь, пока ты Пекарик, пока уровень тестостерона в твоём туловище не зашкаливает за пределы разумного, как раньше. Расставишь приоритеты, когда станешь Александром Дарским. Вот тогда и поймешь, что важнее – наука или жизнь». «Какое неприкрытое ехидство по отношению к себе самому, – удивилось здравомыслие, – какая неприязнь к слабостям». «А ты как думал?» – слышалось оттуда же. «Только Дарский, – пульсировало в сознании, – Если что – только он». «Наконец-то, никаких «или»... А что это за хитроspлетение такое –

«если что»? Что должно случиться?.. Кердык?..

Вениамин Петрович вдруг опомнился: тьфу, ты – опять спонтанное мышление втянуло в нелепое состояние, взялось за плетение внутреннего диалога между субличностью. «Двуногое существо» – вспомнил отношение Елены Рерих к людям, в ком животное начало предопределяло божественное.

Тишина в аудитории прервалась звонком.

– На сегодня все свободны... – говорить что-то еще ста-

ло бесполезно. «Вот так, – усмехнулся Вениамин Петрович, глядя на рванувшую к дверям массу молодых здоровых тел, – Ну что ж... до свидания, коллеги».

20.

Мысли о Дарском, вызывавшие раньше любопытство в Пекарике только при встрече, последнее время доставали его и тогда, когда того рядом не было. Так случилось. Осознание заявлявшей о себе гнусности, леденящим холодом проникавшее в душу, чем чаще осуществлялось, тем более дифференцировалось, становясь четче и ощутимее. Наконец, пришло понимание, что это голос совести пытается пробиться из темноты бессознательного бытия, заявить свои права на душу. Чувство, появившись однажды – при первом притяжении на чужое тело, становилось все более и более невыносимым. Казалось бы, чего беспокоится? Кто будет знать об этом? Господь Бог? «Так он и не такие эксперименты проводит, – думал Пекарик, – Его изыски, которые мы называем целесообразностью, по своей мерзости иногда невозможно сравнить со всеми злодеяниями человечества, вместе взятыми... так мы-то – дети неразумные. Мы только чуть-чуть оторвались от уровня высокоразвитых животных. Мы-то по-настоящему не ведаем, что творим». Такого рода апелляции облегчения не приносили даже с учетом того, что для профессора Пекарика работа причинно-следственного механизма нелинейной системы была совершенно понятной. Че-

рез трансцендентное его постижение – через транс. Работа того самого механизма, который и осуществлял целесообразность, интегрируя полярности на каждом возможном, самом, казалось бы, незначительном уровне Вселенной. Неисчислимо множество частей, синтетически взаимодействуя между собой, порождало гомеостаз Системы Систем – ее динамическое равновесие. Оно следовало как результат аналитических процессов в ее организме – результат дихотомического деления единицы. «Если значение слова «дихотомия» истолковывать с точки зрения биологии, – возразил Вениамин Петрович виртуальному визави, – Недаром каббала видит Вселенную как дерево. Каждая веточка в нем, разделяясь надвое, и создает дихотомию».

Профессорский ум вдруг осознал всю нелепость собственных рассуждений, не способных дать рациональных результатов. «Да-а, хлеб из этого, конечно, не испечь. То, что невозможно подтвердить экспериментом – притом не единственным – лишь теория. Для науки мои изыски – полнейшая авантюра. Но не для меня, прошедшего завесу бытия и смотрящего в бездну».

Душа продолжала болеть. Болела все так же, не удовлетворенная логическими обоснованиями академического образования вперемежку с крохами знаний, появившихся из информационного поля Системы Систем, которые оставили прежние цивилизации, и достававшихся нынешней по наследству. Душа подталкивала к пониманию, что отсутствует

целесообразность в деянии, замышляемом одним человеком против другого. «Но ведь сигнал зачем-то дан? – сопротивлялся ум, – Для чего-то Вселенная открыла эту дверь передо тобой – представителем человечества? Зачем?»

Вдруг истина, как всегда молниеносно блеснувшая в сознании, оставила мгновенный светящийся след своего присутствия: Высшие Сферы! – вот с чьего соизволения начат эксперимент. «Да! И он уже идет. Не иначе. А все то, что происходит, ни в коем случае невозможно измерить человеческим представлением о миропорядке. Потому что человеческое представление о нем – это небольшой штришок в огромной картине мироздания. Нельзя увидеть ее принципы во всем великолепии, стоя перед ней лицом к лицу, словно у фрески на огромной стене. Но зато можно рассмотреть каждую трещинку на краске. И даже, может быть, крупинки на штукатурке. Но поднявшись до принципов и узрев божественную композицию того, что видел только что, уже не увидишь конкретики. А эти противоположности можно соединить только в себе».

«Эка заговорил... – снова подал голос внутренний визави, – А ты не думал, что Вселенная могла открыть эту дверь перед тобой не для того, что бы ты осуществил убийство? А, может, именно для того, чтобы проверить тебя на вшивость?»

« Ха! Sancta simplicitas! Святая ты простота, – присоединился к нему дремавший в Пекарике циник, – Высшие Сфе-

ры, говоришь? А если мои амбиции или моя алчность победят? И я отдам человечеству эти знания? Тогда как? Пусть мир летит в тартарары? Пусть сильные мира сего теперь и с моей помощью пожирают слабых – живут вечно за счет тех, кто не сможет этим воспользоваться? Ты хоть представляешь, что будет?» – захлебывался от торжества цинизма ум, горделиво намекая на свое всеисилие.

«А-я-яй! Тешишь свою гордыню, профессор, – посетовала совесть, – Ты же знаешь, что испытания даются по силам. Тебе остается – всего-то ничего – положить маленькую крупинку на одну из чаш весов».

«А если я положу не на ту?.. Все? Капнут?» – наивно продолжил потешаться ум.

«Нет, – потеряла интерес к бесполезным дебатам совесть, – придет кто-то другой и положит крупинку на противоположную чашу».

«Так просто?»

«В этой простоте невероятная сложность механизма, порождающая совершенство. Ты же знаешь, как никто другой: глубина анализа – это залог совершенства синтеза. Вот так-то!»

Вениамин Петрович вдруг очнулся, снова вспомнив «двуногое существо», и посмотрел на стоявшую у дверей девушку, в глазах и позе которой переплеталось сомнение в тактичности собственного присутствия и желания получить ответ. «Кажется, она что-то спрашивала?» Он хорошо помнил эту

студентку, с тех пор, как впервые увидел на вступительных экзаменах. Все было порознь в ее лице. И какой-то смешной нос. И большой рот. И пухлые губы. И тем более выдававшийся высокий и широкий лоб. Все бы жило в этом лице своей жизнью, если бы не глаза, большие умные глаза, которые ухитрились все это объединить, в итоге сотворив нечто среднее между женщиной и ребенком. За три с небольшим года, которые с тех пор прошли, она почти не изменилась. В ней только женщины, пожалуй, стало чуть больше.

– Вы что-то хотели, Дарья? – благодушно спросил он.

– Да, Вениамин Петрович, – она засмушалась – видимо, не ожидала такого участия, и это ей шло – скорее всего из-за румянца, пробившегося на щеках, – Мне сказали, что вы в порядке исключения будете курировать три курсовые работы. Могу ли я взять у вас одну из тем?

– Естественно, можете... если не боитесь, конечно... – Пекарик внимательно посмотрел в ее красивые глаза, – А вы темы видели?

– Да, безусловно. Я только что от методиста. Две из трех свободны.

– А третью кто взял? – слукавил Пекарик, чтобы продлить разговор.

– А вы что, не ... – наивно начала она, но поняла свою оплошность, – Так Саша Дарский. Он, наверное, сначала решил застолбить тему, чтобы никто не взял, а потом уже у вас спрашивать. А я специально сразу спрашиваю, – затара-

торила она, будто бы испугавшись, что декан, о чем-то спросит, – Чтобы дома просмотреть материалы. Потому что мне обе оставшиеся темы близки, и я бы хотела выбрать... я завтра вам скажу – какая...

– Хорошо, Дарья. Договорились.

– Спасибо, Вениамин Петрович, – совсем смутилась девушка, – До свидания.

Она уже почти полностью повернулась, собираясь толкнуть дверь и выйти из аудитории.

– Секундочку... – Пекарик чуть повысил голос, чтобы быть услышанным, – А вы не помните, какую тему выбрал Дарский?

– Точно не помню формулировку... по супервизии.

– Понял. Спасибо, – улыбнулся Вениамин Петрович.

Она по-детски откликнулась улыбкой на улыбку и скрылась за дверью.

Основные занятия для первой смены уже закончились. Время обеда. Тишина, пришедшая на смену шуму, почти никем и ничем не нарушалась. «Сегодня будем обсуждать кандидатуры с Руманом, – Пекарик поморщился, – А зачем? Зачем, если я уже все решил». Он на автомате положил свой издававший виды конспект лекций в портфель, щелкнул застежкой и вышел из аудитории.

21.

«Уже две недели безумства... – пробуждение вносило тре-

возную ясность в отрезвленное сном сознание, – Пятьсот евро месячной родительской стипендии и почти две штуки, что собирал из остатков! А те, что родители презентовали на Новый год? – Дарский прислушался к ровному сопению Валерии. Не смог сдержать вздох, совершенно естественно завершивший и непроизвольную задержку дыхания, и осмысление своего нынешнего положения, – Все накрылось медным тазом, а еще конец ноября только, – он снова вдохнул, – Какому-то мудрому трамбу, блин, ушла почти тысяча на какое-то турецкое меховое ничтожество, не закрывающее даже пупок».

– Франция... – тихо процедил сквозь зубы, – «Здорово! Заказал потомкам Османской империи нужный лейбл, и все – считай барыши... а жратва в ресторанах... а цветы... любимой, – он кисло улыбнулся, – О соцвыплатах при таком раскладе можно и не вспоминать...»

Глаза сами собой открылись. Невмоготу стало лежать и заниматься самобичеванием. «Короче, Дарский, кончай этот духовный анонизм. Хватит ковыряться в ране – все равно уже ничего не исправишь. Ну, поимели тебя. Но ведь не без твоего же участия?»

«Разве это поимели? – прозвучало в сознании, – Это еще цветочки. Ягодки-то впереди. Ты же хочешь обладать этой женщиной? Хо-очешь. Понятно же». Александр приподнялся, облокотившись на подушку, и посмотрел на спящую Валерию: «Лерочка. Лерунчик. Девочка моя ненаглядная, –

вздыхнул, – Ну что, Сашенька? Молчишь? Сказать нечего? Тогда подмывайся». Он покачал головой и снова тихонько лег. Тут же голос внутри извергнул порцию злорадства: «А еще – всего пару раз за это время был на занятиях». Университет, и вправду, как-то вдруг и бесповоротно ушел на второй план.

Лера изматывала его собой. И днем, и ночью. А он старался потакать каждой ее прихоти, насколько это было возможно. Хотя некоторые капризы, из-за невозможности их реализации обращались в обещания. В долги – другими словами. И это начинало тяготить, а порой и раздражать. Заставляло внутренне становиться жестким. Когда такое происходило, она мгновенно меняла тактику – становилась мягкой и податливой, на все согласной. Старалась угодить во всем «Санечке». Ласкала и даже называла любимым. Зализывала душевные раны, заживляла их. Но как только Санечка расслаблялся, его ждал подлый удар под дых. А точнее – в пах. Только что любящее существо превращалось в гурию или в орла, который прилетал к Прометею клевать печень. «Вот она – настоящая женщина, способная будить в мужчине те качества, которые ей необходимы, не доводя дело до крайности, до точки невозврата. Если, конечно, это по каким-то соображениям ей удобно», – Дарский лежал на спине с открытыми глазами, пространно глядя в белый с золотистым подвесом потолок. Мысли, возникавшие в сознании, отражали реальность, ворочавшуюся в душе. Плоть кричала «хочу», под-

крепляя призыв частью крови, сосредоточившейся в низу живота. Личность, прошедшая в последние дни не один круг унижения и постигнувшая уроки стервозности, сомневалась. А сущность наблюдала, резюмируя ежесекундно внутренние переживания и посмеиваясь, поскольку ей хватало знаний текущей жизни и опыта поколений. «Такое умение, – вещала она, – передаваясь от матери к дочери, присуще женщинам, из рода в род выходявшим замуж за не любимых, но состоятельных мужчин, предварительно пройдя огонь и воду. Не по чину взял ты женщину, Дарский». Александр выскользнул из-под одеяла, накинул халат и на цыпочках вышел из спальни. Пообщался с «белым проглотом» и пошел на кухню – насыпать полосатой бестии, выющейся вокруг ног, корма. Заодно решил поставить воду для кофе.

– Ну, когда уже твои хозяева объявятся? – спросил он у шелестящего «китикэтом» животного, наливая в чайник воду, – Молчишь? Тебе кастрату, пожалуй, и здесь неплохо? Жратвы хватает. Что еще?

Он вернулся в ванную, долго, с удовольствием чистил зубы, нейтрализуя хоть каким-то образом неприятные размышления. Третий день уже фактически без денег. Так – перебивался у друзей: «Только на еду. Леру даже сводить куда-нибудь не за что... где взять денег? – стало ужасно тоскливо в желудке, – Три дня уже ничего не дарил ей... даже цветов... какой секс к черту? Притронуться даже к себе вчера вечером не дала». Подошел, приоткрыл дверь спальни.

Заглянул – проснулась или нет. «Спит, по ходу...»

Умом Дарский понимал – вляпался как кур во щи. И это еще мягко сказано. Но дороги назад не было. Притягательность Леры – ее физиология, ее стервозность, как непосредственная, так и нарочитая, ее умение балансировать на грани фола – весь этот клей, необходимый природе для соединения противоположностей в ней присутствовал. Инстинктивным умением очаровывать Валерия обладала в совершенстве. А потому и вила веревки из простодушного Санечки, впервые попавшего на крючок настоящей женщине, влюбившей его в себя. Заворожившей собой. Она растворялась в нем, растекалась по всему телу ядом, заставлявшим трепетать каждую клеточку, зараженную любовной агонией. К концу второй недели Дарский, если только они с Лерой расставались больше, чем на два часа, чувствовал себя как донор, давно не сдававший кровь. Или как алкоголик, внутренности которого взывают к только им понятной справедливости – обладанию порцией яду. Организм требовал рецидива. Организм болел, недополучая дополнительного толчка, чтобы снова начать выкарабкиваться из критического состояния. Он требовал смерти и возрождения. Смерти и возрождения. Смерти и возрождения. Он хотел умереть в объятиях любимой, чтобы, растворившись в ней, возродиться. Почувствовать себя снова живым. Почувствовать ее притяжение, потерянное в небытии слияния. В небытии единства. Хотел ощутить земную притягательную двойственность, увлекающую

все существо в иллюзию жизни – круговое путешествие с субсветовой скоростью по электромагнитному тоннелю желаний. Плюс-минус. Плюс-минус. Плюс-минус. Как в ускорителях. Чтобы – хоть на мгновение – почувствовать себя богом. В процессе. В том, который и есть сама жизнь. Ибо результат – это смерть, это краткие промежуточные состояния в едином потоке жизненности. А поэтому любовь – не результат. Любовь – процесс, начинающийся задолго до ее кульминационного момента, когда мужчина и женщина оказываются единым целым. Любовь – это ожидание любви. «Да-а... – Александр сделал последний глоток кофе. Улыбнулся пришедшей мысли, – А какая разница? Что в лоб. Что по лбу. Главное ведь не сам факт, а то, что за ним следует».

А следовало падение. Оно докучало. Удручало осознанием действительности. Сразу – в самом начале отношений, это ощущалось не так. Пока шло прикармливание чувств. Их настройка на богоподобие. Пока женщина охмуряла мужчину, интегрируя его в свою систему ценностей. Держа карту в рукаве. Козырную, конечно же. Самую старшую. Чтобы тогда, когда этот болван начнет праздновать победу, опустить его ниже плинтуса. Но сделать это правильно. Не от своего имени, чтобы не вызывать огонь на себя. От имени злодейки-судьбы. Пусть на нее ропщет. Пусть защищает от нее любимую женщину.

– Тьфу, ты! – Александр поставил вымытую чашку на решетку сушилки, – «Лучше бы я не понимал всего этого...

Легче бы, наверное, было, – он стал ходить взад-вперед по кухне, не замечая того, что делает, – Деньги, деньги, деньги! Влип! От родителей – еще не скоро... да и денег этих мне теперь – разве что долги раздать... которые обязательно сделаю. Влип так влип! Да не влип – вляпался по самое не балуй, – снова продолжилось в сознании, как бы без его участия, – Не головой – головкой думаешь. Если начало таково, какое же развитие у него будет? Не иначе, тупиковое. Про конец и подумать даже тошно», – подсознание через нейрогуморальную систему снова вбросило в кровь какой-то гадости. На душе стало отвратительно. Но то, что должно было привести ум в полный упадок, загустив адреналином кровь до нижнего предела, вызвало обратную реакцию – стало сопротивлением безысходности. «Николай Иванович!» – сработала мысль. Она, как боек спускового механизма, ударившего по капсулю и приведшего в действие реактивные силы, вызвала к жизни новые следствия. Дарский тихонько забрал из спальни одежду. Быстро натянул штаны. Свитер. Влез в кроссовки. Накинул куртку, и собрался было к выходу. Но не сдержался: вернулся на цыпочках, посмотрел с нежностью на полураскрытую, спавшую до сих пор Валерию. И только тогда вышел из дому, по возможности тихонько закрыв и затем замкнув на два ключа металлическую дверь.

22.

Уже на улице достал телефон. Нашел в книге «Николай

Иванович Дмитриевский», поколебавшись несколько секунд, активизировал вызов, и после третьего гудка услышал «алло».

– Николай Иванович?

– Да, слушаю вас?..

– Здравствуйте, Николай Иванович. Это Дарский... Саша, – добавил спохватившись, почувствовав недоумение в паузе.

– А-а, Саша? – обрадовался голос, – Здравствуй, дорогой. Как там родители? Не собираются еще возвращаться?

– Да нет, Николай Иванович. У отца же контракт до пятнадцатого года.

– Да-да, точно. Запомню...

Образовалась короткая, но очень многозначительная пауза.

– Николай Иванович... – Саша замолчал, как-то вдруг неловко почувствовал себя. В сознании мелькнула мысль: «Ну вот, нарисовался: типа, здарсьте, дядя... дайте денег, а то очень кушать хочется».

– Я слушаю тебя, Саша. Помощь нужна? По учебе?

– Да нет, Николай Иванович. С учебкой все в порядке, – сказал и испугался собственного заявления, потому что после двух почти полностью пропущенных недель уже не знал – в порядке ли.

Николай Иванович как будто почувствовал его состояние.

– Точно? Смотри, а то ведь я с вашим деканом в друже-

ских отношениях.

– Нет, спасибо, Николай Иванович... – он уже совсем было потерялся, и готов был отступить, как вдруг ясно увидел «цену вопроса», – Николай Иванович, папа мне говорил, что если у меня возникнут срочные проблемы с деньгами, то я могу обратиться к вам, – он проглотил, казалось бы, такую необходимую в этом месте паузу, – Дело в том, что у меня проблема возникла с машиной – коробка передач накрылась. Надо менять срочно. Семьсот баксов сама трансмиссия и плюс триста за замену. Короче, нужна тысяча. А родители мне передают деньги с оказией, чтобы не платить варварские проценты за пересылку.

– Да-да, Саша, был у нас с твоим отцом разговор на эту тему... Хорошо. Когда тебе нужна эта сумма?

– Чем быстрее я заплачу, тем быстрее начнется работа. Николай Иванович...

– Добро, Саша, – перебил его Дмитровский, – Где-то к обеду я освобожусь и зайду в банк. Как только деньги будут у меня, я тебя наберу и мы договоримся о встрече.

– Спасибо, Николай Иванович, – выдохнул Александр, – огромное. Вы даже не представляете, как выручили меня.

– Ну, пока еще не выручил, – голос Дмитровского, чувствовалось, трансформировался понимающей улыбкой, – Это пока еще декларация о намерениях, Сашенька.

– Ну, все-таки...

– Да ладно, мой дорогой. Как вы там говорите – не парь-

ся? – засмеялся он. Дарский невольно усмехнулся, – Ну, будь здоров. До встречи.

Николай Иванович отключился.

«Фу, ты. Неужели сработало? Я снова буду с деньгами?» Не успел он обрадоваться, как вспомнил, почему остался без денег. Пришла мысль, что и этих – виртуальных пока – скоро не будет. «Не-ет, так дело не пойдет. Надо будет по частям их легализовать... если получится», – добавил неуверенно. Вспомнил предыдущее фиаско. Лера тогда с легкостью расколола его хитрость – было стыдно и унижительно. О сегодняшних деньгах Лере, пока не забрал у Дмитровского, решил не говорить. А так повода позвонить – разбудить ее – не нашел: мало ли на что нарвешься. «Забежать в университет? – подумал, – А то с начала ноября всего только раз и заглянул, – Александр, словно его кто-то подтолкнул, быстро зашагал в сторону парка, чтобы срезать часть пути, – Надо побыть хотя бы на какой-нибудь паре. Желательно у декана, если есть его лекция. И, кстати, оттуда будет ближе до Николая Ивановича: корпус экономистов рядом... блин, уже почти середина ноября, – он как раз миновал угол парка, где красовался ряд пушистых голубых елей, – Скоро Новый год... а до этого же еще Конец Света», – усмехнулся.

Он как раз поднимался по ступенькам, когда увидел спускавшуюся Дарью Кветковскую.

– Привет, Даша, – улыбнулся приветливо, – Смотри-ка – место встречи изменить нельзя. Только направление движе-

ния у нас изменилось.

– Точно. С одной лишь разницей, – улыбнулась она, – В этот раз ты не пытаешься меня покалечить... Да-арский! Пропа-ажа... тебя уже полшколы ищет. Ты где шкеришься? – Александр почувствовал неподдельную радость в ее голосе. «Странно... мы и не друзья вовсе... да и то, что говорят о ней, как-то не вяжется с ее реакцией... а! – не захотел думать, – Просто настроение, наверно, хорошее».

– Даш, я тоже рад тебя видеть, – отмахнулся он, – Слушай, расскажи в двух словах – кто меня ищет и зачем? – вдруг до него дошло, что она уходит со второй пары, – Извини, не подумал. Может, ты спешишь?

– Да, Саш, спешу. Но скажу. Не дрейфь, особого кипеша не было. Спрашивать спрашивали. Но, чтоб искали, так нет. Правда, декан интересовался. И то, наверное, потому что курсовую ты у него взял.

– И все? – выдохнув с облегчением, спросил Александр.

– И все, – улыбнулась Дарья и неожиданно – она стояла чуть выше, и потому ее лицо было напротив – поправила ему челку. Слегка. Вроде и не поправила. А так. Просто прикоснулась. «Ничего себе».

– Даш, а что это было? – Дарский по привычке, с улыбочкой, попытался свести все к шутке. Но то, что произошло в предыдущее мгновение, настолько оказалось неожиданным, и настолько удивительным, что поразило его до глубины души. Он уже давно смирился с тем, что эта девочка ему не

по зубам по вполне понятным причинам. И вела себя, как парни – разговаривала грубовато. И одевалась в унисекс. Да и имидж: ореол славы существовал у нее нелицеприятный. Правда, не проверял никто. Как-то так. Наверное, это никому, по-настоящему, не было и нужно. И на тебе.

– Да ничего особенного, Дарский. Дружеский жест. Нрависься ты мне, – рассмеялась Даша.

– Я? – глупо удивился Дарский.

– Ну, да, – она продолжала смеяться, – А что, Сашенька? Ты считаешь, что не можешь нравиться лесбиянкам?

Это оказалось ударом ниже пояса. Сашенька что-то промычал невразумительное, после чего подумал, что оказался не в то время и не в том месте. Но – поздно: надо было как-то выкручиваться.

– Ах, оставьте, мадмуазель, – сделал он театральный жест, – Видите? Я неутешен по этому поводу. А вы так жестоки, что еще и смеетесь надо мной, – он наклонился к ее уху и вполголоса нарочито строго, как в кино, проговорил, – Улыбайтесь! На нас смотрят, – и добавил, – Может, мы спустимся вниз?

– Пожалуй, так будет лучше. Пошли! Все равно я уже безнадежно опоздала, как, впрочем, и ты на вторую пару. Хотя ты на нее опоздал еще тогда, когда не останавливался около меня.

– Неужели? – уже спускаясь вслед за Дашей, проронил, шутя, Дарский.

– В самом деле, Сашенька. Как, впрочем, и то, что я не та, за кого ты меня принимаешь.

– Ты американский шпион? – в том же игривом тоне продолжил Сашенька.

Даша повернулась к нему лицом и буквально пронзила взглядом, словно в душу заглянула:

– Я не лесбиянка, Дарский.

Возникшая пауза обозначила звуки сновавших бесконечно автомобилей. Они заворчали двигателями, будто сетуя, что до сих пор на них не обращали внимания.

– Не понял... – от неожиданности Александр чуть не поперхнулся собственной слюной, машинально сглотнув.

– Да-да, ты не ослышался, – продолжая идти задом засмеялась Даша, – Могу даже рассказать тебе теперь грустную историю об этом.

– О чем – об этом? – сорвалось с губ, и сразу понял – «затупил», – А-а...

– О том, как я стала лесбиянкой, Саша.

– Да понял я! – Дарский вспомнил вдруг – зачем пришел сюда. Посмотрел на часы: время еще есть – часа два, а то и три. Посмотрел на Дашу. Ее порозовевшие щеки затронули что-то в душе, и та отозвалась умилением. «Какая девушка!» Он с удовольствием послушает Дашу. И потому, что это ему любопытно. И потому, что она будоражит его мужскую природу. А не занялся он ею до сих пор только по известным причинам, которых, оказывается, и не было. А те-

перь все может сложиться. Упоминание об этом вывело на свет сознания и то, по какой причине он здесь и саму причину, спящую одиноко в его квартире или пьющую кофе на его кухне. «Черт побери! Ну, почему все так складывается? Почему, когда мы столкнулись прошлый раз, она не сказала мне об этом? Может, ни Леры, ни трясины, в которую я попал, привязавшись к ней, в помине не было бы?»

– Так что ты понял? И чего замолчал? Или тебе уже неинтересно?..

– Интересно, Дашенька. Очень интересно. А по поводу того, что понял, если начну объяснять, каламбур получится. Так что, давай – рассказывай. Я весь внимание, – увидел недоверчивый взгляд, – Нисколько не сомневайся. Если я улыбаюсь, это не значит, что я смеюсь над тобой.

– Точно? – улыбнулась она в ответ, взором еще не совсем оттаяв.

– Точнее не бывает.

Даша на несколько секунд замолчала.

– Все началось с дискотеки, – голос ее изменился, – После конкурса «А ну-ка, первокурсник!»... Томаза, помнишь? Он ушел сразу после первого семестра...

– Помню, конечно: яркая личность.

– Ну, так он решил приударить за мной тогда. И это была жесть. Я не знала, как от него отделаться, чтобы не спровоцировать насилия. Он уже одежду начинал рвать на мне, когда мы однажды остались вдвоем в комнате – в общежитии. Пред-

ставляешь мою жизнь в дальнейшем? Заяви я после этого – позор. Собирайся и уходи из универа, а я столько сил положила, чтобы поступить. А не заяви – насилие будет продолжаться. Да еще, когда хочешь, и не от него одного. Ты же их знаешь. Они же все – братья. Разве нет?

Дарский, ошеломленный, промолчал. Да и что тут ответить? Горечь, злость и ненависть захлестнули его. Язык бы не повернулся произнести то, что полезло из бездны бессознательной сути. «Вот оно – мое темное и страшное нутро. Моя животная суть. Я готов убить за эту, казалось бы, совсем незнакомую, но почему-то ставшую такой родной, женщину». Вдруг пришло осмысление, что сотвори то же самое Ваня или Коля, может не было бы и половины того святого возмущения, той темной и такой страшной от понимания ее разрушительной силы энергии, высвобождавшейся из него. Даже в жар бросило от такого оборота мыслей. Представилась такая же беззащитная перед роковыми обстоятельствами кавказская женщина. «А разве у нас мало недочеловеков, которым место только в клетке?» Стало стыдно. Он – интеллигентный, образованный человек, как какой-то люмпин, испытывал этническую ненависть. Ненависть к людям, чьим представителем оказался злосчастный Томаз. Это – а, может, то, что пришлось силой воли запихивать назад в черную бездну – было опытом, наработанным за весь период развития его сущности. «И не только за время человеческой фазы, – пришло откровение, – но, наверное, и до нее?» Чувства и

осмысление их как-то вдруг отняли силы: в душе ощущалась пустота и безжизненность.

– Да-а... – только и смог он сказать.

– Сначала я стала говорить, то, что первым пришло в голову. Что больна. Только отстал бы. Потом сказала, что у меня трипер. Но, видимо, я не была убедительна. Он понял, что я лгу. И, не смотря на сопротивление, продолжал делать свое. Вдруг до меня дошло, что силы на исходе, и что я не могу больше бороться. Вот в это мгновение и пришла мне мысль, которая спасла и от того позора, и от дальнейших приставаний. Я прошипела ему в рожу, что я мужик в женской шкуре и плюнула... то ли в глаз попала, то ли... да какая разница! Самое главное, что это подействовало. Он ударил меня, но сразу же отстал. Видимо, это шокировало его.

Даша снова замолчала.

– Вот сука! – не выдержал Александр.

– И вот в этом панцире, – продолжила она, – я с тех пор и хожу. Не парься, – увидела она его сочувственный взгляд, – Мне было удобно. Пока в марте – прошлой весной... в спортзале я не упала, когда мы сдавали зачет по стометровке. Сильно. Ни одна падла тогда из мужиков не подошла и не подала мне руку. Ни один не спросил – как я. Хотя если бы я была настоящим мужиком или бабой – подали бы. А вот ты подошел, хоть и стоял дальше всех. Ты мне и раньше нравился, как парень. А тут я поняла: ты – человек. И вот с тех пор я о тебе думаю...

Она развернулась и снова пошла задом, глядя ему в глаза.

– Все! – развела руками, улыбаясь, – Фенита ля комедия.

Теперь ты все знаешь. Кроме одного, – она остановилась, продолжая смотреть ему в лицо, – Мне очень трудно было все это тебе рассказать. Цени!

Александр понимал, чтобы он ни сказал сейчас, все будет банальным и ни к месту. Поэтому молчал. К серьезным отношениям он готов не был. А сейчас уместными могли быть только они.

– Даша... – ни с того, ни с сего запершило в горле. Он прикрыл ладонью рот и сделал движение горлом, похожее на откашливание.

– Са-аш, да успокойся ты, – изменившимся, уже совсем спокойным голосом остановила его Дарья. Думаю, ты превратно понял мою исповедь. Я не предлагаю тебе стать твоей girl friend. Извини... – замялась она на секунду, – Я до сих пор целомудренна, – и без паузы – наверное, чтобы скрыть неудобство, чуть повысив голос, выпалила, – Я предлагаю тебе дружбу. Нормальную человеческую дружбу.

Такой поворот вернул Дарскому равновесие. Он почувствовал фальшь в предложении бедной Даши.

– Кветковская! Да ты лукавишь! – воскликнул он, – Какая к черту дружба между красивой женщиной, которую хочется затащить в постель, и мужчиной, к которому эта женщина равнодушна. Была бы ты каким-нибудь страшилищем, а я занудой прыщавой и перекошенной к тому же, может, тогда

и о дружбе можно было бы поговорить. А так...

– А что? Так, как у нас, нельзя? – Даша с каким-то неподдельным участием посмотрела на него, как взрослый человек на неразумное дитя. Как будто у нее появились сомнения, что доверилась этому черствому, и такому неумному человеку. Будто ошиблась и уже сожалела о своем порыве.

– Ну, не знаю... наверное, можно, – пошел на попятную Дарский. Ему вдруг стало стыдно за то, что опошлил что-то, до чего его душа не могла дотянуться в своей испорченности женским вниманием, – Извини, Даша, я не прав. Просто это для меня как-то неожиданно.

– Да? – усмехнулась она, – Ты знаешь, для меня тоже.

И в ее усмешке Дарский почувствовал что-то унижительное для себя. Но исходившее не от нее. А откуда-то со стороны. Вспомнился диалог из старого анекдота, где тезисом было: «Здесь мент проходил. Сказал, что с этого моста прыгать нельзя...» А антитезой: «Как это нельзя?» с последующим действием. Почему-то между анекдотом и нынешней реальностью на каком-то тонком уровне пролегла параллель. «Как это так? – думал он, – Слабое маленькое существо, стоящее передо мной, может, а я – нет... ну вот, – сработал инстинкт выживания, – опять попался. Вот они – маленькие и слабенькие...» Инстинкт выживания рода оказался в этот момент почему-то слабее. Может потому, что соитие с этой женщиной было достаточно эфемерным. И к тому же – не подготовленным чувствами и размышлениями. Ориентация

на Дарью, как представителя иной – более близкой к мужчинам – гендерной группы, делала свое гнилое дело.

– Дашенька, – Дарский взял себя в руки, – Давай пока мы оставим все как было. Я всегда относился к тебе...

– Как было между нами, уже никогда не будет, – перебила она. И добавила тут же, будто боясь забыть, – Единственное, о чем вынуждена попросить... оставь все, как было, для остальных.

– То есть, для других ты так и должна остаться лесбиянкой?

– Ты весьма проницателен, Дарский, – опять усмехнулась Даша, – Да! Мне так удобнее. Я так привыкла, и не вижу нужды что-то менять. Пока... – она замолчала, – Ну, да ладно. Надеюсь, ты меня понял.

Последняя фраза прозвучала, чуть ли ни как угроза. И это говорящее «пока» скрылось за ней, будто бы его и не было. Но оно было. И было достаточно недвусмысленно, чтобы что-то уточнять.

– Хорошо, Даша. Я все понял. И не могу не подчиниться. Согласен, что между нами уже не может быть так, как было. Ты права. Но я очень рад, что узнал тебя сегодня в другом качестве. И пойми, столько лет смотреть на тебя и знать, что ты такой же мужик, как и я, хочешь, не хочешь, а действует. Хотя, честно скажу, были поначалу сомнения и даже желание. Когда стоял рядом с тобой, соприкасался с твоим полем, возникало чувство, что ты женщина. Но то, что говорили, и

твое поведение – ты ведь специально играла эту роль – рано или поздно сделали свое дело...

Зазвонил телефон.

– Извини, Даша, – он достал трубку. «Николай Иванович», – Да, Николай Иванович. Хорошо, Николай Иванович. Спасибо. Буду.

Даша посмотрела на него то ли с сожалением, понимая, что он сейчас уйдет, то ли с жалостью к нему самому. А, может и вправду, сожалела, что доверилась, потому что не получила того, чего хотела. Но факт оставался фактом – в ее глазах Дарский уловил еле заметный упрек. Взгляд как будто говорил: «Эх, ты!»

– Дашенька, – он постарался хоть как-то смягчить ее горечь интонацией, – Извини, дорогая. К моему огромному сожалению, мне пора. Тот, с кем я разговаривал, ждать не будет...

– Да-да, Саша, – ответила она по имени, а не по фамилии, как зачастую это делала, когда посмеивалась над ним, – Конечно. Иди. Только... – она замолчала.

– Что только, Дашенька?

– Только не смей меня жалеть, Дарский – в голосе появилась жесткость, – Любить можешь, – улыбнулась она, как смогла, – Жалеть – запрещаю.

«Вот она – женщина, – вербализовался комментарий чувств, – Существо, где даже грубое насилие пытается выглядеть изящно».

Они попрощались и разошлись в разные стороны.

23.

Ближе к трем, он топал – уже не с пустыми карманами – в сторону дома, где его, наверняка, ждали. Даже если и не его самого, то его с деньгами точно. Ждали молчаливо, без звонков, утяжеляя этим молчанием моральный прессинг. «Женщина-друг, к сожалению, счастье весьма редкое, – думал Александр, вспоминая Дарью, – И достойны этого единицы. Наверно, она могла бы быть моим другом. Но я – вряд ли...» Он, как и большинство мужчин, в общении с женщинами чувствовал себя либо мальчиком перед волевой и сильной матерью, либо становился отцом маленькой капризной девочки. Дочки. Валерия, инстинктивно и интуитивно, освоив обе роли в совершенстве, легко манипулировала им, добиваясь для себя максимальной выгоды. Он оказался очередной жертвой капризов прожженной стервы, испорченной воспитанием и жизненным опытом. Это физиологически ей было на пару лет больше, чем ему. На самом же деле, в психологическом плане – и он это преимущество прекрасно осознавал – несоответствие исчислялось десятками, если не сотнями лет. Она, как вьюнок, нашедший, наконец, опору на юном побеге, обвивая слабый еще стебель все сильнее и сильнее, карабкалась выше и выше к солнцу. И непомерно разрастаясь, затмевала и душила его. Его волю. Уважение к себе. Перспективу развития. Отнимала средства, необходи-

мые для нормального существования. Наконец, делала ра-
бом, попеременно используя величайшие силы воздействия
– инстинкты самосохранения и продолжения рода. Тандем
физического и эфирного тел – планетарного инструмента и
первичного уровня сознания: самый совершенный механизм
выживания, миллионами лет оттачиваемый Вселенной, в ос-
нове которого – поддержание равновесия системы, где глу-
бина анализа – залог совершенства синтеза. И это динами-
ческое равновесие, еще не отягощенное достаточной диф-
ференциацией окружающего мира, чтобы включились такие
чисто человеческие категории как совесть, честь или досто-
инство, оказался самым удачным, самым жизнеспособным
приспособлением. Противостоять ему могло только одно об-
стоятельство – конец очередного цикла. Именно он, с его из-
вечными спутниками – смертью и возрождением. И только
он, о каком бы цикле не шла речь.

Александр с удовольствием вышел из оплеванного под-
ростками лифта на площадку своего этажа. Выкрашенные
недавно в травянистый цвет стены только-только начали по-
крываться свежими, принципиально неотличимыми от твор-
ческих изысков других подъездов, надписями. Подошел к
двери своей квартиры. Прислушался. «Интересно – там или
нет?» Лера в первое же утро после бурной ночи потребовала
у Сашеньки ключи. «Как будто, так и надо, – поразился он
тогда, – Будто влезть в чужую постель – повод влезть и в чу-
жую жизнь». Но глядя на счастливое лицо, Дарский отогнал

сомнения интуиции и тут же забыл о них. Ведь от девушки он – без ума. А ключи? Да на – бери... после сегодняшней ночи. Захватившее упоение отняло последние крохи разума.

Но, не прошло и трех дней, как Александр пожалел о своей глупой восторженности. Правда, повода, достаточного для того, чтобы сказать – вот Бог, а вот порог – Лера ему не предоставила. А у самого смелости не хватило обидеть девушку таким поворотом событий: знал – это неминуемо приведет к разрыву. Расставаться же с бурными ночными, да и дневными удовольствиями не хотелось. «Может она измениться», – обманывал сам себя. Но, кривя душой, понимал – бред сивой кобылы. Чтобы человек мог сам измениться? Исправиться без чьей-то помощи, если его в данный момент все устраивает? Только длань Господня, а попросту – жизненное потрясение, как он уже понял за почти четыре года обучения, может обратить болящего на путь истинный, протянув через угольное ушко смерти и возрождения. То ли физической, то ли духовной. «Не зря ведь народ сказал, что горбатого могила исправит». Александр машинально достал из кармана куртки кожаный футлярчик, расстегнул его, взял самый первый – длинный ключ и тихонько вставил в скважину. Он уже не вспоминал о Даше, вовлеченный в другую жизнь, где была иная ситуация – со своими фигурой и фоном. Фигурой, при появлении которой, остальной мир не то, чтобы становился фоном, он исчезал вовсе, потому что ею заполнялось все пространство. Она – и фигура и фон од-

новременно. «С моими знаниями и опытом, наверное, еще невозможно понять такие тонкости отношений досконально, – рассуждал Дарский, стоя перед собственной дверью, – Я всегда скатываюсь к ее ногам. Мне – эксперименту природы в лице мужчины – вряд ли удастся противостоять ей. Ведь женщина – результат этого эксперимента. В нее природа вложила все самое лучшее, что смогла создать». Наконец, он все же повернул ключ. «Она – богиня», – заключил, уже входя в прихожую.

– Ну, где ты так долго был, Дар-р-рский? – улыбаясь, захныкала Лера. Что-то в этом было кошачье. Будто не говорила – мурлыкала. И не шла. Кралась – нога за ногу, – Я суча-ала, – она обвила его шею руками и чмокнула в губы. И он, обняв ее за талию, потянулся, чтобы страстно ответить на дразнящий поцелуй. Но Лера тут же отпрянула, перегнувшись назад, – Все, пр-отивный мальчишка, – улыбалась серьезными глазами она, снова дразня и искушая собой. Плотно прижавшись к нему бедрами и упершись в грудь кулачками, она слегка покачивалась. Вниз вверх. Вниз вверх, – Нашел денег?

Дарский на мгновение почувствовал себя недочеловеком. Вся прелесть встречи, только что обещавшей рай земной, ушла из низа живота, растерявшись сначала и размазавшись по всему телу, чтобы затем сосредоточиться в яремной ямке. Вроде, не обида еще. А, вроде, и она. «Вот и вся любовь... деньги, деньги, деньги». Он отпустил ее талию и коротко,

слегка отвернув голову, бросил:

– Да. Нашел.

И Лера, только что недоступная и даже несколько надменная, ладонями обхватила его лицо. С улыбкой, в которой почти незаметно сквозило превосходство, повернула к себе.

– Ну, что ты, Санечка? – одна ее рука, прочертив по его телу, шмыгнула вниз, – О-ё-ёй! Обиделся маленький... – ее глаза, успевшие подернуться паволокой, уже были искренно нежны.

– Лера... – несерьезно попытался отодвинуть ее Дарский, – Прекрати.

Она удержала его. Приподнялась на цыпочки. На мгновение показалось, что ее как бы развернутые наружу и чуть приоткрытые губы, напоминают присоску. Но в этот момент не испытал ни сарказма, ни отторжения: природа, миллиарды лет совершенствуясь, не могла допустить, чтобы рациональный слой сознания, более молодой – и потому менее совершенный, чем чувственный – с точки зрения выживания, одержал победу в борьбе за жизненность. Чувства, потянув энергетическое одеяло на себя, полностью завладели ситуацией, и действие, начатое в прихожей, закончилось в спальне.

Потом они советовались, куда пойти вечером. Вернее Дарский предлагал. И поход в ресторан, как самостоятельное мероприятие, не связанное исключительно с приемом пищи, оказалось единственным из предложенного благодарным «маленьким», за что Лера ухватилась с полуслова. Все

остальное было отвергнуто без обсуждений. Потом некоторое время ушло у нее на сомнения по поводу выбора заведения, после чего Александр позвонил и заказал столик. И еще часа три после этого, она намывалась, натиралась и накрашивалась, после чего позволила вызвать такси.

Вскоре зазвонил домашний телефон. Диспетчер без привычной суровости в голосе поторопила, сообщив, что машина у подъезда.

– Спасибо. Выходим, – Александр взглянул на Леру.

Она поймала его взгляд.

– Что? – вытаращилась театрально, – Будешь торопить, будет только дольше.

Дарский чертыхнулся. Снова что-то перемкнуло в груди, и опять появился вакуум в яремной впадине.

– Лер, мне уже жарко... да и машина ждет. Надо водителю показаться, а то, не дай бог, заказ снимут, – ухватился он за мелькнувшую мысль.

– Ну и что? – парировала Валерия, – Один таксопарк, что ли, в городе?

– Нет, я все же подожду тебя на улице... или в машине, если замерзну, – не удержался – съязвил он. Впрочем, на это никто не обратил внимания.

На улице Дарский немного поостыл. Смена декораций, отсутствие раздражителя и короткий диалог с водителем такси успокоили. Только странный вопрос, возникший в сознании и разраставшийся, не давал окончательно увидеть пре-

лесть уже почти зимнего безветренного вечера, с парящими редкими снежинками. Снова вспомнилось, что сегодня двадцать первое ноября. Что скоро Новый год. Каких-то сорок дней. Но ощущение непреодолимой пропасти между этими двумя календарными вехами – сегодняшней и новогодней – и обещанный конец света, муссируемый по всем телеканалам и радиостанциям, рождал парадоксальное, почти трансцендентное восприятие действительности. Оно – то возникало, то исчезало, пульсируя неопределенными отрезками времени. И вот сейчас как раз наступал период повышенной чувствительности. Мысль, пронзившая сознание, настолько казалась четкой, даже материальной, что в нее хотелось поверить безоговорочно. «Мало ли подобных страхов периодически терзает нас. Вот если бы я услышал голос с небес... – спонтанная улыбка растянула губы, – Пожалуй, это уже клиника... Пора менять фигуру и фон... Природа! Вот где отдохновение для души». Он встал спиной к машине, сосредоточивая внимание на парящих снежинках, а вскоре уже беззаветно любовался ими, плавно опускавшимися и мерцавшими в свете фонаря у соседнего подъезда. Безымянный внутренний оператор в нем, выбирая фрагменты архивированной памяти, молниеносно вбрасывал их в видимое поле психики, переводя в обычный формат, который тут же комментировался нынешним уровнем сознания с его нынешними моральными принципами. Один, другой третий. Вспомнилась трогательная встреча с Кветковской, и падаю-

щий снег превратился в белесое марево, стал фоном. Появилось ощущение, что это было давно. Ну, может, не совсем. Но не сегодня – точно.

– Саша!?! Саша, поехали, – Лера уже стояла у машины, – О чем ты там думаешь? Не дозовешься тебя...

– Да так. Ни о чем. А что?

– Да ничего. Просто спросила.

Машина выехала со двора и помчалась по освещенным городским улицам. Ощущение Нового года, появлявшееся от всей рекламной мишуры, усилилось постоянной сменой новогодних декораций, гирлянд в витринах магазинов различных цветов и последовательностей мерцания, елок на площадях и в скверах, где-то еще собирающихся на каркасах, а где-то уже горевших всеми огнями спектра. Все подготавливало обывателя к великой пьянке – единственному на планете празднику, который за редким исключением почти одновременно отмечала вся нынешняя цивилизация. «Такое ощущение, – подумал Александр, – что скоро с лета начнут готовиться. С каждым годом все раньше и раньше».

Желтая «Волга», выполнив маневр, припарковалась у обочины напротив ярко освещенного белыми и желтыми фонарями старинного, недавно отреставрированного здания. Дарский расплатился, и они с Лерой вышли на вымощенный красной бетонной плиткой тротуар. Невысокое без ступеней крыльцо, предусмотрительно укрытое на зиму темно-зеленым резиновым ковриком, гостеприимно встретило новых

24.

Легкий морозец ударил в ноздри. Выйдя из корпуса на свет божий, профессор прищурился. Заслезились глаза. После сумрака длинных коридоров с бесчисленными амбразурами дверей с обеих сторон и далекой перспективой окон в торцах здания, огромный холл первого этажа, также не дал ощущения свободы. Его низко нависающий потолок и завешенные вертикальными, волнообразно «подстриженными» жалюзи окна так же давили на психику. Но здесь! Взрыв света и освежающего все существо воздуха и пьянил, и отрезвлял одновременно. «Как все-таки здорово, когда получаешь такие встряски чувств, – вспыхнуло в сознании, – Вот где на самом деле осознаешь себя живым мыслящим существом, а не запрограммированной сомнамбулой, – Вениамин Петрович сделал глубокий вдох, – Хорошо-то как!» Захотелось потянуться, размять суставы. Поймал себя на том, что оглянулся, будто хотел убедиться, что его никто не видит. Улыбнулся. «А все же... хоть и не совсем, но все-таки сомнамбула». Телу в потягивании, конечно же, было отказано, за исключением, разве что, поворотов шеи.

Он шел уже минут двадцать, наслаждаясь погодой и знакомыми видами города, пока, наконец, не попал в старую часть центра. Мысль – зайти куда-нибудь перекусить – наткнулась на кованую «раскладушку» с ценами-зазывалками

у одного из ресторанчиков, заполонивших первые и цокольные этажи реставрированных домиков, расположившихся по обе стороны уютной, стилизованной под старину улицы. На «раскладушке» предлагались пельмени на итальянский манер. И еще что-то, что мгновенно не восприняло профессорское внимание за счет не совсем ясного почерка. А потому сразу же отвергло, занявшись осмыслением предыдущей информации, аргументированной для подсознания категорией «приятно». «Ну что ж, пойдет... равиоли так равиоли – усмехнулся Пекарник, – Похоже, то же самое, что и запеченная на шампурах свинина – шашлык». Мысли о близости пельменей, попеременно теперь уже с шашлыком, заполнили сознание, мелькая картинками блюд, приправленных фантомами вкусовых ощущений и запахов.

Войдя в вестибюль, Вениамин Петрович увидел мясистую фигуру охранника, на бейдже которого большими буквами красовалось «Вадим».

– Добрый день, – обратился Пекарник к нему, – Извините?... – место, где должен был находиться гардероб, пустовало. В нем не было вешалок.

– Добрый... – как бы нехотя ответил Вадим, – Слушаю вас.

– А-а, все-все – вопросов нет. Уже вижу, – вешалки стояли в зале, в разных местах, чуть в стороне от столиков, – Хотел спросить, где раздеться, – как бы извиняясь, улыбнулся Пекарник недоуменному выражению лица секьюрити, – но,

спасибо, уже вижу.

– А-а... – почему-то обрадовался тот, – Вы у нас, судя по всему, ни разу не были? – и, не дожидаясь ответа на свой вопрос, продолжил, – Тогда я вам рекомендую пройти во-он в тот угол, – показал парень, – Там и уютнее, и официанточка... вот такая! – показал он большим пальцем, цокнув при этом языком.

Вениамин Петрович интеллигентно промолчал по поводу «официанточки». Но, кивнув, прошел в зал в том направлении, куда показал охранник: не стал обижать парня. Снял пальто, повесил рядом на вешалку, и сел за столик. Подумал, что такая манера поведения официального лица могла бы быть расценена и как фамильярность. От кого-то другого, может быть. Но только не от этого простодушного увальня в костюме, сидевшем на нем, как на корове седло. И больше похожего на ребенка, чем на человека, который должен внушать уважение к порядку.

Вся в веснушках брюнеточка в белой распахнутой вверху блузке и черной облегающей юбке подошла к нему, едва он успел удобнее разместиться на широком с подлокотниками стуле. «Из рыжих, – мелькнула мысль, – Миленькая».

– Здравствуйте.

– Добрый день, – кивнул Вениамин Петрович.

Она положила на бардовую скатерть кожаную папку с оттиском «Меню» под логотипом ресторанчика.

– Пожалуйста.

– Спасибо, – ответил Пекарник, поймав ее взгляд.

Она опустила глаза, повернулась и отошла к барной стойке, оставив шлейф парфюма с явным табачным оттенком. Вениамин Петрович автоматом бросил взгляд на ее изящные ножки в простеньких на высоком каблуке туфельках. «Интересно, почему брюнетки в большинстве случаев предпочитают такие тяжелые яркие запахи?» Открыл меню. Полистал. Благо надписи, хоть и витиевато, но все же изображены достаточно крупным шрифтом, чтобы не доставать очки. Из-под ресниц посмотрел в сторону бара. «Мой куратор не выпускает меня из поля зрения». Улыбнулся и кивком головы подозвал девушку. Та быстро, постукивая каблочками, подошла.

– Слушаю вас, – в ее руках фирменные блокнотик и ручка застыли в ожидании.

«Как напряжена. Скорее всего, эта профессия еще не ее, – Вениамин Петрович улыбнулся, и лицо официантки на мгновение по-детски еле заметно искривилось, – Точно, – подумал, – видимо, улыбка моя была интерпретирована как насмешка... вот уж поистине – мир таков, каким мы его видим».

– Вы очень профессионально держитесь... Катя, – хотел сказать «девушка», но в последний момент рассмотрел в складках рюш на блузке небольшой бейдж с именем.

– Спасибо, – девушка недоверчиво, но все же улыбнулась.

– Нет, правда, я не шучу. Вы прекрасно себя подаете. Про-

фессионально. В вашем случае – это с уважением, но не подобострастно. Я бы назвал данную позицию искренностью.

Она даже, чувствовалось, расслабилась на секунду, но тут же на лице проскользнуло недоверие, а за ним – нетерпение.

– Да-да, Катя, понимаю... – он заглянул машинально в меню и сразу же вслед за этим с грустной улыбкой констатировал: «Вот оно... на всякого мудреца достаточно простоты», – Мне, пожалуйста, ravioli... на ваш вкус, – предупредил он ее вопрос, – пусть это будет сюрпризом для меня: я мало смыслю в них, – он посмотрел ей в глаза, медленно подняв голову, будто от ее воли зависело – поест он или нет.

– Все? Или еще что-то?

– Нет, не все. Если можно, я начну с чашечки кофе. Только, Катюша, я прошу, – он подчеркнул мимикой степень просьбы, – если можно, поскорее, пожалуйста.

Она снисходительно улыбнулась, предсказуемо отреагировав на его уловку. В ней проснулось природное кокетство, машинально изменившее тональность общения.

– Хорошо, я постараюсь, – алый «коготок» большого пальца красиво вписался в кожаное поле книги меню, чуть подернутое подобием золотистой патины. Девушка забрала ее, удалившись выполнять заказ. «Ну вот, зажим на некоторое время снят, – подумал Вениамин Петрович, провожая взглядом ее покачивающиеся бедра. Фраза из Библии – «не ведают, что творят», вдруг выплывшая из темноты бессознательного, как на заезженной виниловой пластинке, стала мозо-

лить ум, обозначая причину того, что должно явиться свету. Но темнота бессознательной сути никак не могла разродиться следствием, а потому сознание и стимулировало ее: пульсировало, зазывая продолжение.

Катя принесла кофе, улыбаясь ему, как старому знакомому.

– Спасибо, Катюша, – улыбнулся он в ответ. И эта более чем простая, фраза, как будто дала толчок к осмыслению происходившего в нем. «Наконец-то. Дошло». Дошло то, с чем должен был сцепить челнок жизни эту заезженную и всегда новую евангельскую фразу в его сознании. И ее результат – одну из ипостасей гордыни к тем, кто меньше из-за юных лет информирован об этой жизни. Все определилось. Появилось чувство удовлетворения. Единственное, что беспокоило сердце – это осмысление фразы Иисуса в связи с решением по Дарскому. А в итоге – почти бестолковый разговор, предстоявший с Руманом. «Но не состоится он только из-за форс-мажора, – подумал, – Не зря ведь Мишка столько готовился».

25.

Плавное течение вечера сменило быстрый и суматошный дневной его поток. Когда раздался звонок в дверь, Вениамин Петрович сидел, разглядывая разложенные в определенном порядке листки бумаги. Массивный – под зеленым сукном – письменный стол, купленный как-то у знакомых Ру-

мана, отъезжавших в землю обетованную, в кругу света настольной лампы казался еще массивнее, уходя в тень краями. Последнее время сознание профессора Пекарика захватили параллели между демоническими цепями Хаббарда с его basic basic, конструктивизмом Джорджа Келли с его ядерными конструктами и собственным видением бессознательного, представленного информационными банками памяти – синтетическими тонкими телами со своей сложной многорусной структурой. К таким параллелям он пришел через точку зрения древнейшей философской системы знаний, где физическое и шесть тонких тел являлись информационно-энергетическими отражениями семи планов бытия Вселенной. И материей в данной системе было все проявленное, то есть сотворенное, даже если оно оказывалось «невидимым» для органов чувств. Материю же в нашем понимании они называли веществом – твердью. Физическое и астральное тела на нижнем информационно-энергетическом уровне исполняли роли банков памяти, соответствующих их частотному диапазону, где онтогенетически, то есть в течение жизни накапливалась информация о боли, удовольствиях и связанных с ними эмоциях и чувствах. Однажды пришла догадка, что его содержимое, записанное на жидких кристаллах внутриклеточного коллоидного раствора для рационального уровня сознания недоступно уже потому, что находится за первичным его уровнем – подсознанием, или эфирным телом. Появилась досада на себя за то, что такие простые ве-

щи не мог понять раньше. «Ведь это – тот самый случай, – думал он, – когда мы постоянно помним, но не осознаем, что помним. Когда мы являемся заложниками памяти, не подвластной ни при каких условиях анализу интеллекта. Памяти, рефлекторно управляющей нейро-гуморальной регуляцией, вгоняющей нас периодически в состояния аффекта. И не важно, как она проявляется. Аффектом ли сразу – на сильный стимул? Или процессом фрустрации – на стимул слабый, но постоянно повторяющийся, собирающий по капле тихую ярость, чтобы однажды снести крышу ее обладателю». Сегодня мысли Вениамина Петровича, логически выстраивая догадки, глубже проникали в истоки явления. Все складывалось как нельзя лучше. Все приобретало четкость, невозможную без его собственной концепции. Она детализировалась все более. И от этого на сердце пребывала легкая, но такая эмоционально значимая, постепенно нарастающая радость – состояние, которое предшествует эйфории с ее кульминационным моментом. Вениамин Петрович вдруг осознал себя в этом процессе и то, что думает об этом. А еще то, что за этим последует, хочешь ты этого или нет: спад с обязательным противоположным состоянием в душе и теле.

Перед тем, как раздался звонок, открылась – будто со стороны – картина происходящего. Пришло понимание, что состояние это – не просто эйфорию предвосхищает. Оно формирует и ее силу, и значимость. И это – все та же идея жертвы. Память услужливо подсунула ассоциацию с тантриче-

ским сексом, где трансформация или трансмутация грубого состояния энергии полового акта в более тонкие осуществляется через смещение цели. Прорезалась догадка, что именно это смещение и формирует скачок эйфории – энергии эфирного тела в обход точки, заведующей актом эякуляции – семяизвержением, чтобы достижение великой цели просветления можно было осуществить за счет принесения в жертву второстепенной...

Звонок оборвал откровения. Пару секунд казалось, что сознание совершенно опустело, продемонстрировав тем самым иллюзию вечности. Вениамин Петрович вздохнул и пошел открывать.

На лице Румана сияла вызывающая ответную реакцию улыбка. И Пекарику, только что сожалевшему о невозможности медитировать на любимую тему, вдруг стало весело. Всколыхнулись чувства из прошлого. То ли ностальгия, то ли просто радость. А, может, и то, и другое вместе. Когда-то вот также улыбающийся Руман заходил за ним, и они шли куда-нибудь. Сначала играть в «войнушку», потом гонять мяч, а еще потом – на дискотеку – к девчонкам, нарочито пренебрежительно за глаза говоря «к бабам» и благоговей перед этими бабами, оставаясь один на один. А позже, когда «к бабам» обозначало – в университетскую общагу, в определенную комнату, к определенным девчонкам, все уже складывалось по-другому. Туда они шли уже мужчинами к своим женщинам. «Мишка, вон, со своей Розочкой так и

остался. Любовь!»

– Проходи, Миша, – почему-то вдруг вспомнилось, что Роза Аркадьевна Шапкина по метрикам оказалась Розой Ароновной Цимельман, удочеренной в младенчестве родной теткой – по мужу Шапкиной – после почти одновременной смерти родителей, – Ты что сияешь как медный пятак? Может, наследство откуда свалилось? От дальнего родственника из Израйля или из Штатов, – засмеялся Вениамин Петрович, заразившись настроением друга.

– Хорошо бы было. А, может, мне просто приятно видеть вас, профессор?

– Нет, мне, конечно, приятно, что вам приятно... – изобразил возмущение Вениамин Петрович, – но... не слишком ли вами, доцент Руман, извращена лесть?

– Разве это не аристократично? – встал в горделивую позу Руман, закрыв за собой дверь.

– Вполне. Но не интеллигентно. А, исходя, из того, что мы всего лишь интеллигенты, а не аристократы – делай выводы.

Михаил Моисеевич что-то, видимо, хотел возразить, но Вениамин Петрович перебил его, пригласив пройти в комнату.

– Вень, может, лучше на кухне? Чтоб не перекрикиваться, пока ты кофе будешь готовить, – возразил тот.

– Вот любишь ты, когда все по-твоему, – подхватил игривый тон Пекарик, – Только вот к кофе предложить нечего... в смысле положить... разве что налить? – он усмехнулся.

ся, взглянув на Румана: чем же тот будет крыть.

– Как говорят у нас в Одессе, профессор, так я так полагаю, что вы ждете, чтобы ваш старый друг отказался от угощения? – Руман был колоритен и очень правдоподобен, полностью завладев сознанием Пекарика, – Таки это не входит в мои планы, – добавил он.

Оба рассмеялись.

Выпив кофе и обновив содержимое рюмки Румана, Пекарик предложил перебраться за письменный стол.

– Бумаги-то ты, надеюсь, взял? – продолжил он все в том же тоне, – Кстати, ты не забыл, по какому поводу мы собрались?

– А что – это так важно? – попытался вторить ему Михаил Моисеевич. Но получилось это как-то искусственно, не весело.

– Важно, Миша. Потому что мне не все равно, кем я окажусь – Дарским, Мешковым или Раскиным. И сколько ты меня не убеждай, что генетически возможности у одного выше, чем у другого, мне на это глубоко наплевать, потому что я вообще-то никем из них не хочу становиться.

– Вот поэтому я и говорю, Веня – важно ли, по какому поводу мы собрались? Ведь последнее слово за тобой. Я считаю бестактным в этот процесс вмешиваться – у каждого свои симпатии и антипатии...

– Спасибо, Миша, за поддержку. Я в тебе никогда не сомневался.

– Кстати! Ты уже, наверное, и не помнишь... – заговорил Руман после паузы, – Год назад мы шли с тобой по коридору и обратили внимание на молодого человека. Ты еще сказал, что он очень похож на меня в юности...

– Почему же? Помню. Только не помню...

– Так это был Раскин, – перебил Михаил Моисеевич, – Один из тех, которые остались после твоего отсева. Вот, посмотри! – Руман как будто намекал, что хочет, независимо от результата, чтобы его новые наработки посмотрели. Пекарник понял.

– Ладно, Миш, давай, все-таки, просмотрю твои записи, хотя кроме как в глубоком резерве другие кандидатуры я и представить не могу. Вениамин Петрович взял протянутые ему листочки, заполненные кругами, квадратами и треугольниками с маркированными записями, выделенными толстыми и тонкими полосками разных цветов, и фотографиями, – Ого! Да тебя, если бы в правительстве узнали, уже шефом разведки назначили бы.

– Да ладно тебе, – Руман расплылся от удовольствия, – Мне так нельзя вести себя комплиментарно – я, видите ли, интеллигент. А ты, значит, аристократ?

Вениамин Петрович, молча улыбаясь, достал очки из кожаного футляра, надел их привычным движением, слегка отклонив голову, и отделил первый листок, остальные отложив на зеленое сукно стола. «Мешков Валентин Валентинович». На фотографии одутловатое крупное лицо. Когда по харак-

теристикам Румана он вслепую выбирал кандидатов, не ставился вопрос «кто это». Главное – потенция умственных способностей, то есть интеллектуальные возможности физиологического материала. «Да-а, я боюсь деградации, которая может наступить, если подвой окажется слабым звеном, потому что прекрасно осознаю, что за интеграцией грядет уравнивание системы. Ее гомеостаз, ее динамическое равновесие – это неизбежность. Гомеостаз и есть сама жизнь. Вот и боюсь данной неизбежности: и как ученый, и как человек. Не рассчитав досконально предполагаемой интеграции, интуитивно полагаю, что донорское тело, в которое я должен подселиться, должно максимально соответствовать моему физическому телу. В этом залог минимальной подстройки привоя и подвоя. А значит, и залог минимального стресса, который придется пережить не только двум верхним уровням сознания – прививаемым, но и примитивному – подвижаемому, – Пекарик вдруг увидел себя со стороны, – О чем я думаю? Я – профессор. Не последний в своих кругах человек, организовавший солидную практику, дающую прекрасные результаты в бизнес переговорах. Уважаемый... и аферист, пускающийся в сомнительное предприятие, результатов которого не могу просчитать даже на пятьдесят процентов. Это же бред сумасшедшего. А еще убийство... фактически. Какое я имею на это право... и зачем мне все это?» Глаза выхватывали из текста, помещенного в различных очертаний рамки, какие-то смысловые куски, не связанные, ка-

залось бы, конструктивно, но являющиеся слишком ярким материалом для чувств: «повышенная потливость», «угреватая кожа», «не опрятен», «открыт для общения». «Открыт для общения... – Вениамин Петрович перечитал фразу еще раз, – Ну, слава богу! Хотя что-то кроме умственных способностей есть положительного».

Аспекты характеристики Мешкова вытащили из памяти три старинных принципа существования физиологии – ветра, желчи и слизи. «Однозначно – слизь... флегма... флегматик. Фото?! – мелькнула догадка, которая просилась из бездны хранящегося в информационных банках памяти материала, – Точно!» В глазах Валентина Мешкова сквозила какая-то внутренняя, еле уловимая суетливость. Но не желчи. Не холерика. Ее-то и не заметил рациональный уровень сознания, но сразу же уловило подсознание. «Все, хватит с меня Мешкова», – Вениамин Петрович отложил листок.

Для проформы, взял следующий опус Румана. «Раскин Михаил Ефимович». Фотография показала совершенно не выдающиеся черты слегка бледного лица, немного волнистые волосы, светлую с сероватым оттенком кожу. «Точно. Мойша собственной персоной. Особенно здесь». Вениамин Петрович даже вспомнил момент, как Руман со своей Розочкой целовался в ЗАГСе, когда их объявили мужем и женой. Читая дальше, он даже не сразу сообразил, о ком читает. То ли о Румане, то ли о Раскине. Дошел до «немногословен, но ответы развернуты и очень хорошо аргументированы».

– Миш! Ну, Раскин – это ж твой типаж. Хотя, по сравнению с Мешковым, мне точно подошел бы лучше, – он рассмеялся, – Есть, правда, недостаток – всего лишь второй курс. С моими планами этот вариант менее увязывается, чем кандидатура Дарского.

Этот аргумент был значимым, с той точки зрения, что будущему Пекарику, надо будет зарабатывать себе на жизнь прежним способом, оставаясь физиогномистом, рекомендованным им же самим как бы перед смертью. А потому желательно быть на старшем курсе, чтобы более обоснованно выглядеть в глазах нанимателя, особенно на первых порах. Но привел он данный аргумент больше из-за мелкого подхалимства, чтобы показать Руману, что его еврейский мальчик ничуть не хуже любого другого. «Вот же оно... сидит во мне исподволь. Будто чувство вины какое-то, – от этих рассуждений сделалось как-то неприятно на душе, – Нет, ну не бред ли? Даже с другом детства... можно сказать самым близким человеком, и то оглядываюсь, – он перехватил взгляд Румана, сидевшего тихонько на диване и наблюдавшего за ним, – Эх, Миша, Миша... тебе этого не понять».

– Последний остался... – констатировал Вениамин Петрович, будто оправдываясь за то, что до сих пор молчал, – Дарский Александр Александрович. Дарский оказывался самой выгодной кандидатурой и вот еще почему. Единственный ребенок состоятельных родителей, работавших к тому же за границей – он обладал собственной квартирой. Раскин

жил с родителями. А Мешков – тот и вовсе в общезнании. «Дарский Александр Александрович». Каждое слово, схватываемое разумом в любом месте красочно представленной характеристики и собственные наблюдения – все соответствовало мужскому обаянию этого человека. И спортивное телосложение. И абсолютное отсутствие суетливости. И чувство вкуса в одежде и причёске. И ум, сквозивший в аргументации на экзаменах. Это делало его в глазах профессора Пекарика единственным кандидатом в доноры. «Ну как здесь обойтись без человеческого фактора. Может, Мешков и лучшая кандидатура с точки зрения возможностей ума, с точки зрения эволюционирования в рамках количества инкарнаций... но моя душа не приемлет его туловища. А это значит, что эксперимент может сорваться на стадии повышенных трудностей при адаптации. А что я знаю об этом? Могу только догадываться, полагаясь на интуицию». С каждым разом теплые чувства к Александру Дарскому все чаще приходили к Вениамину Петровичу с грустью. Симпатия все более трансформировалась в эмпатию. Он как бы ощущал себя Дарским, вникая в его виртуальные радости и горести. Или наоборот – видел в нем продолжение себя. Эти странные преобразования в нем не то, чтобы вызывали неприятное ощущение. Они просто вытягивали жилы, ввергая в новые нюансы чувствительности – такой мощности, что не мудрено было и свихнуться. У Пекарика даже промелькнула мысль – не зов ли это крови. Не пересекалась ли его линия жизни

с линией жизни матери Александра. Но он почему-то сразу же отверг эту догадку. Вернее, отвергла все та же интуиция. Хотя след ее, надолго остался в сердце, сублимировав кровное родство в духовное.

– Вень, ты где? – Руман, улыбаясь, пощелкал пальцами перед лицом друга, – Скажи что-нибудь.

– А что сказать, Миша? – Вениамин Петрович как-то странно посмотрел на него, – Ты же все знаешь сам. По условиям того, что нам необходимо будет сделать, у нас один единственный донор. И мы об этом знали с самого начала, без всех этих... экзерсисов. Понимаю: издержки академического образования.

– Да, Веня. Ты прав, – Михаил Моисеевич замолчал, – Ну, так что – на сегодня тогда все?

26.

Сняв верхнюю одежду в гардеробе, они вошли в зал. Их встретили и подвели к столику, с которого светловолосый официант, получивший уже молчаливое указание, убирал табличку, сообщавшую о брони.

Усаживаясь и наблюдая, как администратор, почти уткнув подбородок в бабочку, манипулирует стулом, помогая даме сесть, Дарский еще раз окинул взглядом зал. Дизайнерская мысль сотворила интерьер ресторана в монохроме. Превалировал белый цвет. Он везде: в отделке стен и потолков, в разлинованных черными полосками скатертях. Черный цвет,

где нужно, лишь контрастировал с белым, но только чтобы его подчеркнуть. Особенно обращали на себя внимание черные в венецианском стиле не то кресла, не то стулья с подлокотниками. Паритет был только на полу: длинные и узкие плитки, чередуясь, наподобие верхней части клавиш разбегались по обе стороны. И только на столах островками жизни расположились пирамидки красных салфеток. Видимо, чтобы сконцентрировать внимание на этой жизни, присутствовавшей на столах. А заодно и активизировать низший энергетический уровень клиентов – возбудить аппетит, надавив на чувственность по отношению к еде.

Людей в ресторане почти нет. Еще рано. В дальнем углу за одним из столиков обращали на себя внимание четверо молодых мужчин. Иногда оттуда раздавался хохот. В некоторой степени даже неприлично громкий.

Через какую-то минуту официант принес две папки в красной тисненой коже – меню. Лера долго пыталась его. Наконец, заказ был сделан: молодой человек ушел отдать заявку на готовку блюд. Но уже буквально через три минуты снова стоял у стола – откупоривал бутылку с шампанским. Налив бокалы, удалился, предварительно спросив – не нужно ли чего.

Когда они остались одни, Лера подняла бокал и, улыбнувшись вдруг загадочно, произнесла не совсем понятную для Дарского фразу. Но он даже не обратил на это внимания – слишком часто такое случалось. Тем более что ничего осо-

бенного в этом пассаже его сознание не уловило.

– Дарский, – торжественно произнесла Лера, – я хочу выпить за чудесные совпадения. И за нашу новую жизнь. А то, что она будет прекрасной, я не сомневаюсь нисколько. За нас!

Александр показалось, что в звоне бокалов прозвучало – аминь! Стало как-то неудобно от кощунственной мысли. «Да будет так!» – отозвалось звоном в душе. И снова вернулось ощущение пропасти между сегодняшним днем и датой наступления Нового года. Он не стал задаваться мыслями, о каких чудесных совпадениях заговорила Лера. И в какую такую новую и прекрасную жизнь она, нисколько не сомневаясь, собирает его утянуть. Но вдруг – вдруг ясно осознал, что не она – его женщина. Что это – таймаут для разъяренной тестостероном плоти. Ее зов – ненасытный в своей бессознательной, а потому животной сути – все перекраивал по-своему. Но с деталями выкристаллизовывалась надежда – все вернется на круги своя. «Даша – вот человек, который мне нужен», – мелькнула мысль. Он даже не сразу заметил, что сказал «человек», а не «женщина». Но постепенно осознание этого факта выплыло на сцену размышлений. Поначалу даже позабавило. Показалось – так произошло оттого, что подумал о ней по-прежнему. Как о существе, чья гендерная принадлежность не может привести к их близости. Но это же самое заставило и задуматься. Напомнило о Фрейде с его снами и оговорками. «Что бы это значило... эта оговорка?»

– Сашенька! Ты куда пропал? – Лера заметно повеселе-
ла. Она держала бокал наизготовку, пытаясь привлечь к себе
внимание, – Дарский, давай выпьем! И предупреждаю, – она
погрозила пальчиком, чуть прищурившись, – Будешь отсут-
ствовать – накажу.

Пришлось улыбнуться.

– Хорошо, Лерочка... только на минуточку отойду. И все
– больше отсутствовать не буду.

Он вышел в холл и почувствовал облегчение. Будто снял
с себя что-то тяжелое, что мешало дышать. Вдохнул полной
грудью.

Когда вернулся в зал, увидел сидевшего боком к их столу
человека. Они с Лерой о чем-то импульсивно – было видно
по напряженности в движениях – беседовали. Лера при этом
натянута улыбалась. О чем они говорили, издали понять бы-
ло невозможно. Но то, что эти двое давно знакомы, и не про-
сто знакомы, догадался бы даже ребенок. «Это же лысый тип
из того угла», – в груди что-то неприятно перемкнуло, меняя
фон настроения. Кого-то он напоминал. Кого-то, связанно-
го с усиленно игнорируемым памятью прошлым. «Что ему,
интересно, надо? И откуда его знает Лера?» Даже сомнений
не возникло о том, что знает. «Не об этих ли чудесных сов-
падениях она говорила?»

Когда Дарский подошел, Лысый, как бы нехотя, поднялся.
Косая сажень в плечах: даже под пиджаком просматривалась
атлетическая фигура. Александра как молнией шархнуло –

порция адреналина загустила кровь. «Живой Шварц! Только лет на пятнадцать старше. Если бы не знал, что он загнулся, подумал бы...»

– В чем дело? – он посмотрел сначала в неприятные, бессмысленные, как у рыб, глаза Лысого, тактично промолчавшего – мол, разбирайтесь сами. Перевел взгляд на Валерию. Она, как бы очнувшись от внутренней работы мысли, тихо и поначалу даже с хрипотцой в голосе, заговорила. Чувствовалось, что ей тяжело достается самообладание. Но, тем не менее, она с присущим ей всегда достоинством отреагировала спокойно.

– Саша! Познакомься. Это мой старинный знакомый... Паук. В миру – Вадим Павуковский, – она чуть раскованней, чем это было бы прилично, рассмеялась своей шутке, – Вадим, это Саша. Мой нынешний бойфренд. Студент. Психолог.

Кисть Лысого, чуть дернувшись, видимо, для рукопожатия, на какое-то мгновение замерла. Но затем, естественно, приподняв большим пальцем полу пиджака, легла в карман хорошо лежавших на ногах брюк.

«Нынешний...» Последняя фраза царапнула по самолюбию. Дарский почувствовал себя маленьким и ничтожным. Он – очередная временная забава божества. Очередной фаворит королевы. Купленная вещь, о которой говорят только для того, чтобы сообщить о праве собственности на нее. Мысли, опережая друг друга, пронеслись в сознании, отра-

жаясь пульсацией в висках. «Его представила полным именем. И даже с кличкой, чтобы подчеркнуть социальный статус. А я – никто? Слава богу, что хоть не Сашенькой представили. А что, если Лера просто не хотела знакомить меня с этим троглодитом? Поэтому и обошлась простым – boyfriend. Дабы прочертить границу между собой и им. А его представила максимально информативно, чтобы я знал, с кем имею дело и был начеку». Мысль понравилась. Но полной ясности в картину момента не внесла.

– Чем вы занимаетесь, Саша? – если бы Паук обратился на «ты», обращение можно было бы расценить как фамильярность – тон соответствовал. Но «вы» придавало светскости, – Насколько я понимаю, на стипендию в такие рестораны не ходят.

Недлинная пауза, возникшая, пока в сознании Александра шла работа, придала весомость фразе, спонтанно сорвавшейся с языка:

– Тай цзи цюань.

Дарский сразу понял нелепость того, что сказал, но дороги назад не было. Появилась легкая бесшабашность в душе. «Вот они – издержки алкоголя... ну, да – сморозил глупость – заявил, что этим зарабатывает».

– Что-то я о тебе никогда не слышал... – голос отвратительный, сипатый. Он как-то даже подходил хозяину. В нем чувствовался вызов. А еще вызов сквозил в серьезном и одновременно насмешливом взгляде, который Александр до-

статочно свободно, не проронив ни слова, выдержал.

– Спасибо, Вадим, что не забываешь, – Лера прекратила их молчаливый поединок, – Очень рада была тебя видеть.

– Ну, ладно, – обронил Паук, – Увидимся еще.

Дарский заметил по первой, почти незаметной реакции, что тому не по душе пришлась отмашка Валерии. Однако он проглотил ее.

– Ты галантен, Вадим!?! Исправляешься, – засмеялась она.

– Честь имею, – кивнул Лысый, слегка изобразив выход в стойку «смирно». Он ухмыльнулся и удалился.

Кривая улыбка, подаренная Валерии, как ответ на похвалу, и «честь имею», совершенно не вязавшееся с тем, кто эту фразу произносил, принесли дополнительное ощущение неприязни к новому знакомому. Складывалось впечатление, будто испачкался обо что-то. Вспомнив о взаимосвязи физиологии и психики в человеке, Александр натянул на лицо улыбку, чтобы через физиогномику изменить внутреннее состояние. И через несколько минут, постепенно наполняясь радостью нехитрого бытия, уже слушал пустое чириканье Леры. Правда, кое-что она сказала и по существу. Лжешварц, то есть Вадим – оказалось – бывший офицер, застреливший по неосторожности человека и несколько лет топтавший, как она выразилась, зону. Как ни странно, Лерино словоблудие его сейчас не раздражало. Может, потому, что коньяк, который он себе заказал, в какой-то степени уравнивал их интеллект. А, может, простое бытие и было залогом этой

тихой и спокойной радости.

– А что такое «тай тзи циань»? – вдруг вспомнила она, пытаясь воспроизвести слова и смеясь при этом, – Колись, Дарский, чем ты так Паука в ступор вогнал?

– Не тай тзи циань, а тай цзи цюань, – Дарский почувствовал, что язык его начинает спотыкаться, – Это – ушу, – не стал он вдаваться в подробности, – один из видов восточных единоборий.

– Ты владеешь ушу? – нетрезво удивилась она.

– Да нет. Ходил когда-то в юности года три после того, как меня крепко обидели. Но понял – это не мое.

– А зачем тогда Пауку сказал? – Лера стала серьезней. Даже чуть трезвее.

– А! Так себе. Есть такое мудрое восточное выражение... – Александр сделал паузу, глядя ей в глаза и наслаждаясь моментом повышенного внимания.

– Саша, давай без театральных жестов, – обиженно сказала Лера, – Некрасиво над женщиной издеваться.

– Ладно. Не буду, – повинулся Саша, – Слушай! Если силен, показывай, что слаб. А если слаб, покажи, что силен. И в одном, и в другом случае выиграешь... – он вздохнул, – Вопрос, конечно, философский. Понятно, что нет правил без исключений.

– Дарский, заканчивай гнать свою пургу. Лучше скажи еще раз это слово.

Лера несколько раз, смеясь, повторила «тай цзи цюань»,

пока ее что-то не отвлекло.

Ресторанный вечер прошел, как водится, быстро и незатейливо. Можно даже сказать – весело. Просуществовав, таким образом, почти до двенадцати, они вызвали такси и отправились домой. Еще в машине напавшее вдруг на обоих желание, выразившееся страстными поцелуями, реализовываться начало, чуть ли не от лифта. И реализовалось уже в прихожей. Импровизированно. Так, как того захотела Лера. В коленно-локтевой композиции.

Около часа ночи они спали без задних ног. Изменяли иногда позы, соответственно возникающим в их организмах причинам. Пересекались в этом броуновском движении тел, то слипаясь, то отталкиваясь друг от друга. Но даже во сне, когда их сердца бессмысленно отсчитывали собой, подобно вселенскому метроному, секунды вечности, они все же двигались и двигались вперед в пределах отведенного судьбой времени.

Двадцать первое ноября кануло в лету.

Когда засыпал и входил в промежуточную зону, перемещаясь сознанием в иной частотный диапазон существования, Дарский спонтанно вернулся к мыслям о числе. Отметил, что уже, наверное, не двадцать первое, а двадцать второе. Показалось даже, что оно какое-то живое, обладающее своей собственной сутью – что-то похожее на личность в социуме. «Что ждет меня? – сложилась странная фраза. Будто он хотел узнать у двадцать второго ноября – что ему пред-

начертано, – Хм, спросил как у человека...» Мышцы лица отреагировали улыбкой. Пришло восприятие не то гротеска – с его усиливающим эффектом, не то просто абсурда – с невозможностью логической интеграции возникших противопоставлений. Но «двадцать второе» оказалось таким живым. Одушевленным. Стало весело. Проваливаясь в темноту, он широко, по-детски, опять улыбнулся: «Спокойной ночи, Двадцать Второе...» Последнее озарение сознания – ощущение, что кто-то за ним наблюдает, трансформировалось сначала в нереализованную религиозность – во что-то величественное в своей вечной и непреходящей заботе. Но в последний момент, с последним же битом информации промежуточной зоны, возник тщательно забытый Шварц в костюме лыжника с большим белым трафаретом на груди. Он улыбался. Будто в ответ на улыбку, посланную Двадцать Второму. Потом покачал головой, отрицая что-то, и прошептал: «Нет! Не двадцать два. Пятнадцать». После чего номер на трафарете, только что нечитаемый, стал четким черным числом «15».

27.

Двадцать второго – утром он проснулся от смешанного желания. Несколько секунд, пока восстанавливалось сознание, склонялся к тому, чтобы поцелуями разбудить Леру. Но как только сознание победило, Александр соскользнул с кровати и поспешил в сторону санузла. А когда вернулся и при-

поднял край одеяла, сознание снова ушло в транс. И он, как жаждающий к источнику, прильнул к Валерии и стал целовать ее. А она сразу откликнулась. Сладко потянувшись, даже назвала Сашенькой. Но потом, смеясь, оттолкнула.

– Дарский, а ты заслужил секс? – Лера поднялась, демонстративно накинула халатик, но не запахнула его, – А где кофе в постель? Где цветы даме? – снова засмеялась она.

– Лера?!

– Ну, что, Лера? – отмахнулась она, – Сходить-то я в туалет могу?

Это прозвучало неуклюже. Бестактно. Желание не то, чтобы ушло – оно скукожилось, но продолжало безобразно требовать своего. «Стерва!» – стало пульсировать в опустошенной от унижения голове Александра. Лера ушла, оставив его в напряженном состоянии: плоть не желала успокаиваться. До ее бестолковости еще не дошел сигнал «отбой», посылаемый обиженным мозгом.

Послышался характерный звук сливавшейся из бачка воды. «Вот стерва! – снова прокомментировало сознание, подготавливаясь к новой порции унижения, – Может, и, вправду, кофе?»

Мысль запоздала: Лера вернулась, и, посмотрев на него, то ли улыбнулась, то ли усмехнулась:

– Мальчик зыбале-ел. Сейчас мы Сашеньку пале-ечим, – она сбросила халатик и юркнула под одеяло.

Не успев так быстро перестроиться, Дарский снова ощу-

тил унижение. Казалось, еще вчера «такого отношения к себе не позволил бы ни одной мокрошелке». А сегодня – на тебе – все терпит, лишь бы разрядиться от раздувающего плоть невыносимого давления крови, которая вот-вот начнет сочиться сквозь кожу...

Он не только варил кофе, пока Лера намывалась, но готовил и завтрак – яичницу с беконом. Подсознание, получив короткий отдых, бездумно напевало, трансформируя свое ликование, почему-то, в мелодию основной темы «Лебединого озера»: «Та-а... та-та-та-та...та-а... та...та-а... та...та-а...»

Во время завтрака Лера была задумчива. Она что-то осмысливала. Но старого воробья на мякине не проведешь. Дарский уже раскусил этот ее приемчик: так она привлекала к себе внимание. Взращивала в нем любопытство. Навязывала свою игру. На уровне инстинкта осознавала – когда человек созрел до вопроса, ответ ему жизненно необходим. «А вот черта с два тебе», – Александр намазал булку маслом и молча стал ее уничтожать, методично двигая челюстями.

Через несколько минут, не выдержав, Лера сдалась:

– Дарский, ты чего такой толстокожий? Девушка томиться, переживает, а он даже не обращает на нее внимания. Не спросит – может, у нее болит что.

– Лер, да знаю я. Не болит у тебя ничего. Давай, выкладывай, что надумала.

– Псих-холог... – возмутилась уличенная Лера, – А что? –

стала она ерничать, – Точно. Будешь обзывать у меня Психологом, – она расхохоталась. Так ей стало весело. Держа в руке чашечку с кофе, встала из-за стола, и пошла из кухни, – Эй, Психолог... – обернулась, – Помой мою тарелку. Все равно тебе ждать, пока я буду собираться.

Дарский машинально уже собирался ответить на грубость, но не стал опускаться. Беззлобно подумал: «Достанет окончательно – выгоню на фиг».

– Хорошо, дорогая. А мы разве куда-нибудь собирались?

– Да-арский?! Ты меня без ножа режешь. В пенсионеры хочешь определить? Даже не думай... – чувствовалось – ей снова хочется мстить, – А-а, – протянула она, будто до нее что-то дошло, – хочешь рабыню сексуальную из меня сделать? – Александр промолчал, как не раз уже делал последние дни, – Ну, чего ты молчишь? – Лера подошла и беспардонно уселась ему на колени. Обняла за шею и стала голосом изображать маленького ребенка, – Сашенька, неужели ты никуда не сводишь свою девочку? Ну, Сашенька! Ну!

Сашенька, как уже повелось, сразу расслабился, заулыбался стеснительно и сдался без боя. «Тенденция, однако, – вспомнил он вдруг анекдот о глупом оленеведе и падающих в пропасть один за одним оленей, – Лох лохом ты, Сашенька», – заключил, усмехнувшись, когда довольная Лера пошла собираться, а он остался мыть посуду. Эта последняя мысль, невольно проявившись пару дней назад, периодически всплывала в сознании и начинала тяготить. И не столько

своим обидным смыслом, сколько ускоряющейся периодичностью, с которой возникала. Что было в ее основе, он еще не совсем понимал. То ли это свойство психики – во всем и все чаще видеть раздражители, обратившие на себя внимание? То ли раздражители и в самом деле разрастались невероятно быстро? Но вопрос уже возник в сознании. И закипела внутренняя работа. Анализ. Сначала осознанно. А затем автоматически. Как будто некий внутренний радар или сканер постоянно контролировал возникновение внешних раздражителей и ответов психики на них. Когда он обращал внимание на совершавшийся процесс, в подсознании будто возникала невидимая матрица, где все соотносилось со всем. Там, казалось, не существовало никаких рациональных данных, но, тем не менее, откуда-то возникало понимание этого соотношения. И достаточно четкое, чтобы можно было делать выбор – насколько приемлемо то или иное решение. Особенно если это касалось компромиссов.

Поползновение Дарского – ехать на «бэхе» Лера отвергла. Заказали такси. И уже через каких-то полчаса оказались в центре. Машина остановилась у одного из старых зданий: послевоенного – дохрущовского периода, с высоким первым этажом, отделанным нешлифованным гранитом. Здесь обосновалось несколько дорогих бутиков, в один из которых Лера и притащила Александра: ей «ну очень нужны» были французские перчатки, цвета бордо с чуть удлиненными обшлагами – «и совсем даже не дорого – всего лишь один

лист», то есть сто баксов. На все аргументы, что сейчас у них нет денег, Лера смотрела примерно с высоты визитной карточки Парижа – Эйфелевой башни. Уж если она решила, то французские перчатки, о необходимости которых, Дарский «со своим местечковым сознанием», не имел никакого представления, по любому у нее будут. Александр потихоньку начинал понимать нехитрую и, пожалуй, даже не совсем обдуманную тактику Леры. Как всегда жестко начиная игру, она создавала контраст – между собой плохой и собой хорошей. Той, которая стервозна до неприличия, и той, что приходила следом за ней. Которую – хоть к ране прикладывай – такая она чудесная. Ну, да. Начинать понимать. Ну, и что? Это что-то меняло? Он метался между этими двумя иллюзиями. Возжигал злость, как свечу в храме, когда этого требовала жрица телесного огня. А через какое-то время умилялся ее детской ангелоподобностью, чтобы потом, интегрировав эти две ипостаси, получить идеальную женщину, обладавшую огромной пассивной силой. И эта сила – черная дыра в полярных человеческих взаимоотношениях, верша судьбу Александра Дарского, готовила какую-то для нее развязку. И хотя подобное понимание уже вызревало в глубинах интуиции, и хотя уже пыталось прорваться в освещенные сознанием пределы, выход его на сцену жизни, обусловленную небесным сценарием, пока откладывался.

Перчатки они, конечно же, купили. Не была бы Лера Лерой. И в ресторан вчерашний заглянули – «перекусить». В

итоге у Дарского – учитывая и потраченное вчера – осталось только полсуммы, одолженной у Николая Ивановича. Интересы выживания уже начинали заявлять о себе. Он прекрасно понимал, что Лера обсосет его и выплюнет. Что она и эгоизм – синонимы. А понимание эгоизма для нее возникает, по всей вероятности, только тогда, когда она чего-то недополучает от тех, с кем спит. Когда в первый раз он заикнулся, что «на это сейчас нет денег», Лера, не задумываясь ни на секунду, без всякой паузы, чуть насмешливо спросила: «А, ты что, не мужчина?» Она сразу дала понять, чего стоит ожидать в случае категорического отказа. Вот тогда Александр и понял, что длительных отношений не получится. Что Лера – из тех, кто, как в анекдоте, может сделать мужчину миллионером только из миллиардера.

В вестибюле ресторана – у гардероба они снова встретили Лысого с той же самой компанией. Подходя, он широко, и казалось искренне, улыбнулся. Даже протянул руку Дарскому.

– Братан! – положив – на удивление безжизненно – свою ладонь ему в руку, и заискивающе заглядывая в глаза, отвратительно прогнусавил Лысый, – Ты не против, если я сестренку на пару слов умыкну? Перетереть кое-что надо. Тет-а-тет.

«Вот это бывший офицер? Что-то тут не то», – Дарский слегка приподнял брови и плечи, показав кивком на Леру. То ли «надо – так надо», то ли «как сама пожелает». Но, в

общем-то, от ответа ушел.

– Павуковский, о-ё-ёй! Ну чо те? Тет-а-тет... надо же? – передразнила она Лысого как девочка-тинэйджер, произнося «тет-а-тет» со звуком «е».

– Лерок, ну чо ты все обидеть норовишь? – расплылся в улыбке Паук, – Послушай, есть у меня мыслишка...

Дальше Александр уже не расслышал, потому что Павуковский взял Леру под руку, и они отошли в сторону.

Весь оставшийся вечер Лера изображала задумчивость. Она глупо непонимающе улыбалась Дарскому, когда тот ее о чем-то конкретном спрашивал. Будто бы с трудом отрывалась от того, что полностью завладело ее сознанием, и от чего она не видела и не слышала всего ее окружавшего. Когда лимит терпения, наконец, был исчерпан, начала нервничать. Искоса поглядывала на толстошкурого изверга, до которого никак не доходило, что давно пора спросить, почему она молчит.

«Интересно, о чем они там болтали?» – Дарскому очень хотелось узнать. Но ему нравилось наблюдать за Валерией. Смешно и умилительно было смотреть, как самозабвенно она играла однажды заученную роль. Понимал, что передерживает ситуацию. Прекрасно осознавал и то, что Лера мучается – ждет, когда ей зададут желанный вопрос. Но молчал. «Вот оно – вечное противостояние, – думал, – вечная борьба противоположностей. А что в итоге? – он вздохнул, будто

сбрасывая с себя это невидимое бремя, – В итоге – либо интеграция, нейтрализующая полярности, либо временная победа одной из сторон, где эта самая победа и есть поражение, если копнуть чуть глубже. Сволочь я все же. Садюга».

Уже дома в какой-то момент Александр почувствовал – дальше игра может перейти в стадию холодной войны, совершенно ненужной, после которой надо заканчивать отношения, чтобы не потерять лицо. А этого пока не хотелось. И пусть не хотелось больше телу, чем душе, но все же решил – не стоит форсировать события. Да и любопытно – что же будет?

– Ты какая-то задумчивая, моя дорогая... даже грустная... – Александр придал голосу участие, – Ты не заболела?

Было видно – Лера испытала облегчение. Или даже радость. У нее и щеки порозовели. И глазки загорелись. Она победила. Ее приемчик снова сработал. И пусть не сразу. Но сработал же. Она напонила ему ребенка, у которого уже сияет улыбка в непросохших еще от слез глазах. И ему стало жаль ее. И стыдно за себя. За то, что отнесся к этому пусть и хитрому, но достаточно примитивно мыслящему существу, чуть ли не как к достойному противнику.

– Наконец-то, – сделала нарочито недовольный вид она, – Я тут думаю за двоих – как выбраться из безденежья, а ему – хоть бы хны, – Лера замолчала, ожидая правильной реакции.

– Не понял!? – Дарский искренне поразился. Даже голос повысил от удивления, потому что ожидал очередной – ка-

кой угодно – претензии на обладание чем-либо. Но такое представить... – А можно поконкретнее? А то получается – без меня меня женили... – в голосе его прозвучал сарказм, – Это не то ли, о чем ты шепталась со своим Вадиком в ресторане?

– Да-арский! Кончай ревновать. Какой он, к черту, мой? Мы не шептались. Мы разговаривали. Он просто спросил меня, играешь ли ты в покер?

– Ха! – окончательно возмутился Александр, – А у меня он не мог спросить?

– Дарский! – почти выкрикнула Лера, – Кончай наезжать на меня! Ну, откуда я знаю, почему он сделал так, а не эдак?

– Ладно, ладно, ладно, – обрезал он то ли ее, то ли самого себя, почувствовав, что, если продолжать в том же духе, недалеко и до истерики, – Все... успокоились.

Пришла вдруг мысль, что это полнейший развод. Что Лера с Пауком в сговоре. «А может это вообще банда одна? Шушукуются. А с другой стороны, зачем тогда светиться? Не-ет... скорее всего – господин случай».

– А что? Паук и раньше, когда вы вместе были, играл? – машинально спросил он.

– А кто тебе сказал, что мы были вместе? – Лера четко держала оборону, даже разозлилась, как будто по-настоящему.

– И чем же я тебя так насмешил? – опешил Дарский, понимая внутренне, что загнал противника в угол, а посему

сейчас тот его грызнет.

– Уморил ты меня, Сашенька. Тебе? Коню?.. Ой, не могу, – она снова рассмеялась, – Был ты, Сашенька, Психологом. Стал ты, Сашенька, Конем.

Видимо, гримаса Дарского была великолепна, потому что Лера никак не могла успокоиться. Что-то истерическое проглядывало сквозь нарочитость того, что усердно обыгрывалось. Какая-то ненормальность.

– Все, дорогая... в таком тоне я с тобой больше общаться... не намерен. Заканчивай. Я... все... понял.

– Сашенька! – воскликнула перепугано Лера, – Прости, прости, прости. Я же шутила.

Он не ответил. Повернулся и ушел на кухню. Машинально налил в чайник воды и поставил на плиту. Зажег газ. Чайник почти сразу заговорил: то ли жаловался, то ли радовался, что его реанимировали. Удивительно, но Лера за ним, почему-то, не пошла. «А по сложившемуся сценарию – должна бы. Видимо, и вправду испугалась, что перегнула палку. Пережидает момент. Или надеется, что все примитивно рассосется само по себе – под одеялом? А, может, обдумывает какую-нибудь очередную глупость? Это в ее натуре. Она быстро приходит в себя. Это же Лера».

Все примитивненько рассосалось само по себе – под одеялом. Лера как напроказившая кошка, мурлыча, стала тереться о кормящее тело, требуя, чтобы ее ласкали: гладили и говорили, какая она хорошая.

После ухода товарища, Вениамин Петрович решил ложиться. Мысль – поработать еще над «ядерными конструктами», вопреки всему структурировать их и окрестить в собственной теории более простым термином – сначала увлекла профессора. Но почти сразу затерялась, изгнанная впечатлениями вечера. Он расстелился и лег. Снова все размышления свелись к тому, что волновало больше всего – к эксперименту. Сознание стало муссировать кандидатуры, постоянно срываясь в спонтанность. Пекарик ловил себя на этом. Возвращал мысль в лоно медитации. Но все повторялось. Интересы ученого, которые представляла корпоративная мораль, спорили с настойчиво прорывавшимися в сознание призывами всеобъемлющей совести. И медитативное мышление не выдержало конкуренции со спонтанным. Сегодняшний вечер не явился исключением. Опять столкнулись интересы морали и совести. Они, будто два человека – каждый из которых считал, что он прав – пытались отстоять свою сторону. И Пекарик, раздваиваясь, принимал условия внутреннего диалога – выслушивал то одну сторону, то другую. Мораль, представлявшая научный интерес, готова была героически принести в жертву ради науки все и вся. Возмущенно оппонировала совести, приводя аргументы, которые ей казались неопровержимыми. «Ну и что? – вибрировала она, щекоча нервы, – Подумаешь?! Ты же и себя не щадишь. Ты то-

же рискуешь – тоже можешь умереть». Тихо, почти неслышно, отдаваясь в солнечном сплетении сосущей пустотой, приводила свои доводы совесть: «Он же еще совсем мальчик. Неужели же ты убьешь его? Ты-то пожил как-никак. А он? И лжешь ты все: ты ведь только можешь умереть. А он? Он однозначно умрет. Да и, в конце концов, ты-то сам выбираешь свой путь. А он – жертвенный агнец». Вениамин Петрович почувствовал фальшь. Получалось неестественно. Вроде и совести голос, но какой-то не совестливый: ругая, не противостоял – журил по-матерински. Как бы говорил: «Нельзя, сынок, крылья бабочке обрывать – умрет бабочка». Пришедшая мысль поразила своей простотой. «А ведь и правда, – подумал, – под личиной мальчика, обрывающего насекомому крылья, может оказаться и будущий ученый – исследователь, и садист. Или еще того хуже – маньяк-убийца... – его вдруг осенило, – А, может, и то, и другое вместе?» «Ну и что? Что из того? – вспомнила мораль озарение о Высших Сферах, – Зато получен будет урок в рамках инкарнации. И вообще: Жалко Дарского? Возьми Мешкова. Его ведь тебе не жалко. Он же тебе не нравится. Здесь можно и к человечности не взывать. Все в интересах науки – ничего личного. И деток еще нарожаете с какой-нибудь кобылицей типа самого Мешкова». Пекаррика передернуло. Он представил нескладную огромного роста девицу неопрятного вида с бледной маслянистой, покрытой угрями кожей. Подстать Мешкову. Фантазия даже предоставила ему фантом запаха.

«Ну уж нет... – все потревожил Господа Вениамин Петрович, – Ни за что. Даже самая великая цель не вдохновит меня на такой подвиг».

Мысль о женщине – матери детей – через челнок сознания протащила целый каскад подобных, увлекая фантазию к творческому переосмыслению памяти. Причинно-следственный механизм в нелинейной системе «Пекарик Вениамин Петрович», сработав в пограничном состоянии непонятным образом, вдруг озарил ее странным открытием: «Вот оно что, – радовался он по-детски, – вот почему люди так дорожат своим потомством... почему так заботятся о нем... почему, так часто пренебрегая духовным родством, оставляют наследство детям или племянникам, даже иногда ненавидя их. Как все просто! Оказывается, интуитивно понимают, что это все для собственного будущего благополучия». На какое-то мгновение он даже опешил. Пришли сомнения. «Не слишком ли просто? Неужели же генотип играет такую роль? И мне... проще по все тем же законам причинно-следственного механизма инкарнироваться в своем роду? То есть, закон кармы заставляет меня подспудно блюсти благополучие рода? Шикарно!» Удивление, разрастаясь, все больше заполняло сознание. «Вот она – бытовая философия, привнесённая в нас религиозными устоями. И что? Это не церемониальная магия, по образу и подобию которой мы строим свою жизнь?»

И профессора понесло расширяющимся потоком созна-

ния к таким откровениям, которых он долго, но тщетно ждал. Стали приходить образы предков. И тех, кого он знал, и тех, о ком мог только догадываться. Замелькали незнакомые, и в то же время знакомые лица. Понимал ли он, что это его предки? Понимал. Понимал к тому же и то, что они, как и он о них, знают о нем. «Бред какой-то! – Пекарик стал приходить в себя, еще не совсем очнувшись от транса, – Но я бы, наверное, никогда не пришел к таким выводам, не сравнив физические тела Мешкова и Дарского. Вот она – правда жизни... ее университеты. Но правда ли? – вздохнул, – Что это было: транс или игры сонного разума?» Какое-то неудовольствие шевельнулось в груди. Пришли мысли о почти инцестном, вырожденческом соитии в небольших человеческих анклавах, представленных маленькими деревеньками, и особенно хуторами, далеко отстоящими друг от друга, царскими и королевскими родами, ограниченными небольшим количеством дворов, кланами. «Конечно, все это дает возможность уютно устроиться в очередной инкарнации, – думал он, – Но это же приводит и к лености души, к замедлению ее развития... а значит, к потерям физиологических качеств в поколениях...» Вениамин Петрович снова задумался. Ворвавшийся в сознание образ ввел его в шок глубиной сострадания и какого-то страшного животного ощущения. И он снова впал в транс. Как будто сверху увидел женщину, распластанную в грязи. Избитую и изнасилованную. Потом вторую. Третью. Он плавно поднимался над землей, заваленной

тысячами, миллионами корчащихся от боли и обиды полураздетых женских тел, перепачканных почвой, испражнениями и фекалиями. Физически почувствовал время, наполнившее его картинами войн и набегов, которыми изобиловала история человечества. Усилилась притягательность черноты в подвалах души. Запредельный грех, сидевший глубоко в бездне бессознательного, обнажил растущее чувство вины. «Сострадание и ощущение содеянного греха? Как будто я – и палач, и жертва в одном лице. Вот она – справедливость целого, творимая из несправедливости его частей. Но какая разница этой несчастной женщине, во чреве которой зарождается новая жизнь? Какое ей дело до того, что Вселенная в лице земной природы печется о здоровье человечества больше, чем о ее собственном?» Из-под пупка в желудок просочился забытый уже детский страх. «Моя сущность – моя бессмертная часть души может не прижиться в новом теле, а личность, если все же прищеп и пройдет успешно, начнет трансформироваться, интегрируя во мне крайности бытия...» Страх туловища оказался настолько реальным в своей животности, что о смерти Дарского Пекарик даже не вспомнил. «В конце концов, случится это или нет, зависит от меня... – подумал и засомневался, но настоял на своем, – Как захочу, так и будет». Откуда-то вывернувшись, в канву потока сознания вплелась мысль, что он чувствует себя, как первый в мире космонавт, которому уже завтра предстоит войти в историю, и который понимает, что истории все рав-

но – в каком качестве это произойдет.

«Как захочу, так и будет, – передразнил внутри чей-то от-
вратительный, издевавшийся над ним голос, – А вот Дарский
и не захочет, а отправится с тобой в этот полет... ублажать
твои амбиции. Только в качестве скафандра... костюмчика,
то есть... так-то, профессор. Вот тебе и твоя мораль – то, что
в данный момент устраивает голодного тигра, вряд ли устро-
ит бедную антилопу. Извини, дорогой – правда жизни».

Странные оппоненты в Пекарике еще какое-то время про-
должали спонтанный диалог – угощали друг друга виртуаль-
ными пощечинами. Но все более и более вяло. Наконец, пе-
ред мысленным взором замелькали сменявшие друг друга
картинки космодрома и – похоже – напичканные всевозмож-
ной аппаратурой отсеки звездолета. А через несколько мгно-
вений огромный межгалактический корабль с не совсем по-
нятным названием «Мешков», удаляясь от Земли, направил-
ся к созвездию Ориона. Уплывая, планета медленно и муль-
тяшно меняла размеры и виды. Стала сначала арбузом. За-
тем яблоком. Потом абрикосом. Вишенкой. Горошинкой. И,
наконец, исчезла.

29.

Проснувшись, но еще не открыв глаза, Вениамин Петро-
вич увидел картину мироздания. Звездное, беспредельное
пространство поразило своей бесконечностью. «Простран-
ственно-временной континуум Вселенной», – мысль стала

пульсировать, подготавливая какую-то информацию, которой вот-вот наступит время выйти из тени кулис на освещенную сцену сознания. Последнее время так было. Какая-нибудь фраза или слово, иногда совсем, казалось бы, глупые, вызывали пульсацию в висках. Когда это случилось впервые, профессор даже начал нервничать: казалось, что-то в организме нарушено, что-то не так функционирует – это уводило на осмысление происходившего. А позже заметил, что в это же самое время он может продолжать думать о другом – о том, что считал необходимым и чем занимался до того. Тогда же и перестал обращать внимание на эту неувязочку, названную интуицией, «временным расстройством психического здоровья». Но однажды в сознании произошла вспышка озарения. И пульсирующие фразы или отдельные слова, возникающие в нем, казалось бы, ни с чем не связанные, он классифицировал как «звенья дихотомического принципа развертывания пространственно-временного континуума в нелинейных системах». Это произошло при изучении работ Георгия Гурджиева. В одной из них промелькнуло понятие центров сознания. Наконец, работа «всей жизни» привела профессора Пекарика от теории к структурному пониманию ее практического применения. А конкретно – «к обоснованию функционирования третьего уровня сознания» – чисто человеческого. Если первые два – эмпирический и рациональный были присущи и высшим животным – давали возможность постижения среды обитания через чувство и

мышление, то третий – выводил пространственно-временной континуум человека на трансцендентную связь с ней. Наступило время, когда профессор Пекарник, наконец, понял, что психологическая наука – в нынешнем ее виде – никогда не даст ему ответов на все интересующие его вопросы. Мифология, герметизм и космология, физика до Эйнштейна и после, химия и антропология, биология и генетика в частности, оккультизм – все стало живо его интересоваться. Информация, поступая поочередно, меняла взгляды: иногда в совершенно противоположную сторону по отношению к ныне существовавшим в научном мире. Тогда парадигма восприятия человеческого существа психологической наукой начинала давать сбой и доставлять огромное неудобство. Почти физически терялась точка опоры, вынуждая вестибулярный аппарат искать ее в виртуальности мироздания. Даже открытое, казалось бы, настезь сознание профессора, привыкшее ко всему, что касалось новых знаний, иногда не выдерживало такого прессинга.

Постепенно стало формироваться специфическое восприятие действительности, а вместе с ним структурироваться концепция, названная им «Теорией Единства». Она выводила представление об аналитико-синтетическом взаимодействии в пространственно-временном континууме на совершенно иной уровень. Картина по новому осмысленной системы стала знанием, собранным из пазлов информации о ней. Конкретика вновь привела мятущуюся душу к принци-

пам. Сознание, провернувшись на триста шестьдесят градусов – сотворив сальто-мортале, узрело в очередной раз новый мир. Вот тогда и сформировалась у профессора Пекарика мысль о переходе к практике – как неизбежности поэтапной материализации идеи. Захватив на себя все внимание, мысль об искусственном перевоплощении преодолела стадию неопределенно возникшей цели. А затем, обрастая кучей старых, а потом уже и новых чувственных привязок, обрела стимулирующий характер воздействия на психику. Цель частично обрела черты стимула, став почти что идеей фикс. Вениамин Петрович даже начал присматриваться к студентам. И теперь уже не только с точки зрения умственного потенциала. Ему стали интересны их телесные типажи. И не только из-за соответствия или несоответствия формы и содержания, на что он обращал внимание всегда. Его уже интересовало их соответствие параметрам его формы, его типа телосложения...

Вениамин Петрович неохотно открыл глаза: пора подниматься, и так уже перележал положенные себе на раскачку пятнадцать минут. Слово «перележал», почему-то, вытаскило из памяти образ белокурой мальвины, хлопавшей ресницами и все время злившейся, а за ним чувство неудовлетворенности. Он уже и лицо-то своей бывшей жены толком не помнил. Он даже не мог вспомнить, сколько они прожили вместе – год... или, может, полтора. Она почему-то всегда злилась. Сначала от непонимания того, что ей говорили, а

потом от того, что повторяли. «Слава богу, нашла себе тако-го же... как сама». Стало вдруг неудобно. От того, что чуть не оскорбил ни в чем неповинного человека, которого нико-гда не видел. «Да ведь и оскорбил же. Подумал об этом. Он здесь в чем виноват? В том, что освободил меня от мадам Пе-карик? Так и это не его заслуга. Ее. Сама ушла». Подсозна-ние, не ведавшее категории времени, вернуло на мгновение чувства почти двадцатилетней давности. Притяжение люби-мой женщины, оказавшейся то ли недолгим счастьем, то ли коротким помрачением рассудка, а, может, и тем, и другим вместе, вдруг остро отозвалось во всем теле, и особенно в груди. «Такое ощущение, что ты хотел ее вернуть», – при-мешался к чувствам язвительный голос внутреннего оппо-нента. «Нет. Конечно же нет. Слава богу, человек нашелся». «Разве? – оппонент усмехнулся, – Так ли ты думал тогда?» «То было раньше, – бездумно парировал Вениамин Петро-вич, – Все! Пора вставать!»

Полумрак дорассветного зимнего утра проникал через ок-но искусственным городским освещением. Отбросив край одеяла, Пекарик сел, ощутив босыми ногами прохладу пола.

30.

Вениамин Петрович поставил портфель на край массив-ной столешницы. Шум с его приходом стал мерно затухать. Обойдя кафедру, как будто хотел за ней что-то увидеть, он вернулся к издавшему виды, но все еще прилично выглядев-

шему столу. Выдвинул простенький стул, почти незаметный около академического объекта советской эпохи, и замер, с рукой на спинке, всматриваясь в аудиторию.

Наступила тишина.

– Здравствуйте, господа. Ну и... как продвигается изучение моего предмета? – спросил, улыбнувшись, Пекарик, и, выслушав нестройный хор голосов, добавил, – Старостам, как всегда, списки отсутствующих в начале второго часа.

Привычно окинув аудиторию, заметил отсутствие Дарского. «Опять? – подумал, – Третий раз уже...»

Дарский не появился и на втором часу. Перед тем как продолжить лекцию, Вениамин Петрович посмотрел поданные списки.

– Скажите, Колесников, – обратился он, усмехнувшись, к одному из старост, – А Дарский только меня не уважает? Или другим тоже достается? Сегодня – уже третья моя лекция...

Поднялся светленький паренек в джинсах и пиджаке, с легкой – почти черной на удивление – небритостью мачо, совсем не вяжущейся с его близорукими очками.

– Достается, Вениамин Петрович, – перехватил тон профессора очкастый мачо, и, пожав плечами, добавил, – Скорее всего, он болеет. Почти неделю нет.

Раздалось несколько голосов, подтверждающих, что Дарский болен.

– Ладно, поверим. Но... – он поднял вверх указательный палец, – беру это под свой контроль. Колесников... – погро-

зил тем же пальцем, – справочку мне, когда придет.

– Да, Вениамин Петрович, – отчеканил Колесников, и тут же недоверчиво задался вопросом, – Вам лично?

Его драматическому возгласу мог бы позавидовать любой актер. «Еще бы, – подумал Вениамин Петрович, – декан заинтересовался одним из сотен студентов. Наверно, я тоже поразился бы».

– Ничего удивительного, Колесников. Дарский взял у меня курсовую работу: так что я теперь его личный куратор, – почувствовал, что оправдывается. «На вору и шапка горит», – отреагировало сознание.

На втором часу – сразу после звонка – он поднял руку, привлекая к себе внимание:

– Господа!

Аудитория стала замолкать.

– Пока мы ждем опаздывающих, прошу задавать вопросы... может, по факультативным занятиям? По одной из наших внеплановых бесед? Смелей, господа, – Пекарник улыбнулся, – Воспользуйтесь случаем, которого жизнь вам может больше не предоставить... Кветковская? Да, прошу, – показал он жестом, – Ваш вопрос, Дарья.

– На прошлом занятии вы трижды повторили фразу «сумеречная зона»...

– Ого, Дарья, как вы скрупулезно подошли к материалу, – пошутил Пекарник, – Ну-ну...

Девушка смутилась.

– Если это термин, я бы хотела знать...

– Да-да, я понял, – перебил Пекарник, – Трудно сказать – термин это или нет. Контекст, в котором прозвучала фраза «сумеречная зона», подразумевает переходное состояние между сном и явью. Его еще можно назвать промежуточной зоной, или промежуточным состоянием. То есть это и не сон, и не явь. Если воспользоваться открытиями ученых в данной области, то это прохождение нашим сознанием барьера в иной частотный диапазон от пятнадцати до пяти герц. Волны таких частот называются альфа-волны. В обычном состоянии бодрствования наш мозг работает в диапазоне бета-волн. Их амплитуда растянута от ста пятидесяти до пятнадцати герц. Здесь и наша эмпирика с ее кинестетикой, тактильностью, эмоциями и чувствами, и наши мысли – с восприятием, воображением и логикой. И воля. И интуиция. Короче все, чем мы пользуемся в обыденной жизни. Когда же мы полностью засыпаем, то переходим в диапазон, сменяющих друг друга, тета- и дельта-волн. Первые находятся в промежутке от семи до трех герц, последние – от трех до нуля, – Пекарник посмотрел на девушку, – Ну вот, Дарья, вы сегодня убедили меня изменить тему беседы. Изначально я хотел более подробно остановиться... ну да ладно, в следующий раз. Можете ничего не записывать, потому что каркаса темы у меня нет. И я не смогу вам конспективно дать какие-то структурные вехи. Я просто буду развивать мысль, исходя из вопроса, заданного Дарьей Кветковской, – Пека-

рик снова посмотрел на студентку. Она сидела с опущенными глазами. Зардевшаяся. Видно, такого неожиданного внимания ей было слишком, – Да, старосты, вы забыли о списках...

Пекарик подождал, пока листочки с прогульщиками легли на стол.

– Начну, пожалуй, с шокирующего сообщения. Внимание! – профессор как фокусник, который сейчас – вот-вот – вытащит что-то из рукава, или родитель, собравшийся поведать ребенку тайную только для него прописную истину, сделал снисходительное лицо. Все непроизвольно замерли, – Все вы слышали о золотом сечении. Но не все знаете, что это константа. В основе данного понятия лежит соотношение разделившегося на две неравные части целого. Так вот константа золотого сечения или, другими словами, константа гармонии – это и есть проявленное состояние Бога. Именно с нее начинается наша Вселенная. Именно эта константа находится во главе всего проявленного мира. Все остальное – ее производные. Изначальная суть ее – двоичность, создающая процесс вибрации. Она, нейтрализуясь, приводит нас к триединству. Она осуществляет в цепочке непрерывно-дискретных преобразований в любых развивающихся системах принцип волнообразной непрерывности.

Аудитория оживилась. И было непонятно: то ли это от удивления, то ли от того, что ее ожидания были обмануты. Пекарик поднял руку.

– Каким бы странным это ни показалось, все остальные константы не неизменны. Они имеют амплитуду отклонения от некоего срединного стержня. Каждая – свою. Константы изменяются. Правда, эти изменения для нас незаметны, потому что слишком растянуты во времени, чтобы ученые на них обратили внимание. Впрочем, вам достаточно знать, что константа золотого сечения – это проявленное творящее начало, или Бог, как мы его привыкли называть, стоящий во главе своей Вселенной, – Пекарик взял мел и подошел к доске, – Кстати слово «Бог» я использую не как теологический термин, а как наиболее универсальный символ этого явления. А сейчас я постараюсь объяснить вам суть того, о чем заявил, – он начертил звезду Давида, – Что это?

Поднялся лес рук. Профессор улыбнулся.

– Вижу – знаете. Это один из символов, происхождение которого неизвестно. Мы же его знаем, как я упоминал прошлый раз, относящимся к еврейской культуре. А вот теперь смотрите... – Пекарик снова подошел к доске и стер линии треугольника, расположенного вершиной вниз, – Что я сделал? Я стер зеркальное отображение того треугольника, который мы видим. А теперь перенесем исчезнувший треугольник вниз – под оставшийся. Присоединим к основанию, но с одной оговоркой: нижний треугольник у нас станет не равносторонним, а равнобедренным. Мы удлиним две его стороны, согласно условиям, которые ставит перед нами наша константа.

Пекарик стер линию, которой основаниями были соединены треугольники. Получился ромб.

– Ну вот: теперь мы имеем полное право заявить, что то, что у нас получилось, соответствует условиям существования главной константы. У нас есть целое – ромб, разделенный нами, – Пекарик восстановил линию, – на две неравные части – два треугольника. В чем суть трансформации звезды Давида, которую мы проделали? – он взглянул на аудиторию, – Мы создали символ Бога – пространственно-временной континуум. И суть его существования... – профессор написал на доске четыре цифры – 1,618, – вот в этом примерно записанном числе. Точно его передать невозможно: оно иррационально. В нем нет повторяющихся комбинаций: оно не может быть получено путем соотношения двух величин, хотя его примерные параметры зависят от соотношения целого и его частей. Это равенство соотношений целого к большей части и большей части к меньшей...

Пекарик положил мел и стал машинально оттирать от него левой рукой пальцы правой.

– В этом символе кроется все... – продолжил, – все, что нас окружает. Вся наша жизнь со всеми потрохами. То есть, наше туловище и наша же психика. Все процессы, о которых мы никогда не задумываемся, в этом символе. Вдох-выдох и систола-диастола сердечной мышцы. Артериальная и венозная части кровеносной системы и эфферентные и афферентные нервные волокна. А в природе – это и приливы

с отливами, и день и ночь, и зима и лето. А мы с вами? – он машинально развел руками, показывая на аудиторию, – До двадцати одного года мы – мужчины, и до восемнадцати – женщины, как цветы, распускаемся, а потом отцветаем и умираем. Превращаемся в удобрение – становимся условием для выживания новых цветов.

Пекарик сделал коротенькую паузу, заглядывая в лица студентов.

– Конечно, я не сообщил ничего нового – просто изменил несколько угол зрения на всем известные факты. Поэтому, вопросы сейчас у вас возникнут вряд ли. Через неделю вы об этом можете и не вспомнить. Но если вопросы начнут одолевать... потом... тогда и поговорим.

Пекарик сделал паузу, и снова окинул сосредоточенные лица студентов. «Да-а... – подумал, – если хотя бы один из них когда-нибудь серьезно задумался бы об этом... я был бы счастлив».

– Нам осталось только соединить вопрос, заданный Дарьей, – продолжил он, – с тем, о чем я вам поведал... – он посмотрел на Кветковскую, на ее, казалось бы, понимающие глаза, – И это... – Пекарик вызывающе улыбнулся, – вы сделаете сами. Я только дам вам маленькую подсказку... Верхний треугольник символизирует инволютивный процесс – эманацию или нисхождение Бога. Это уплотнение материи. Нижний – пока только символ нашей планетарной эволюции, который, как вы понимаете, не может быть осуществлен без

кураторства Вселенной, то есть Бога. Процесс этот одновременен. Гераклит называл его – энантиодромия... – Пекарник посмотрел на часы, – Ну, вот и все на сегодня. Медитируйте, – он опять улыбнулся, – Если у кого-то возникнут серьезные мысли по данной теме, милости прошу ко мне на личную беседу. Если нет... – Вениамин Петрович улыбнулся, – никому... ничего... не будет...

Последние его слова потонули в звуке звонка.

31.

После обеда позвонили из «Сити Групп».

По договору с администрацией Вениамин Петрович консультировал персонал этой фирмы, обучал правильным отношениям с коллегами и клиентами: на вербальном и невербальном уровнях. Но главное – там же периодически входил в состав группы переговорщиков: участвовал в сделках, слушая и наблюдая через мониторы за состоянием партнеров. За их случайными оговорками. Их пантомимикой – положением и движением рук и пальцев, плеч, головы и корпуса. Мимикой: мышцами лица, которые создавали определенные – иногда длившиеся доли секунды – гримасы, выдававшие внутреннее состояние. И, наконец, тончайшие нюансы определял по глазам, выводимым на отдельный монитор крупным планом – по тому, куда устремлялся взгляд, и как расширялись или сужались в определенных ситуациях зрачки тех, кто сидел с противоположной стороны стола. Ин-

формация сообщалась своим: и on line, и тщательно разбиралась потом, для последующих туров переговоров, если таковые имели место. Вот так «работа на стороне» и делала профессора, если не очень, то все же «состоятельным господином»: кроме стабильной ставки за обучение персонала, он имел одну десятую долю процента от сделок, в которых участвовал. Это были хорошие деньги. А в отдельных случаях – достаточно солидные, чтобы не влачить жалкое существование ученого мужа бюджетной сферы образования.

«Тимин В. Д., сек.-реф.» высветилось на экране.

– Да?

– Добрый день, Вениамин Петрович, это Тимин.

– Да-да. Слушаю вас, Валерий Дмитриевич. Добрый, добрый... чем обязан? – профессор превратился в слух. Что-то в тоне, в дыхании, в интонациях молодого человека говорило, что он звонит не от лица председателя совета директоров. Не было в нотках голоса соответствия фигуре.

– Вениамин Петрович... вы не могли бы приехать к нам, часикам к четырем?

«Интересненько, – подумал Пекарник, машинально взглянув на часы, – третий уже. Что за срочность? Обычно не меньше, чем за сутки уведомляли... да и не спрашивали – можешь, не можешь...»

– А что за срочность, Валерий Дмитриевич? Кому и зачем я понадобился?

– Все узнаете на месте, Вениамин Петрович. Успеете?

– Ну, если не застряну где-нибудь в пробке, думаю – да.

– Вот и хорошо. По приезду пройдите в кабинет начальника службы безопасности. Вас там ждут. До свидания, профессор.

– До свидания... – уже в пустую, плачущую линию ответил Вениамин Петрович.

«Что понадобилось шефу тайной полиции от меня в таком срочном порядке?» – отдалось неприятным ощущением в груди. Этого преклонных лет неприятного внешне и в отношениях отставного кээбиста с темными пронизывающими глазами профессор Пекарник как-то подспудно остерегался, а потому и человеколюбия к нему особого не испытывал. Было в нем что-то потустороннее. От Мефистофеля, что ли? А еще, наверное, от Дзержинского. Особенно в бородке, видимо, специально заведенной, чтобы подчеркнуть сходство. Хотя, скорее, этого требовала внутренняя природа. Сила какая-то исходила от него бесовская. Даже в глаза не хотелось смотреть. И даже тогда, когда он пытался шутить, казалось, что такому человека убить, что ветку переломить. Шеф безопасности – почти непосредственный его начальник. Если, конечно, не брать в расчет некоторую отдельность группы переговорщиков, курируемой первым заместителем председателя правления. Вот здесь как раз и проходила граница влияния. Переговорщики, вроде и были под крылом отдела. По крайней мере, с точки зрения технического оснащения. Но, как бы, входили в него анклавом и ему на-

прямую не подчинялись.

Без четверти четыре Вениамин Петрович, преодолев пару десятков гранитных ступенек, и пряча в улыбке неудовольствие от безысходности встречи с председательским цербером, вошел в стеклянную дверь огромного офисного здания фирмы. Кивнув на приветствие охранника, он достал пропуск, прошел через турникет и поднялся по лестнице на второй этаж. Остановился у двери, всем своим существом почувствовав напряженную тишину коридора. Постучал.

– Войдите! – раздалось за дверью.

Голос показался незнакомым, но в то же самое время своим тембром он всколыхнул в бессознательном какое-то, еще не успевшее проявиться воспоминание. «Показалось...» – сознание наполнилось сарказмом к самому себе, так не желавшему этой встречи. Вениамин Петрович надавил на ручку и толкнул отгораживавшую его от неизвестности дверь. Ему навстречу из-за стола поднялся человек с легкой проседью в волосах, и в сознании профессора снова промелькнуло сомнение – «я его знаю...»

– Ну что, Веня? Не хочешь старых друзей узнавать? – засмеялся незнакомец, и сразу же перестал им быть.

– Не может быть... – Вениамин Петрович на мгновение забыл обо всем, – Савин? Игорек?.. – радостное чувство вызвало сильный произвольный вдох, – Фу-х! – выдохнул, – Если бы встретил где в городе, точно не узнал бы. Ну-у... не ожидал тебя здесь встретить... – он вдруг пришел в себя, –

А где?..

С осознанием вернулись чувства, дав понять, в чем кабинете находится.

– Ты о ком? – засмеялся Игорек, – Небось, думал, что к Затунскому идешь? Присаживайся, – он опустил в кресло и чуть подался назад, утонув в высокой мягкой спинке и мгновенно став серьезным и начальственным: в его взгляде промелькнуло что-то такое, что Пекарик уже не раз видел. «Ну, надо же! – осенило, – точно, как у хозяина кабинета...»

– Не может быть... – Пекарик как-то растерянно и, в то же самое время, довольно улыбнулся, веря и не веря тому, о чем подумал.

– Может, Веня, может. Я уже со всеми своими познакомился, остался только ты. Ты у нас свободный художник...

– Но я... – захотел возразить Вениамин Петрович.

– Знаю, Веня, знаю, – улыбнулся Савин, – И не претендую на твою от меня независимость. Это даже к лучшему...

На какие-то несколько секунд в кабинете зависла тишина. «Вроде, и не начальник, а, вроде, и начальник? – подумал Вениамин Петрович, – От него будет зависеть – как сложатся наши отношения. Еще неизвестно – выиграю я от этой перестановки? Может, наоборот, проиграю?» – он вопросительно посмотрел на товарища своей юности.

– Ты правильно думаешь, Веня, – словно прочитав его мысли, продолжил Савин, – Надо расставить нам все точки с тобой... я думаю так... – он подмигнул, и в его взгляде по-

явилась искорка тепла, – Все как и прежде... Шила в мешке все равно не утаишь, да и необходимости в этом нет... разве что на первых порах... – новый хозяин кабинета сделал паузу и загадочно посмотрел на Вениамина Петровича, – Пока не решим один вопрос... – он приподнял руку, как бы давая понять, что объяснит позже, – Ну, а на людях... мы уже не мальчики – по имени отчеству. Согласен? – он шутливо протянул для рукопожатия руку, – Савин, Игорь Николаевич.

– Принимается Игорь... Николаевич, – улыбнулся в ответ Пекарик.

Они тепло пожали друг другу руки.

– Ну, давай уже, Игорек... удовлетвори любопытство – как ты сюда попал? На такую должность ведь по объявлению не приходят... хотя, конечно, догадываюсь...

Савин не дал договорить.

– Все просто, Веня. Затунский у меня когда-то куратором был. Учитель, можно сказать, мой.

– Да, да, да. Я примерно так себе это и представлял, – Вениамин Петрович загадочно улыбнулся, – А звание-то у тебя какое было?

– Почему было? – поддержал его тон Савин, – И сейчас есть... полковник. Только теперь с хвостиком – «в отставке».

– Ого! Ты у нас птица высокого полета?

– Ну, не такого высокого, как некоторые. Ты у нас, вон, профессор, доктор наук, декан факультета, ученый с именем.

– Ладно тебе, Игорек, – улыбнулся Вениамин Петрович, – давай уже оставим крыловских героев в покое. Тем более что ни одна из ролей мне не по душе.

– Согласен, Веня, согласен, – кивнул тот, усмехнувшись, – Ну что ж, тогда к делу. Пригласил я тебя, мой друг, вот зачем, – продолжил, став серьезным, Игорь Николаевич, – Хочу услышать мнение профессионала о тех, с кем мне... пока, – выделил он, – придется работать. Подожди... – остановил поползновение Пекарика что-то сказать, – Этих людей набирал Затунский, так что все они профессионалы высокого класса. Тем более что некоторых я знаю лично. Ты это хотел сказать?

– Именно, – подтвердил Вениамин Петрович.

– Но вопрос как раз не в этом.

– А в чем же? В лояльности к тебе лично, исходя из того, что это люди Затунского?

– Отчасти – да. Но есть еще один подводный камень... – Савин сделал паузу, – Обязательно найдется один... а может даже и не один, из тех, кто думал, что именно он, после ухода Затунского, займет вакантное место. Ведь Затунский, далеко не мальчик, и дураку было ясно, что не сегодня-завтра все случится.

– Ты хочешь сказать, что возможны интриги? – казалось, Пекарик был искренне удивлен, – Я думал, что в вашей профессии существует некое братство. Понимаю, что люди везде одинаковы, но вы же повязаны. Жизнь каждого из вас за-

висит от того, кто рядом.

– Да, в этом ты прав... но тем не менее... я не буду рассказывать тебе, как начальник добивается лояльности подчиненных. Многое ты знаешь сам. Многого, особенно, что касается жестких привязок, тебе знать вообще не обязательно, – улыбнулся интригуяще Савин.

– Ты думаешь? – машинально спросил Пекарник.

– Более того: я это знаю! – Савин сделал многозначительную паузу, – И не дай бог тебе в такую связку с другим человеком попасть. В любом случае ты – потенциальная жертва. И тогда, когда ты привязываешь, и тогда, когда привязывают тебя.

– Игорь, это мне понятно. Не совсем понятно, каким образом я могу тебе помочь. Я ведь не смогу присутствовать при конфиденциальных беседах... – Пекарник запнулся, – Понял... но я не смогу этого сделать один. Мне нужен технарь. Я с такого рода аппаратурой – на «вы». И... нужно время – подготовить вопросы...

– Вопросы буду задавать я, – перебил Савин, – И при том... – он хитро заулыбался, – без всякой подготовки и без последовательности в твоём понимании. А ты думал, я только экономист? Я ведь кроме университета еще и в академии поучился. И технарь тебе будет. Даже два. Есть у меня свои люди. Главное – разобраться в невербалике сможешь. Здесь, брат, о тебе такие слухи ходят, как о волшебнике, – Игорь Николаевич встал, подошел к секционному шкафу,

открыл одну из дверей и достал бутылку и два коньячных бокала.

– Нет-нет, – запротестовал Вениамин Петрович, – я же на машине, – не стал акцентировать внимание на том, что не пьет совсем, что уже двадцать лет как расстался с этим.

– Я тоже, – возразил Савин, – А мы – чисто символически – только пригубим... и вообще, – он почти незаметно, с хитринкой улыбнулся Пекарику, – все вопросы, Вениамин Петрович, решаемы. Главное, чтобы они решались вовремя. Вот мой личный... – он дописал ручкой в визитку номер, – Это, кстати, уже начало тоста. И резюме: за то, чтобы между нами, как и прежде, не было недопонимания.

– Согласен, Игорь Николаевич. За понимание...

32.

Народная мудрость гласит – хороший секс для мужчины по энергетическим затратам равен выгрузке вагона с углем: наверно, именно поэтому его так и «рубят» после того как – склоняет в сон для восстановления потенциала.

Лера, довольная тем, как все устроилось – тем, что прощена, стала рассказывать какую-то запутанную историю своих отношений с Пауком. Словно запоздало отвечала на естественно возникший вопрос. А Дарский вдруг почувствовал – проваливается в липкое, обволакивавшее психику небытие. Стало неудобно перед Лерой, и это было мучительно: он то исчезал сознанием, то появлялся, балансируя в промежутке

между сном и явью. Потом удивился, что находясь, казалось бы, нигде, одновременно был везде. В какой-то момент голос Леры вытащил из этого скользкого небытия, словно из клея, Лысого, и тот стал трансформироваться, безобразно осклабившись, в Шварца. Потом произошло обратное перевоплощение. И там, где только что пребывало сознание, вдруг начала сгущаться темнота, вспыхивая невпопад закапсулированными в бессознательном фрагментами прошлого. Образы, возникая все чаще, ввергли, наконец, чувства в какой-то апокалиптический ступор: вызывающе гнусно и пошло. А вслед за этим пограничное состояние настолько живо воспроизвело детали прошлого, что оно ожило и стало казаться настоящим. Вспомнилась даже редкая, начинавшая пробиваться на щеках и подбородке поросль Шварца, которую тот уже начинал брить. И усы: на вид уже достаточно приличные, чтобы говорить об усах...

Пожалуй, с оговоркой можно было бы согласиться, что Шварцу – пятнадцать. По крайней мере, так говорили. Хотя, когда Саша его впервые увидел, тот показался ему совсем взрослым, и без натяжки этому верзиле подошли бы и все семнадцать. Но поскольку Шварц в школе не учился, никто не знал этого точно. И, то ли по аморальности, которую часто используют тренеры детско-юношеских команд, когда выставляют переростков на игры, то ли еще по каким-то соображениям, Шварцу было пятнадцать. Он могуче выделял-

ся среди сверстников, решая все проблемы просто и максималистично, как и подобает его возрасту и соответствующему уровню тестостерона. Приземленность и вероломство его олицетворяли высший уровень примитивного выживания в социуме: шварцу привалило счастье расти в семье, где, кроме него и матери, было еще два старших брата, не единожды уже посетивших места не столь отдаленные. А самый старший, поговаривали пацаны, и родился в тюрьме. Шварц к тому времени тоже уже год «отчалился» – в колонии для несовершеннолетних. Может, потому и был беспредельщиком. Саша же вырос в обычной семье. К тому же родители привили ему любовь к хорошей приключенческой литературе, из которой он черпал образцы поведения, странно выглядевшие на фоне уличного этикета.

Как только пути Шварца и Саши пересеклись, им обоим стало некомфортно. Шварцу очень хотелось унижить Сашу. Почему – он и сам не знал. Просто хотелось. Может, из-за гипертрофированной физической силы, подкрепленной максимализмом и невозможностью по-настоящему понять страдания других людей. А может, из-за кучки таких же, как и он сам, идиотов, сопровождавших его повсюду и поддерживавших иллюзию собственного превосходства. Или потому что Саша не походил ни на одного «имбицила» из его свиты. Так, скорее всего, и было. Вот это в большей степени, наверное, и раздражало. Гордость Саши Дарского, не подкрепленная соответствующей силой, вызывала гнев того, кто, как

считалось, мог сломать любого. Гнев порождал азарт, не дававший отступить от однажды начатого. Он повергал в ничто скуку – попутчицу достигнутых целей – тех, что предлагает сознание, не испорченное ни образованием, ни тем более хорошим воспитанием. Ну, или тем и другим одновременно.

– Юноша! – обратился Шварц как-то, когда Дарский, опустив глаза, «чтобы не нервировать придурков», проходил мимо.

Саша сделал вид, что не слышит. Или не понимает, что обращаются к нему.

– Кому говорят?! – заорал один из пацанов, стоявших рядом со Шварцем.

– Вы мне? – повернулся Саша, вдруг испугавшись.

– А кому еще? – выступил вперед кричавший, довольно плюгавый мальчишка. Он хрюкнул на вдохе, чтобы затем смачно сплюнуть – показать свое неуважение, а заодно продемонстрировать превосходство.

– Эй, Додик, – окликнули мальчишку, показывая на Шварца. И тот метнулся назад – получить указания.

Шварц что-то шепнул ему на ухо, и тот снова пошел в сторону Саши.

– Эй, малой! Подойдешь после уроков к нам, – противно улыбался он, – Андрюша будет с тобой говорить.

– Ему надо, пусть сам и подходит, – от страха Саша не ведал, что творил. Но гордость не позволяла сдаться без боя. «Может, пронесет? – отчаянно думал он, – Возьмут, да и от-

станут».

Невозможно осознать то, что находится за пределами понимания: вот и Саше было невдомек, что слушание лидера в иерархии – это вызов власти. А дальше – либо наказание строптивого, либо разрушение системы. Бунт необходимо подавить – во что бы то ни стало. Шварц инстинктивно почувствовал опасность возникновения хаоса в своих рядах. А потому возражения какого-то лошка, неизвестно откуда взявшегося, он просто обязан был пресечь. Какой-то сопляк, лоснившийся потом от гипертрофированного гормонального фона, указывал ему – мужчине, как себя вести: такого, конечно, он допустить не мог.

После занятий, по дороге домой, Сашу встретили у старой панельной пятиэтажки во дворе, густо засаженном деревьями: в самом безлюдном месте – с торца здания, где не было окон, и стояли мусорные баки. «Как в американских фильмах, – пришло от страха сравнение, – Меня, наверное, после того, как набьют, засунут вниз головой в одну из этих клоак». Ужас, объявивший все его существо, стал рисовать картинки – одну безобразнее другой.

– Ну, что, герой, – тот же паренек снова, хрюкнув, сплюнул Саше под ноги.

В тот же момент Саша получил жестокий удар в затылок: кто-то зашел сзади. От удара помутилось сознание, и очнулся он уже на земле. Его пинали ногами.

– Харэ, шизоиды! – гаркнул Шварц, – Убьете парнягу: это

же наш человек!

Шварц безапелляционно верил, что после демонстрации силы по-другому и быть не может: он подошел и, насколько это у него получилось, дружелюбно подал руку. Мол, давай, поднимайся. Вроде как извинялся за своих псов, которых сразу же, как только смог, осадил. Этакий добрый дядя.

– Да пошел ты... – поднимаясь с трудом, процедил Саша сквозь ставшие солеными зубы, и уже не задумываясь о последствиях. Потому что был зол. И это в какой-то степени подавляло страх. Кровь, сочившаяся из носу и заставившая запрокинуть голову назад, почти сразу прекратилась. Хотя еще неприятно напоминала о себе, когда он шмыгал носом.

Шварца переклинило. И он, видимо, чтобы как-то прикрыть свою слабость, размашисто нанес удар своим берцем Саше в бок.

– Ты что, ублюдок, решил, что тебе это сойдет с рук? – зарорал он, – Вы двое, – показал пальцем, – связали его! Сморчок, в ноги!

Два здоровяка подбежали к Саше и подхватили его под мышки. Почти мгновенно он оказался согнутым в три погибели с заломленными назад руками. И сомкнутыми спереди ногами, на которых висел, крепко обхватив, Сморчок. «Опять будут бить», – промелькнуло в голове.

Но Саша ошибался. Его детской фантазии не хватало на то, чтобы предположить, что задумал Шварц, прошедший малолетнюю зону.

– Штырь, стяни-ка с него штаны.

Штырь привычно сплюнул, подошел сзади и сдернул почти до колен спортивные штаны вместе с трусами. У Саши перехватило дыхание. Из последних сил он попытался вырваться. Но куда там.

В наступившей вдруг тишине он услышал, как захихикал Шварц.

– Ну что, девочка... – прогнусавил он, – не хотела по-хорошему?

Думать о том, насколько далеко может зайти акт устрашения, Саша, конечно, не мог – его просто охватил ужас. Мышцы окаменели. Он рванулся еще раз, пытаясь вырваться из цепких рук обидчиков, еще раз, потом еще... и обмяк, переполненный адреналином, чуть сдержав позыв к мочеиспусканию.

– Шварц? Может, хватит? – захихикал один из парней, державших Дарского, – Итак перебор: обгадится еще.

Вокруг загоготали.

– Когда хватит, я скажу, – Шварц надавил на «я», – Ладно! На сегодня алес.

Обидчики сразу отпустили Сашу. И он, мгновенно натянув штаны, отскочил туда, где никого не было: к мусорным бакам.

Шварц расхохотался, а, успокоившись, заключил:

– Не дай бог, одна живая душа узнает. Ты же, надеюсь, не дурак – догадываешься, что будет?

Саша промолчал – он до чертиков рад был уже тому, что вот сейчас все обошлось. И пусть страх не прошел. Но не связаны руки и ноги. А потому и нет того ледящего душу ужаса из бездны небытия, в которую только что заглянуло его сознание.

– Не слышу? – рывкнул Шварц, демонстративно сделав шаг в его сторону, – Ты понял?

– Понял, – исподлобья взглянув на обидчика, поторопился ответить Саша: лишь бы только оставили в покое.

– Ну, вот так-то... – успокоился Шварц, – Айда к гаражам, – скомандовал своим. И свита, обсуждая успешно проведенную операцию, послушно потянулась к оврагу, за которым виднелась сплошная невысокая стена, сплошь разрисованная и расписанная красками всех цветов радуги.

33.

Когда обидчики удалились, Сашу прорвало. Он сел на корточки тут же – за последний от дома бак, прислонился к его стенке, и заплакал. Жужжали носившиеся от помойки к помойке ненасытные мухи, привлеченные тошнотворным запахом разложения. И это еще больше усиливало и без того отвратное отношение к себе. К собственному бессилию. К ватным рукам и ногам.

Вспомнил о маме. И так стало жалко себя – маленького, затерявшегося в этом бесконечном, враждебно настроенном по отношению к нему пространстве.

– Суки, суки, суки... – всхлипывая, твердил и твердил без умолку – как заклинание, вкладывая в него и свое несогласие с устройством мира, и гнев на его несовершенство, и на сам мир. Он отчаянно старался избавиться от сопровождавших его незнакомых эмоций, от которых веяло могильным холодом, от пережитого позора, чуть было не завершившегося крахом всей жизни. Его передернуло: «Тогда б точно в петлю головой, – подумал, вдруг перестав плакать, – А вдруг не отстанут?»

Он не ошибся – так и случилось. Задалась почему-то Шварцу Сашина непокорность. При встречах он подмигивал и улыбался. Мог непристойно пошевелить высунутым языком. Или оттопырить средний палец. На доске в классе периодически стали появляться надписи – «Дарский пидор» или просто «Дарская», которые, скорее всего, оставляло по заданию Шварца его окружение. А через некоторое время за спиной уже шушукалась вся школа. Девчонки – кто улыбался понимающе, а кто просто отвернулся.

У Саши началась депрессия. Она засасывала, увеличивая сроки своих периодов. В такие часы все окрашивалось в оттенки серого. Это был настоящий эмоциональный транс – ужасный своими переживаниями. Даже жизнь в этом состоянии теряла свою ценность, свою привлекательность: юная и только еще недавно целеустремленная она утратила свой главный посыл – мечты о «прекрасном далеком». О каком прекрасном? Чуть ли не каждый вечер перед сном, когда де-

прессия сменялась порывами какой-то звериной злобы, приходило одно и то же видение, в котором Саша убивал и убивал Шварца. Он вонзал в грудь обидчика большой нож из их кухонного набора, чувствовал, как попадает меж ребер, получая удовольствие от того, как мягко тот входит в плоть. Или же втыкается в эти ребра, и тогда рука по инерции соскальзывает по рукоятке на лезвие. Саша физически ощущал, как в его указательный палец впивается острая полоска стали. Душа замирала: для нее виртуальность была всего лишь искаженным до неузнаваемости отражением реальности. И когда сознание возвращалось в эту реальность, к Саше приходило понимание – с ужасом и удовольствием одновременно, что он был там – за гранью жизни и смерти.

Через полгода депрессия заполнила душу до краев, и жить стало невозможно. Все исчезло из поля зрения интересов. Общение с друзьями. С родителями, которых любил, несмотря на появившееся несоответствие взглядов. Пропала пылкая нежность к сверстникам. Они отвернулись от него, и он стал жестким и колючим с ними, усиливая эффект правдоподобия слухов. Остался только комп – только он не покинул сферу привязанностей.

Однажды, подслушав в метро, пока ждал электричку, разговор двух размалеванных «готов», Саша набрал в поисковике слово «суицид». Сначала было любопытно: он листал страницы сайтов, читал форумы. А потом это в нем проросло – он начал бредить этим. Даже думать, как это лучше сде-

лать. Он смаковал момент расправы над собой, как совсем недавно мечтал отомстить Шварцу. Казалось, что покончив с жизнью, он отомстит всему миру за то, что тот так несправедлив к его – Саши Дарского – жизни. Но в какой-то момент молнией пронзило понимание – не время. Он, казалось бы, даже услышал голос, который в растяжку проговорил: «Еще не время». «Что значит – не время? – подумал, – Не время умирать?»

В самом конце мая Сашу отправили в деревню. К тетке. Двоюродной сестре матери, одинокой женщине, любившей Сашеньку, как сына. И до осени он на уровне чувств обо всем забыл. Те чувства просто отступили. Буквально за неделю вышел из урбанизированного кошмара и втянулся в новую старую деревенскую жизнь. Смена окружения изменила все и почти сразу. И лишь в конце лета – за пару недель, когда уже подходила пора возвращаться, снова встал вопрос безопасности. Снова начал всплывать в памяти Шварц. Правда, не так остро и не так страшно. Как будто из дурного сна, когда-то оказавшего сильное влияние при просыпании. А вернувшись, Саша узнал, что Шварца больше нет. Утонул: нырнул на мелководье – на спор – и сломал шейные позвонки. А пока спохватились, захлебнулся...

Уже переходя из промежуточной зоны в сон, проваливаясь в крошечную темноту, Александр мгновенно уловил тему карт. Мгновение стало растягиваться, нарушая ограничивавшие его временные рамки. Сквозь пелену переход-

ного состояния увидел стол, освещенный низко висевшей лампой. Колоду карт, лежавшую на нем сеточками рубашек вверх. И пачки денег. Зелень. Какие-то неприятные, даже зловещие лица, с фантастически резкими тенями, выглядывали из темного небытия, разлитого за пределами круга видимого пространства. «Ух, ты! Кто же это?» Темнота стала наполняться светом: свет словно сочился сквозь нее, постепенно пропитывая собой. Дарский четко уже мог разглядеть всех тех, вместе с Лысым, что встретились в ресторане: они о чем-то разговаривали. И Лера тоже была с ними. Она тоже что-то говорила. Но слов не разобрать. «Что она говорит? – Александру показалось, что его уши вот-вот своими внутренностями вывернутся от напряжения наружу, – Почему я не могу разобрать – что?» Только он успел подумать, как голос пропал совсем: губы по-прежнему шевелились, а звука не было. Зато появился текст: он как будто выплывал из головы Леры. «Ничего себе! Ну-ка, ну-ка...» Организм, обманутый иллюзорностью происходившего, стал прислушиваться к тексту. словно к звуку голоса. И звук ворвался в него: то, ускоряя ритмичность речи, выходя на высокие ноты, то замедляя и демонизируя ее, стал наполнять до предела.

– Сашенька! – выражала свой детский восторг Лера, – Какие деньжищи! Ну, давай сыграем разочек. Ну, давай сыграем разочек. Ну, давай сыграем разочек... – повторяла она, словно замученная ребенком кукла.

Александр попытался отмахнуться от надоедливого виде-

ния. «Черте что! Присниться же такое!» И с этой непонятно откуда появившейся фразой пришло четкое понимание нереальности всего, что происходит. И это моментально вытолкнуло его из транса.

Светящиеся цифры на часах – напротив – показывали почти то же самое время: прошло буквально каких-то несколько минут. Будто все, что он только что пережил, не существовало. «А ведь и, правда, не существовало... но как четко, как здорово не существовало». Тяжесть в теле контрастом возникла из легкости и радости существования в запредельности. Она еще оставалась, пока Александр лежал без движения. Но стоило только пошевелиться...

Лера полусидела, полулежала рядом. С открытыми, казалось, не видевшими ничего глазами. Сразу же посмотрела в его сторону.

– Ты что-то говорила мне? Извини! Как провалился. Вырубил меня что-то, – попытался оправдаться Александр.

– Да, в общем, ничего особенного. Просто рассуждала вслух. Думала, может, стоит сыграть? Сильных игроков там нет. Играют так, от безделья. Между собой. Но пару тыщенок поднять можно было бы, если повезет.

– А если не повезет? – окончательно проснулся Дарский.

– Саш! – повернувшись к нему, возмущенно заговорила Лера, – А тебя кто заставляет лезть на рожон? Играй себе потихонечку. Чувствуешь не твой день, отвали, пока по мелочи игра. И блефуй. Блефуй. Проверяй. Пусть собачатся между

собой. Играй чужими руками.

– Какая ты у меня мудрая, – улыбаясь, он прижался к ней. Попытался ласкать.

– Отвянь, Дарский! – она беспардонно оттолкнула его, – Настроения нет, –

Лера соскользнула с кровати и удалилась из спальни.

Мысль о том, что, видимо, слишком много в его интонации было снисходительности, запоздало промелькнула в сознании Александра, не вызвав сожаления. «Ну, и ладно! Черт с ней! Спать, так спать».

Лера почти тотчас же вернулась.

– Что скажешь? – возобновила она атаку. Видно было, как ей не терпелось дожать противника.

– Ладно, – согласился Дарский, не успев даже толком сообразить, что делает, – Пятьсот баксов у нас еще есть. Попробуем, – запоздалая мысль – «что же я делаю?» – больно пронзила мозг. Но сказав «а», надо было логически заканчивать начатое, – Созванивайся завтра со своим Вадимом, – он повернулся набок – спиной к Валерии, как бы ставя точку в разговоре. Но его точка оказалась для Леры лишь запятой. Она сбросила с себя ночнушку и скользнула под одеяло, обхватив его руками и ногами.

– Дар-рский, ты оборзел! Быстренько обними меня! Я замерзла, – заблажила она.

Ступни и вправду у нее оказались холодными, но все остальное...

Оказалось – сегодняшней лимит отношений до конца еще не был исчерпан.

34.

В течение следующей недели Дарский на занятиях так и не появился. И Вениамин Петрович забеспокоился. Очень хотелось узнать, что случилось. Но декану интересоваться здоровьем студента больше, чем положено по статусу, даже как-то неправдоподобно. Вроде, ни к чему. Ну, спросил однажды. Ну, ответили. Даже пришлось оправдываться – почему спросил. А Дарский уже вторую неделю не посещал занятия. И нужно как-то узнавать – почему. Интуиция выпячивала перед Пекариком какие-то знаки из разряда юнговской синхронии. Но что они обозначали? О чем хотели сказать? Можно было только догадываться. И сознание на догадки не скупилось. Хотя, в итоге, все они только однобоко подчеркивали заинтересованность профессора в эксперименте.

Тишина кабинета, иногда нарушаемая стуком каблучков Леночки или скрипом дверцы какого-нибудь из шкафов в приемной, обволакивала полусном. Ощущение вхождения в несанкционированный сознанием транс не покидало Вениамина Петровича. Не давало логике вить свою, казалось бы, очень продуманную причинно-следственную цепочку. Постоянно ныряя в пограничную зону и возвращаясь, сознание обрастало какими-то откровениями, которые, конечно же, Пекарик мог бы допустить и сознательно, но не стал бы этого

делать из моральных соображений.

Один раз он увидел стол под светом настольной лампы, погруженный в шевелящееся марево табачного дыма. Карты. Деньги. А второй – петлю под потолком. На секунду почувствовал очень явственно удушье и разрывающую позвоночник боль. Дремотное состояние отлетело мгновенно. В душе появилось жуткое чувство безысходности. Противным слизняком, оставлявшим липкий след, чувство почти мгновенно переползло в тело, вырастая и распространяясь по всей нижней части туловища. Казалось, заполнение этой мерзостью идет через низ живота. Перетекает в желудок. И, подступая к солнечному сплетению, будто пытается высосать его из тела. Диафрагма стала пульсировать, ощущая скользкое прикосновение, и менять ритм дыхания. Ритм, ускоряясь, наполнил клетки мозга обогатившейся кислородом кровью, чтобы снабдить «создаваемый миллионами лет процессор» и этим живительным газом, и всеми необходимыми для работы веществами. Слово «процессор» вытацило из памяти другое. «Железо». А логика мгновенно синхронизировала его со словом «мясо». Странная на первый взгляд ассоциация сначала вызвала недоумение. Но мысль об эксперименте поставила все на свои места. «Мясо» биологического существа на самом деле оказывалось чем-то вроде компьютерного «железа». «Конечно, «железо» примитивно по сравнению с «мясом»... – включилось в процесс спонтанное мышление, – Да и выполняет только синтетическую функ-

цию – функцию бессознательного. Роль же сознания играет программист, кодируя в технологическом обеспечении лишь ограниченное количество моделей решения задачи. Понятно, компьютер не прошел столько модификаций, сколько человеческое существо, да и сознания в нем нет вообще... даже первичного, которое могло бы сделать выбор между «приятно» и «не приятно», как это происходит в самых примитивных организмах – моноцентричных. А, в принципе, зачем ему это? Ему не нужно заниматься выживанием... он напрямую не производит себе подобные существа... а, значит...»

Вениамин Петрович вдруг поймал себя на мысли о том, что вся его философия последнего времени по своей бесчеловечности могла бы даже поспорить с нацистской. «Опять вас понесло, профессор? Ну, да. Можно провести и такую аналогию: Дарский – «железо» для «программного обеспечения «Пекарник». И что? Это что-то меняет? Или как-то по-другому это теперь выглядит? Раньше что – лучше было?»

Несколько минут Вениамин Петрович сидел, ни о чем не думая. В голове – казалось, в височной ее области – как последнее время случалось, бессмысленно повторяясь, пульсировали слова. На этот раз их было три: секунда – слово, секунда – слово, секунда – слово. Невнятно. Не разобрать. Профессор стал прислушиваться к ритму. И, наконец, понял – узнал: «Савин... Игорь... Николаевич... Савин... Игорь... Николаевич...» – отбивалось в висках. Нако-

нец, пришло осознание того, что ответ близко. Вот он. Рядом совсем. Еще чуть-чуть. «Что на этот раз?» – Пекарник замер в ожидании. Приближение момента истины обрадовало. «Савин... Игорь... Николаевич... Савин... Игорь... Николаевич...» – как будто издалека – глухо, но уже приближаясь, стал пробиваться смысл. В структурирующемся информационном поле, словно более легко находимые последние пазлы, замелькали фрагменты предыдущих наработок. Но прежде чем идея обрела форму, в ней снова промелькнули образы стола и петли, и на мгновение появилось ощущение, что он Дарский, а не Пекарник. Память оживила на уровне чувств, пусть и мимолетное, но все же очень сильное желание. Профессор вдруг осознал, что это не воспоминание, это мгновенное пространственно-временное перемещение части его полевой структуры в прошлое с полным воспроизведением и переживанием того самого состояния, возникшего исподволь. Чувство вины, спонтанно возникшее за этим, принесло огромное желание узнать о состоянии человека, в чьей судьбе он уже участвовал, копаясь в ней по-хозяйски...

– Ну, конечно же! – воскликнул. Подумал: «Вот оно... звонить срочно Игорю! Срочно!» Пульсация, преодолев последние количественные приготовления, трансформировалась в сознании в образ экрана ноутбука.

Вениамин Петрович нашел запись в телефоне, нажал на вызов и стал слушать гудки. Длинные, показавшиеся бесконечно долгими они вдруг, словно споткнувшись, транс-

формировались в короткие. Ощущение облегчения, что не пришлось говорить, нахлынувшее за не успевшим пройти осмысление нетерпением, накрыло Пекарика с головой: «Не отвечает... занят. Ладно... позвоню позже». Нарастающий шум в коридоре застал профессора врасплох: надеялся, что есть еще время поразмышлять. Оказалось – нет, не смотря на большую перемену. Должен зайти Руман: они собирались посвятить в суть эксперимента Ивана с Ромкой. Надо подумать и решить – когда удобнее будет встретиться. Подумать, как объяснить им то, что понять почти невозможно. «Но без них... а особенно без Ивана – никак: реаниматолог точно может понадобиться – чем черт не шутит. А Ромка зачем? – Пекарик на секунду задумался, – Мало ли зачем? Да и кого еще, как не его?» Мысль о друзьях детства всколыхнула чувства: «Говорят – в детстве, как на войне. А ведь и правда. Если ты трус – это не секрет ни для кого. Если не порядочен, если дорожишь собственной шкурой больше, чем принципами дружбы...» На душе, только что жестко и беспринципно рассматривающей жизнь подопытного кролика, потеплело. Что-то давно забытое всколыхнулось в ней. «Ая-яй, Венечка», – очень четко услышал вдруг голос матери, уже порядком забытый, даже холодок по темечку пробежал, появилось ощущение стянувшейся кожи и ошетилившихся волос: «Да-а... вот он – результат работы ядерных конструкторов». Откуда-то выплыли слова сказки, видимо из того же слоя памяти – «высоко сижу, далеко гляжу», и прошлое стало входить в

сознание разными голосами. «Да-а, – сновава вздохнул Вениамин Петрович, – всколыхнул болото...»

– Декан на месте? – послышался из приемной голос Румана.

– Да, Михаил Моисеевич. Проходите. Он вас ждет.

Дверь приоткрылась, впустив вопросительно улыбающуюся голову Румана.

– Привет, Вениамин Петрович.

– Привет! Проходи, Мишель. Присаживайся, – кивнул Пекарник.

– Благодарю... – Руман уселся в кожаное кресло, оставленное от прежнего интерьера, «выбросить» которое у декана «рука не поднялась», – Ну что? Предложения по поводу чашечки кофе я, наверное, не дождусь... – с наглой улыбкой заявил он, махнув рукой, – Вень, скажи – ты хоть что-нибудь придумал? Как нам... им... нарисовать всю эту картину?

Вошла Леночка, принесла кофе.

– Вот как? – виновато удивился Руман и взял из ее рук чашку, – Спасибо, Елена Дмитриевна.

Когда за ней закрылась дверь, хотел было извиниться перед хозяином кабинета, но не успел.

– Оставь, Миша, – отмахнулся Вениамин Петрович шутиливо.

– Ладно, – все же в тон настроению съехидничал тот, – спасибо за то, что оставляешь меня с чувством вины, не даешь извиниться. Да, а ты чего? – показал на чашку.

– Не хочу.

– Хозяин – барин. Ну что? – вернулся он к своему вопросу. И, не дожидаясь ответа, добавил, – Ну, Ивану, я полагаю, проще будет объяснить: что к чему. Это – почти как мне. А Ромке? Я не представляю... он, конечно, пацан начитанный...

– Ты знаешь, – перебил его Пекарник, – может оказаться, что Ромке гораздо проще все будет объяснить, чем Ваньке. Ванька – врач. Для него человек – мясо. И это мясо живет за счет деятельности нервной системы с головным мозгом. Конечно, он до конца так не думает, но академическое образование все же его портит.

Руман удивленно посмотрел на Пекарника.

– Ты хочешь сказать, что я не прав? Что Ромка со своим филологическим образованием, проще поймет такие вещи?

– Да, Миша. Ты же помнишь его хобби?

– Ты имеешь в виду фэнтэзи?

– Да не фэнтэзи, а фантастику...

– По мне – что в лоб, что по лбу, – успел вклиниться в короткую паузу Руман.

– Притом научную фантастику. Человек, который читает такое, проще уходит от стереотипов своего времени. Его сознание более мобильно. Понимаю: если человек, конечно, начинает путать виртуальность и действительность, это диагноз. Но что есть что в этой жизни? Миш, давно ли ты сам не имел понятия о том, о чем свободно и со знанием дела го-

воришь? Да мне кажется – у тебя и сейчас иногда возникает мысль – «а не дурак ли я?». Признавайся, Руман! – засмеялся он, – Бывают сомнения? – Пекарник бесцеремонно, как будто застукал того за чем-то постыдным, посмотрел ему в глаза, – Ну?! – подбодрил он его.

– Ну, бывают, – отмахнулся Руман, – Ну, и что? Тем не менее, я же поверил тебе? Пусть не сразу, – изобразил он голливудский оскал, – Но все же поверил?

Захотелось, как в юности, пошутить – сказать: «Ах ты, морда жидовская! А как играл-то хорошо!» Но не сказал: что-то остановило.

– Ладно, прощаю, – изрек нарочито недовольно Вениамин Петрович. Он сидел на углу стола. Одна нога на полу. Другая – болталась исподволь. «Чертей качаешь, Венечка?», – вспомнилось из детства. Поймал себя на мысли, что не контролирует поведение, что при ком-то другом так бы себя не вел. «Ну и что, что не могу высказать другу то, что раньше говорил свободно. Проклятые знания! Это ж какая сволочь сказала, что после сорока у человека обостряется этническая идентификация?»

Пекарник пересел в кресло.

– Вот, Миша, и получается, что понять – кто и чего стоит – мы сможем, только поговорив с ребятами. И я думаю, что мудрствовать лукаво не стоит. Давай просто соберемся у меня, когда все смогут, и поговорим. Думаю, двоим поверят быстрее. Ну, пусть и не сразу... – не удержался – передраз-

нил Румана.

Оба расхохотались.

35.

В конце ноября обильно пошел снег. Как всегда, зима пришла неожиданно. Еще вчера сухая и чистая кольцевая дорога, не обработанная химреагентами, увлажнилась. Каких-то пять градусов не смогли проморозить дорожное полотно, нагреваемое постоянно двигавшимся транспортом – снег на нем таял. Но эти же пять градусов прихватили виадук. Там влага, еще не «улучшенная» химреагентами, замерзала, наращивая ледяную корочку. На дороге появились поврежденные машины с включенной аварийной сигнализацией, ожидавшие автоинспекцию. А значит, появились километровые пробки.

Движение замедлилось. Средняя полоса, правда, кое-как еще двигалась, но чаще стояла. Вениамин Петрович включил радио, чтобы хоть как-то скрасить ожидание. Приходилось постоянно – то трогаться, то притормаживать. Посмотрев на часы, приглушил звук приемника, и набрал Савина – предупредил, что задержится. Наконец, в левом ряду показались «закипевшие», с открытым капотом «Жигули», создававшие пробку. За ними стало вольготнее: удалось перестроиться вправо и в просвет между фурами выскочить с кольцевой. Повернув налево и проехав под мостом, Пекарик, наконец, снова оказался в черте города. Здесь все было несколь-

ко проще. Но пока доехал до «Сити Групп», видел две аварии. В одном месте – на асфальте – лежал под покрывалом человек. Голова и туловище накрыты, а ноги – нет. И одна – почему-то без ботинка.

К Савину он попал с часовым опозданием.

– Присядь Вениамин Петрович. Посиди пять минут. Сейчас я закончу.

У Игоря оказался посетитель – молодой человек, которого тот почти тут же выпроводил. Пекарику показалось, что его приходом даже воспользовались для этого.

– Приходил устраиваться на работу. С улицы... – он развел руками, – Святая простота. В охрану он, видите ли, хочет. Доложили, что по личному вопросу. Ну я и разрешил проводить ко мне. Это тебе не супермаркет, деточка, – поправляя стопку бумаг на столе и обращаясь к виртуальному собеседнику, возмутился Савин.

«Вот тебе на, – отметил профессор по тому, как Игорь Николаевич среагировал на ситуацию, – Вот тебе и госбезопасность».

– Слушай, Вениамин Петрович, давай перейдем через дорогу. Здесь кафе есть неподалеку. Пойдем туда, – Он поднял руки и обвел пространство вокруг себя, – Очень хочется выпить чашечку кофе.

«Что это – обжегшись на молоке, на воду дуют?» – пришла мысль.

Они вышли из кабинета, спустились по лестнице и вышли

через турникет на улицу.

– Сам понимаешь, я еще ни в чем не уверен.

– Да-да, понимаю, – Вениамин Петрович глубоко и легко вздохнул, – Как красиво!

Снег продолжал обильно покрывать землю.

– Чудная погода. Ни ветра, ни мороза, – поддержал Игорь Николаевич.

– Так я назад точно не доберусь, – Пекарик засмеялся, выставив руку. Будто собирался ловить снежинки.

Обойдя стоянку, они вошли в аллею деревьев, словно в узкий длинный сквер, где через полупрозрачную пелену снега все эти белоствольные с темными ветками шеренги напоминали акварель. Прошли метров двести и, повернув, почти сразу же перешли на другую сторону улицы: почти не стояли на светофоре, быстро переключившемся на «зеленый».

– Сегодня такой день у меня... – заговорил после паузы Савин, – Сначала двое из моих людей – из молодых – проявили несогласие с моим решением. Я так мыслю – неспроста. Помнишь, я тебе говорил об этом? Видимо, они по неопытности озвучили чью-то уверенность, что я здесь не задержусь... – он усмехнулся, – Наивные!.. Веня! Надо срочно нам с тобой проделать то, о чем я говорил. Буквально – завтра... ну, послезавтра, – Игорь Николаевич задумался на несколько секунд, – А ты-то что хотел, Веня? Извини, дорогой, – спохватился он, вспомнив, что инициатива – встретиться сегодня не его. Но Пекарик ответить не успел: они подошли к

деревянной, окованной железом, двери под таким же – кузнечной работы – козырьком.

– Ну вот. Пришли... заходи, – пропустил Савин Вениамина Петровича, распахнув перед ним дверь.

Они разделись, и только успели разместиться, как подошел официант. Сделали заказ и, наконец, остались вдвоем.

– Ну... давай, говори, – Савин посмотрел вопросительно. Пекарик помедлил немного.

– Мне тоже нужна твоя помощь.

– Что случилось, Веня, – насторожился Савин.

– Понимаешь... нужно видео и аудио наблюдение за одним моим знакомым. Его родители – мои друзья. Уехали работать за границу. Сын здесь остался. А я – вроде куратора. Боюсь, чтобы в наркотики не вляпался...

– Вень, проснись, – перебил Савин, – Если захочет, как ты его остановишь?

– Да знаю я все, Игореша, но ты и меня пойми, – развел руками Пекарик, поймав себя на том, что уже вошел в роль.

– Понимаю. Без вины виноватый. Знакомая ситуация, – Савин задумался на несколько секунд. Потом внимательно посмотрел на Пекарика, – Вениамин Петрович, а ключи у вас от этой квартиры есть?.. Да вижу: нет у тебя ни хрена, – он поднял руку, останавливая позыв Пекарика что-то сказать, – А ты знаешь, как это квалифицируется в уголовном кодексе? Ты вообще-то понимаешь, что это уголовщина?

– Игорьь, я что – мальчик? Конечно, понимаю. Поэтому и

обращаюсь к тебе, а не к чужому дяде... – Савин не перебивал, – И потом... в любой момент, если вдруг прокол, я сообщу ему, что это я сделал. По просьбе его родителей. И все. Нет, он, конечно, повозмущается, но до заявления дело точно не дойдет. А тебя это и вовсе не коснется.

– Умеешь ты уговаривать, Веня... Петрович, – Савин неожиданно хохотнул, – Видишь, как я тебя уважаю – отчетство само на язык просится.

– Вот он – Игорешка образца второй половины восьмидесятых! Узнаю... – восклицание получилось настоящим. Даже хотелось добавить «паршивца». Но в последний момент переиграл – не сказал. «Опять страж порога вмешался: что положено Юпитеру, не положено быку. В отношении меня получается, что Юпитер рано или поздно превращается в быка? Сначала все можно. А потом все больше нельзя. Здорово!» Поймал себя на мысли, что пропустил часть того, что говорил собеседник. «И переспрашивать как-то неудобно. Но, может, что-то важное?»

– Игорек, что-то меня переключило. Не могу сосредоточиться. На какое-то мгновение в глазах потемнело. О чем ты сейчас говорил? Повтори, пожалуйста.

Савин внимательно посмотрел на Пекарика.

– Тебе плохо, Веня? Может...

– Нет-нет, – перебил Вениамин Петрович, – Все в порядке. Просто отвлекся на это и не уловил последнего...

– Да, в принципе, ничего такого. Мне нужен будет распо-

рядок дня твоего протеже. Это первое. И второе – адрес. Мы с тобой завтра-послезавтра проделаем мою работу, а потом сразу же твою. Твоим делом будут заниматься те же самые ребята. Буквально завтра ты с ними познакомишься, – Савин посмотрел на часы, – Ну, вот и все на сегодня, Веня. К сожалению, мне пора – труба зовет, – он дал знак официанту.

– Плачу я, – сказал Пекарник, увидев, что товарищ потянулся к внутреннему карману, – Все просто, – остановил пытавшегося возмутиться Игоря, – Я просил о встрече – я плачу.

– Как знаешь, – бросил, отодвигая стул и улыбаясь, Савин, – Логика у тебя железная.

36.

Уже засыпая, подумал об университете. «Пора бы уже и показаться на светлые очи...» Образ декана заполнил сознание. Засосало в районе солнечного сплетения. То ли ответственность проснулась. То ли страх за пропуски. А, может, совесть локализовалась в этом месте? Потому что Пекарника сменила мама – посмотрела укоризненно. Дремота, уступив напряжению, постепенно сошла на нет. «Завтра точно схожу». Поколебавшись, он даже встал и активировал будильник в телефоне. Пришло успокоение, как это бывает после принятия решения. И Александр, наконец, дал волю телу. Оно расслабилось, бессознательно нейтрализовав духовное напряжение. Почти сразу вернулось ощущение удовлетворе-

ния жизнью. «Как же здорово!» Его вдруг захлестнуло чувство благодарности. К собственному телу. К телу женщины, только что нежившему в себе его плоть. К ней самой, такой маленькой и беззащитной. К этому миру с его радостями и печалью. И даже к Богу, чей иконный образ появился перед глазами, но тут же был горделиво отвергнут. «Что-то меня клинить начинает, – улыбнулся он сам себе, – Мракобесие какое-то средневековое... Бог – Вселенная? Понимаю. Бог – энерго-информационное пространство? Да. Но старик на облаке?» Продолжая улыбаться, Александр стал то ли проваливаться, то ли взлетать куда-то. Тело становилось невесомым как пушинка. И он уже не понимал – тело ли это вообще, настолько оно казалось нереальным.

Ему что-то снилось в эту ночь. Дважды он даже проснулся на пару секунд, ощущая жар и влажность тела. Но снова мгновенно засыпал, чтобы поутру уже почти ничего из ночной жизни не вспомнить. Кроме одного. Декан приснился. Еще до первого пробуждения. Это даже и не сон как будто – так все четко и невероятно для сна происходило. Все помнилось до мельчайших деталей. Все. Даже чувства Пекарика. Как будто Александр, пульсируя, то становился профессором, то вновь – самим собой. Странное ощущение единства. Моментами в него входили мысли Вениамина Петровича. Сначала по поводу курсовой работы. А потом, по его решению – играть. «Одумайся, – по-отечески предупреждал Пекарик, при этом не шевеля губами, – Одумайся, по-

ка не поздно. Это кармический капкан. Тупик для нынешнего цикла существования». Шокированный таким пассажем собственной психики, Александр пришел в себя на какое-то мгновение и понимая, и не совсем понимая, о чем идет речь. А потому решил оставить все до утра: «Вспомню – подумаю об этом». Глазные яблоки подкатились слегка вверх, и он снова покинул пределы обыденной реальности.

Второй раз Александр проснулся и заснул перед самым звонком будильника. И потому его не услышал. Слабый свет, проступивший сквозь реальность заканчивавшейся ноябрьской ночи, высветил плавные очертания предметов в комнате. Они становились все четче по мере прибавления его интенсивности, теряя свою идеальность. Их обычный вид как будто лишался чего-то таинственного и потому привлекательного. Свет стал проникать сквозь веки. И это подспудно стало тревожить. Сознание, откликнувшись на призыв, стало возвращаться на свое место. Что-то усиленно пыталось преодолеть порог сознания. Открыв глаза и увидев, что уже достаточно светло, Александр сразу все понял – универ накрылся и сегодня. Стало немного грустно. «Опять не сделал того, что должен». А в то же самое время почувствовал облегчение, как бывает, когда откладываешь что-то неприятное на потом, и тем самым как бы даешь себе маленькую передышку от терзаний совести. Но не успело сердце насладиться этой радостью, как на него навалилась другая проблема – отсутствие средств. Встал и обреченно поплелся в туа-

лет.

Когда вернулся, Лера уже лежала с открытыми глазами.

– Доброе утро, Сашенька.

Она улыбалась – хороший знак. Но только он запахнул одеяло, как она выскользнула из-под него с другой стороны со смехом – ну, как не подразниться.

– Лер?! – воскликнул отчаянно Сашенька, приподнявшись на локтях.

И она, посмотрев на него как-то по-новому – наверное, даже нежно, прошептала:

– Я сейчас.

Это настолько поразило, что он откинулся на подушку. «Что это было? Неужели вчерашнее согласие на игру так подействовало? А что же еще?» Опять пришли мысли о том, что его разводят, подкрепленные ночным предупреждением профессора Пекарика о кармическом капкане. «А вдруг – правда? Я же когда-то читал о кармических узлах. Может, это оно и есть?» Александр стал перебирать какие-то факты, предлагаемые памятью. Но тут же окончательно запутался. Структура матрицы, только что казавшаяся понятной, и к тому же объяснявшая все глубинные пласты реальной жизни, вдруг показалась такой примитивной и наивной, что захотелось выругаться – так глупо выглядел он в собственных глазах. Послышался шум воды. Потом щелчок язычка в замке двери ванной комнаты. И голенькая Лера с сияющим лицом юркнула под одеяло. Повернулась спиной, прилепившись к

его груди и животу и приложив свои холодные ступни под его колени.

– Ну и ледышка же ты! – Александр обнял ее, обхватив ладонью упругую грудь. Все, только что тревожившее, исчезло. Пропало. Как будто его никогда и не было.

– А что, Дарский, слабо женщину отогреть? – она слегка дрожала, – Ну так вот тебе, – Лера быстро повернулась к нему лицом и холодными руками уперлась в живот.

– Ух, ты! – воскликнул Александр, делая резкий вдох, – Ты что? Хочешь, чтобы у меня сердце остановилось?

– Хочу! Специально подержала руки под холодной водой, – она стала дурачиться.

– А-а, ты так? – подстроился он под ее настроение.

Сжал ее и стал целовать во все, куда попадал – в губы, нос, щеки, глаза. А она, только что такая напряженная, стала оплывать в его руках, подчиняясь не своей воле, чтобы потом, когда они станут одним целым, снова вернуться к напряжению в синхронном пульсирующем ритме, олицетворяющем саму жизнь в ее размеренном ускорении. До самого конца. До символических – смерти и возрождения, где очередной цикл закончится, но неизбежно начнется новый.

37.

Через три дня в квартире Александра Дарского умельцы Савина установили несколько объектов наблюдения – вэбкамер и микрофонов: в прихожей, кухне и двух жилых поме-

щениях.

Сделав техническую гребенку и причесав ею отдел безопасности, Игорь Николаевич и Вениамин Петрович остались довольны и собой, и работой. Первый – потому что получил то, что хотел. Узнал – кто лоялен по отношению к нему, а кто – нет. А второй – и потому, что помог товарищу, и потому, что теперь пришла и его очередь получить желаемое.

Профессор Пекарник дал поручение Леночке – перенести две его лекции на другие дни и в четверг с утра стал ждать гостей.

Ровно в десять часов утра, как и было назначено, в дверь позвонили. «Пунктуальны», – подумал Вениамин Петрович, идя открывать.

– Добрый день, – на пороге в клетчатой куртке с капюшоном стоял парень неопределенного возраста. «Один из тех двоих, – понял профессор, – о которых говорил Савин, и с которым прошлый раз познакомиться не удалось». По первому впечатлению – особенно по одежде – парню можно было бы дать от двадцати и до тридцати. Весь его вид, вместе с линзами очков и схваченными сзади резинкой удлиненными волосами, выдавал в нем человека творческого, и к тому же – свободного художника.

– Я от Игоря Николаевича, – парень протянул руку, – Иван. А вы, я так понимаю, Вениамин Петрович?

– Да-да... – ответил на рукопожатие Пекарник, – Проходи-

те, пожалуйста.

Парень сбросил куртку, передав ожидавшему хозяину.

– Где ваш инструмент? – спросил он.

– Какой инструмент? – не сразу сообразил Пекарик, – Аа, ноутбук? – переспросил, вешая куртку, – Проходите сюда – в кабинет...

– О-о, сколько у вас литературы! – воскликнул гость, бросив взгляд на уставленные книгами полки по трем высоким стенам комнаты. В возгласе чувствовалась неподдельная искренность. И Иван к своему нейтральному виду и положительному потенциалу, который приобрел в глазах профессора, будучи человеком Савина, добавил еще один плюсики.

– А вот и он. Вы присаживайтесь, – Пекарик откатил стул от своего под зеленым сукном стола, приглашая гостя на место хозяина.

Иван начал быстро, всеми пальцами работать на клавиатуре, не притрагиваясь к мышке, которой Вениамин Петрович пользовался, потому что не любил тачпад. При этом гость что-то еще и объяснял хозяину на полу понятном языке. «Точно – программист. Такой прыти мой ноутбук еще не видел, – у Пекарика аж дух захватило, – Впечатляет». Через какое-то время Иван закончил и полез в свою удивительную, сплошь состоящую из карманов сумку. Достал оттуда сумочку поменьше – с дисками, похожую больше на книжку. Полистал ее. Вытащил нужный. Вставил в оптический привод, при этом снова что-то стал объяснять. Вениамин Петрович

поймал себя на мысли, что ведет себя как жертва цыганских манипуляций: «Визуально и аудиально я уже под гипнозом. Только тактильного контакта не хватает – поглаживания по ручке». У очкастого манипулятора зазвонил телефон.

– Да, Женя?.. Ты на месте?.. Сложности с замками были?.. Да, я готов... – он отложил телефон. Пальцы снова, как крабы по прибрежному песку, забегали по клавиатуре.

В комнату ворвался знакомый по работе у Савина голос Жени:

– Ну, где ты там?

– Все, – выдохнул Иван, – Подключился. Вижу... и слышу тебя с микрофона хорошо...

– Как ракурс по камерам?

– Ракурс? Да нормальный... можно, разве что, подправить... в большой комнате.

В динамиках послышались шаги.

– Куда?

– Чуть выше... да-да, все – хватит. Давай еще по комнатам быстренько проверим микрофоны, и можешь уходить, – он посмотрел в сторону напряженно, но терпеливо ожидавшего Пекарика и улыбнулся, – Профессор, вы можете подойти поближе. Посмотрите, пока есть объект.

Вениамин Петрович зашел за спину программиста. Экран, расчерченный на несколько прямоугольников, показывал разные картинки. На одной из них – вверху – виден был Женя. «Чуть ли не копия Ивана. В очках. С хвостиком

волос. Такого ткни пальцем, и он упадет», – проскочило в сознании.

– А что – если хозяин вернется? – машинально спросил Пекарник.

После короткой паузы, когда по порозовевшему затылку, чувствовалось, как сдерживаются эмоции, Иван все же коротко засмеялся. Видимо, разгадал ход мыслей Пекарника.

– Не волнуйтесь, профессор. В машине у подъезда сидит человек – с рацией. А Женя... специалист по джиу-джитсу. Ему – опустить края шапочки, чтобы не узнали, и лишит человека сознания на несколько минут – дело плевое. Так что ваши волнения беспочвенны.

– А я думал, что это сказки киноиндустрии, – Пекарник успокоился, – А вот, Иван?..

– Да, профессор? Если есть вопросы, задавайте.

– Звук?

– Что? Слишком громко? – Догадался Иван, – Вот, смотрите... – он нажал на клавишу, – А вот на эту... – снова нажал.

– Понял. Эта – тише. Эта – громче.

– А если захотите вывести одну из картинок на весь экран, сделаете вот так... – он навел курсор на один из кадров и, притронувшись, наконец, к мышке, два раза нажал на левую клавишу.

– Здорово! А я бы даже не догадался спросить.

– Все, профессор. Путь и код доступа, если что... вот, –

он «сбросил вниз» квартиру Дарского, – Диск «D»... вот под этим значком... – посмотрел на Вениамина Петровича, – Все понятно? Справитесь?

– Да, – коротко отчеканил Пекарик.

– Все, что от нас зависело, мы сделали, – Иван сложил в сумку все в обратном порядке. Встал со стула и вышел из-за стола, – А по сему – разрешите откланяться, – он весело улыбнулся, видимо, пришедшей на ум фразе, – Если что, набрайте. Телефон у вас есть...

– Да-да, спасибо огромное. Чем я обязан вам?

– Это вопрос к полковнику. Не к нам.

– Прекрасно, – резюмировал Вениамин Петрович, – Может, чашечку кофе?

– К великому сожалению, не получится. Думаю, что мои коллеги уже подъехали и ждут, – Иван накинул куртку, – За приглашение спасибо. Всего хорошего, профессор.

Вениамин Петрович поспешил отреагировать, повернув запор и открыв перед гостем дверь.

– До свидания, Иван. Еще раз спасибо вам.

38.

Около часа Вениамин Петрович просидел у экрана, изучая статичную картинку. Внимание постоянно прыгало из комнаты в комнату, сканируя интерьер и находя все новые и новые детали. Что-то в этом было. Профессор прислушался к своему внутреннему состоянию. Любопытство к чужой

жизни, скрытой за рамками допуска? Вот он – предел. А дальше нельзя? Дальше – тайна? «Почему я не могу видеть того, что скрыто под личиной? Мне ведь всегда – особенно в юности – хотелось сравнить: а так ли у меня? Особенно, когда что-то делал... ну, так скажем, не по совести, когда душа болела. Так хотелось уличить и других в том же самом, оправдать себя, продемонстрировать этой высасывающей внутренности боли, что я не хуже. Казалось, что тогда станет легче». Вениамин Петрович ощутил беспокойство. «Да, конечно! – ответил на свой немой вопрос, – Конечно, и это не по совести. Но я не питаю иллюзий с некоторых пор. И знаю, что делаю». Он снова стал разглядывать детали картинки, пытаясь угадать некоторые из них, казавшиеся непонятными. Вспомнил о функции приближения. Вывел один из фрагментов на весь экран. Оказалось – это статуэтка: небольшой слоник, уши которого разрисованы под бабочку. «Придумают же», – усмехнулся Пекарник. Он вернул экран в прежнее положение, сделав доступным вид всей квартиры.

Ожидание движения на статичном экране затянулось. Просроченный результат потребовал дополнительной энергии. Пришла пора появиться некоторой доле разочарования. И не потому, что ничего не происходит вообще. А потому, что не происходит сейчас, когда хочется. «Вот оно – подсознание. Дай – и все. Казалось бы, столько лет я его усмиряю. Ан, нет... сначала надо испортить кровь. Завести нейро-гуморальную регуляцию по-своему... чтобы она подбросила в

сосуды яду. Привела к отвратительному состоянию в душе. Дала почувствовать горечь поражения перед животной природой. Перед туловищем. Как будто по другому – ну, никак».

Мысль о собственном туловище, вытащила из бессознательной тьмы образ Дарского. За ним – напоминание о встрече с друзьями, назначенной на сегодня. Вот теперь пришло настоящее разочарование. Не из-за того, что это отвлекало от информации, которую ожидал получить. Все проще: в который раз наступал на те же самые грабли, проживал одно и то же. И рецидив, накапливаясь, начинал раздражать.

Когда профессор Пекарик уже собирался покинуть свой пост – отодвинулся и стал разворачиваться на стуле, боковое зрение уловило на экране легкое движение. «Показалось?» Не сопровождаемое звуком движение казалось иллюзорным. Но сердце уже успело екнуть, а железы внутренней секреции отреагировать должным образом. Вениамин Петрович вернулся глазами к картинке. Ничего. И тут – снова в верхнем левом углу экрана что-то шевельнулось. Зрение мгновенно отреагировало на движение. «Котяра? Откуда он? – примитивно отреагировало сознание, – Как я его раньше не разглядел? Спал, наверное, где-то? Странно, что он не отреагировал на Женю. Хотя – что тут странного? Сытый, поди, был. Иначе, выполз бы». Из динамиков донеслось почти неслышимое шуршание сухого кошачьего корма. «Ну, вот и весь секрет».

Увлечшись наблюдением за животным, Вениамин Пет-

рович совершенно забыл о том, что у него будут гости. А вспомнил – потому что в кармане завибрировал, а потом и заиграл «семь сорок» телефон. «Миша? – машинально посмотрел на часы, – Не слишком ли я заигрался? Да нет: семнадцать тридцать пять. Все нормально: лимоны и маслины у меня есть, есть сыр. Прекрасно».

И еще, после того, как перебросился с Руманом парой слов, до половины шестого просидел у экрана. Сначала наблюдая кошачью трапезу. Потом ожидая полосатое безобразия из-за приоткрытой двери туалета, которая просматривалась камерой из прихожей. Потом увлекся тем, как животное искало место и укладывалось, выискивая нужную позу. Затем стал ждать, что «вот-вот, вот-вот... может, хоть на минутку зайдет – переодеться, например».

Наконец, не выдержал. Пошел на кухню. Нарезал все, что было, и поставил в холодильник.

Без десяти шесть раздался звонок в дверь.

– Кто-нибудь уже пришел? Или я первый? – Михаил Моисеевич вытянул шею, как будто это могло помочь ему увидеть кого-то, кто находился в комнатах или кухне.

– Первый, первый, – успокоил его, усмехнувшись, Пекарик, – Никто тебя не обошел. Как можно? Да и кто посмеет: кому нужен конфуз в конце скандала? – не удержался.

– Слушай, мужик, тебе не надоело прикалываться? – Руман передал ему бутылку коньяку и, передразнил улыбку, по привычке изобразив голливудский оскал. Тут же сгруппиро-

вался в боксерскую стойку, показал левый боковой и ткнул легонько хозяина в плечо, – Думаешь – с меня смеешься? С себя, дорогой мой...

– Да ладно, Мишаня, отвянь. Кому нужно с тебя смеяться, тот пусть и смеется. А мне зачем? Чтобы на твой кулак боксерский нарваться? – засмеялся Пекарник: настроение встречи компании детства и юности уже начинало действовать. Когда они даже просто были вдвоем – как говорится, без галстуков, похожее состояние уже появлялось. Но апогея оно достигало только тогда, когда собирались все четверо. Только тогда прежние отношения восстанавливались полностью. Скорее всего, университетская субординация слегка сказывалась в отношениях один на один. Сейчас же, состояние молодости, длившееся большую половину жизни, уже сквозило между ними и давало повод Михаилу Моисеевичу посылать к черту такой краткий период какой-то административной иерархии.

Не успел Вениамин Петрович отвлечь надоедавшего вопросах Румана, попросив его откупорить бутылку, как в дверь снова позвонили. Жук и Ромашка – лицо к лицу – блинообразно улыбались в глазок.

– It's me, – послышался голос уловившего, что на них смотрят, Ивана, – Ромка, да ты посмотри на этот отвратительный глаз. Нет, ну ты понял? Нам здесь совсем не рады.

Вениамин Петрович распахнул дверь.

– А то ты мой глаз видел? Рады, рады. И тебе... и не впол-

не трезвым реаниматологам тоже.

Подошел Руман. Они обнялись по очереди, похлопали друг друга по плечам: давно – около полугода уже – не собирались вместе. Пекарик вдруг ощутил это мгновение. Без мыслей. Без осознания момента. Как-то мимолетно. Но как-то очень уж сильно. «И кто сказал, что после сорока усиливается этническая идентификация? – пришло, наконец, и осознание, – Кто сказал, что эта идентификация начинает разделять родственные по-человечески души? Может, у кого-то и да? Но только не у нас. Мишка, вон, еврей, я белорус, Ваня русский, Ромка украинец... да какая нам разница – кто есть кто? Мы – близкие люди. Мы друзья детства, друзья юности: можно сказать – братья». Он смотрел на отчасти седеющих, отчасти лысеющих мужчин, а видел в них все тех же пацанов, собравшихся на очередной ни к чему не обязывающий сабантуй. Просто так. Повеселиться. Пообщаться с теми, с кем приятно.

Сначала, как водится, говорили обо всем и ни о чем. Выпивали. Закусывали. Потом Вениамин Петрович очень многозначительно посмотрел на Михаила Моисеевича: пора.

Руман поднялся со стула.

– Пацаны! – Ванька и Ромашка подняли головы, – Вы думаете – мы сегодня собрались просто так? – он посмотрел на них, а потом – на Пекарика. Как бы ища поддержки.

За столом возникла пауза.

– Дней рождений у нас сейчас, вроде как, нет... – удив-

ленно пожал плечами Ромашка, – ни у кого... мы же, вроде, так собирались? Просто...

– Так я вам скажу – нет, – закосил под одессита Руман, – не просто. Мы собрались, что Венику нужна наша помощь. Тихо! Сейчас я сформулирую... – зачем-то предупредил он, хотя никто ничего не собирался говорить: «пацаны» смотрели на него с недоумением. Еще не наступила за столом та фаза, когда, чтобы ты ни сказал – все воспринимается как само собой разумеющееся: то ли это банальное – набить кому-нибудь физиономию, то ли фантастическое – слетать в Лондон на прием к королеве.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил Роман, потому что пауза затянулась, – Ты так говоришь об этом, как будто Венька непонятно где. Он же здесь... так пусть он сам скажет...

– Конечно, – расслабленно поддакнул Иван, – Говори, Венья: ща пойдем порвем всех к едрени фени...

Пекарику вдруг стало тоскливо. «Как можно говорить о серьезных вещах в такой обстановке? Не-ет, только не сегодня. Гуляем! Все потом».

– Пацаны, тема архи серьезная, но... – Вениамин Петрович поднял указательный палец, – Она совершенно не требует того, чтобы мы обсуждали ее именно сегодня. И мало того, я думаю, что именно сегодня... – он выделил последние слова и затем сделал небольшую паузу, – ее нужно оставить. Пока забудем о ней.

– Не-ет, – перебил его Иван, – Ну ты даешь, Венька! А у нас что – теперь получится? – у Пекарика появилось ощущение, что Иван преобразился. Только что был расслаблен, и уже – нет, – Ты не прав, Веня. Если у тебя проблемы, давай – делись. Мы же не чужие. Когда Мишаня позвонил мне... о! – он тоже, как и Пекарик, продемонстрировал свой палец, как будто что-то вспомнил, – Когда Мишаня позвонил и сказал, что собираемся у тебя, я тогда уже по голосу понял, что что-то не то. Мы же не мальчики: можем и между строк читать...

– Да-да, Веня, я тоже что-то уловил в Мишкиных интонациях... – вспомнил и Роман.

Чувства Вениамина Петровича вознеслись куда-то очень высоко. Всякое видел, но это почему-то поразило.

– Спасибо, ребята.

– За что? – просто спросил Иван.

– А вот за это, – посмотрел на него Пекарик, – За чуткость...

– Да брось ты слюни пускать, Веник. Какая, к черту, чуткость? – смутился Иван, – Давай, лучше выкладывай, что там у тебя случилось.

Разошлись – ближе к двенадцати. Сейчас всех нюансов беседы – спроси – Вениамин Петрович и не вспомнил бы, настолько взбудоражен был мозг, хотя сам и не пил. Сознание пульсировало. То, что происходило до того, помнилось как реальность. «А то, что в процессе... как иллюзия. В ка-

ком-то тумане». Договорились встретиться на днях, по сигналу Пекарика – обсудить, уже исходя из того, как говорил Жук, «что узнает Веник из того, что подсмотрит». А самое главное, что принесло Вениамину Петровичу сегодняшнее общение, что остро испытал сегодняшним вечером, это щемящее чувство солидарности. Пусть даже и со скидкой на присущую в данной ситуации сентиментальность. Сегодня он по-настоящему постиг принцип клановости: его друзья ради него могли пойти на все. Как в глубокой древности: племя потомков орла шло на потомков медведя, чтобы победить. «А победив, – не сдержал улыбку, – победив, сожрать сердце или печень побежденного, вобрав в себя лучшие качества того, к кому питаешь уважение и кого считаешь достойным противником».

39.

После завтрака Лера позвонила Вадиму. Они долго и бестолково болтали о чем-то не связанном с делом. Лера при этом часто смеялась, и больше поддакивала или возражала, чем говорила. Александр стал нервничать, а потом просто ушел в другую комнату: включил телевизор, чтобы отключиться от темы.

Минут через двадцать подошла и села рядышком, обвив левой рукой его шею и загадочно улыбаясь, Валерия.

– Ну? – сурово спросил он, словно не хотел слушать, что ему собираются сказать.

– Ну, что «ну», Саша? – обиделась Лера, – Предлагают встретиться на нашей территории. Чтобы никто не мешал. Вадим говорит – мало ли что. А у тебя – тишь да благодать. Квартира не засвеченная. Ни тебе бандюков залетных, ни ментов любопытных.

– Ну, и на хрена мне все это? – Александр снова занервничал. Он уже готов был возненавидеть ее: «Сколько дерьма вместе с ней приплыло!». Уже хотел сказать – нет! ни за что! Но она вдруг, как будто почувствовав угрозу отречения, пересела боком ему на колени, обхватив за шею обеими руками. Прижалась как ребенок.

– Дурачок ты! Нам же лучше.

– Ну и чем же? – в голосе все еще сквозил вызов, но уже – чувствовалось – не серьезный.

– Безопасней, – ответила Лера и добавила, – С точки зрения развода.

– Да? – в голосе Дарского появилась шутовская язвительность.

– Да, Сашенька, – подыграла и она.

– Ты думаешь? – он поцеловал ее в шею.

– Да – думаю, – она автоматически начала гладить и ерошить его волосы, зажмурившись. А он стал вбирать в себя ее нежность, многократно усиливать собой, нейтрализуя раздражение. И вдруг почувствовал, что захлебывается, накрытый волной все заполнявшей чувственности. «О, женщина, – пронеслось в сознании, – что же ты со мной делаешь?»

Уже лежа в спальне, уставшие, решили, что соберутся не сегодня – завтра, и Лера отзвонилась Лысому.

На этот раз говорили недолго.

– Ну что? – Александр замер в ожидании ответа.

– Сказал: хозяин – барин... завтра так завтра, хотя они уже сегодня были готовы...

Дарский внутренне спонтанно усмехнулся. «Они уже, видите ли, готовы. Гиены! – хотел было это озвучить, но что-то его остановило, – Крови моей хотят поскорей напиться?» Он кисло улыбнулся, вдруг осознав, почему не сказал. Нет доверия настоящего. Да и не настоящего нет. Оно, вроде, и есть. Но какое-то не такое. Это не то, чтобы недоверие. Это, скорее, уверенность, что такие, как Лера, остаются с победителями. Если ему нечего будет ей дать, она уйдет к тому, кто это сделать сможет. «И дети у таких появляются не от большой любви. А от тех, кто может что-то дать. Наверное, это правильно? На женщинах – по сравнению с мужчинами – лежит гораздо больший груз ответственности. Они – хранительницы не только родов, но и вида в целом».

Решили лечь пораньше, чтобы выспаться – завтра предстоит игра. Но как всегда завозились, пока не выбились из сил.

На следующее утро, еще толком не придя в себя ото сна, Дарский уже почувствовал волнение. Оно, можно сказать, проснулось вместе с ним, как результат размышлений на сон грядущий. И снова стало навязывать модели развода жерт-

вы, где Лера играла свою особую роль. Не хотелось в это верить. Но сознание методично, как человек с садистскими наклонностями, все предлагало и предлагало различные страхи, где результат был один – Дарский лох. И без денег, и без женщины, которая досталась ему авансом. «За такую надо бороться», – пришла мысль. «А зачем? – вдруг прорвался сквозь пелену иллюзорности бытия голос здравого рассудка, – Борьба ради борьбы? Бороться только для того, чтобы она не досталась другим? Ради того, чтобы оставить в ней свое семя, потому, что она лучшая из лучших? Так нет – не лучшая».

Это утверждение вызвало к жизни образ Даши. Сердце вдруг защемило от тоски и обиды. «Почему? Почему в ее жизни появился этот злосчастный Томаз? Почему жизнь вообще так обошлась с ней? И со мной? – он задумался, – Вот в Лере, например, я вижу только женщину. Меня втягивает в ее пространство. Она будто вихрь, создающий разреженность. Черная дыра, проглатывающая все и вся. А Даша? Она же совсем другая. Для меня она – прежде всего человек, а потом уже женщина. И в этом заключается невероятная разница...»

Заворочалась, просыпаясь, Лера. С ней такое бывало. Пыталась подняться, еще не придя в себя. Иногда даже хныкала, как маленький ребенок, видимо, в состоянии сна зависая где-то в раннем детском возрасте. «А вот и еще одно несчастье, – подумал Александр, – Но у этого – своя программа.

Конечно, ее тоже жалко. Но в большей степени стоило бы пожалеть того, кто с ней рядом».

До самого вечера, Дарский находился в легком трансе. Даже не всегда вовремя реагировал на Лерины обращения. Все перебирал различные варианты комбинаций. Вспоминал какие-то интересные моменты из своего не особо большого опыта игры в покер. «Интересно – холдэм предпочтет Лысый?» – он объединил всех четырех под его эгидой. Лидер стал собирательным образом компании.

В большой комнате раздвижной круглый стол превратился в эллипс. На нем сбоку лежали карты – три новеньких запечатанных колоды, заблаговременно купленных Дарским. Стулья расставлены. И, наконец, стопка блюдец, которым надлежало стать пепельницами, дополняла картину стола. Лера приготовила.

– Саш, ну что ты завис? Даже не реагируешь на меня.

– Что? А, извини. Медитирую, – пошутил он, – Я все-таки не профи. Не играю каждый день, – он стал серьезным, – Нужно как-то собраться с мыслями.

Лера подошла к нему, загадочно улыбаясь.

– Мы с подругой... однажды пришли к выводу, что мужики, когда слишком долго готовятся, мало того, что первый раз толку с них, как с козлов молока, так еще, если переволнуются, и вовсе могут потеряться. Вика мне тогда байку одну восточную рассказала. Мудрую. Хочешь, расскажу? – в

глазах Леры засветилось превосходство.

– Женщина... ты же уже рассказываешь, – улыбнулся такому преображению Дарский.

– Ну, ладно, слушай, – как бы позволила Лера. Не удержалась – сделала многозначительную паузу, – Если тетиву лука постоянно держать в натянутом состоянии, то, когда понадобится, лук не выстрелит, – она гордо засмеялась, как будто эта мудрость – плод ее собственных размышлений.

– Здорово! Твоя подруга читала Вольтера?

– Кого? – во взгляде Валерии появилось разочарование человека, которому не дали воспользоваться дарами победы.

– Писатель такой был французский – великий просветитель своего времени, – Дарский не смог удержаться, – Вольтер его звали. Мудрость, что ты только что изложила из его произведения «Задиг».

– Да? Точно? А ты откуда знаешь? – почти обиделась Лера.

– Читал когда-то. Мой папа, подражая кому-то – сейчас уже и не вспомню, кому точно, запирал меня в наказание в комнате с книжными шкафами. При этом говорил, какие книги мне еще читать рано. Вот так я знакомился с литературой.

– Класс! – выразила чувства Лера, – Ты тогда этого Вольтера и прочитал?

Впервые со времени их первой встречи Александр видел неподдельный интерес в ее глазах. Он даже на мгновение по-

чувствовал себя героем.

– Нет. С Вольтером я познакомился позже. Когда в наказание меня уже в комнате с книгами не запирали. К тому времени во мне успел сформироваться интерес к хорошей литературе. Я уже читал без стимуляции со стороны отца. А лишь с его подачи.

– Интересно, – сказала Лера, хотя интерес в ее глазах исыкал, как небольшая лужица в жаркий солнечный день. Ее «интересно» было всего лишь простой формальностью – ничего не значившей деталью в общении с собеседником. А, может, тонкой женской мстью: типа – «да ты тоже... так себе».

Она ушла в спальню, оставив его одного.

Вскоре раздался звонок. И Лера – было слышно – пошла открывать дверь. Ухо уловило приглушенные голоса. И почти сейчас же она вошла в комнату с удивленным выражением на лице.

– Там... к тебе... я не знаю, – предупредила вопрос.

Александр прошел в прихожую.

– О-о, кого я вижу? Каким ветром вас занесло ко мне?

Он пожал руки трем парням.

– Мы, кажется, не вовремя, – кивнул один из них в сторону комнаты, где оставалась Лера. Протянул пакет, – Это тебе.

– Макс, что за дела? – Александр машинально протянул руку.

– Фрукты. Извини, пошла нет. Девчонки сказали – болеет,

так пить не фиг.

– Да найдем мы, что выпить!

Сказав это, Дарский вдруг вспомнил, что с минуты на минуту придет Лысый со своей шайкой-лейкой, и на секунду замялся: «И, правда, как не вовремя...»

Выручил звонок в дверь.

– Извините, ребята, – он снял трубку домофона, – Да?

– Привет. Это Вадим.

– Открываю, – нажал кнопку, повесил трубку и виновато посмотрел на ребят, – Деловая встреча... серьезная, – добавил, – А я, как вас увидел, напрочь о ней забыл. Извините, парни. Придется нашу попойку отложить на другой раз. Ну... Витек, Макс, Серега, – снова повинился он, – Без обид? Если б вы заранее предупредили?..

– Да ладно, Санек! Забей! – успокоил его тот, кто был ближе – Серега, – Сами виноваты: хотели сюрпризом, – добавил Макс, – Ну все. Пока.

Дарский распахнул дверь в тот самый момент, когда Вадим и его пацаны – по-другому их язык не повернулся бы назвать – выходили из лифта. Махнув им в виде приветствия рукой и оставив компанию заботам Леры, он машинально прошел в приготовленную для игры комнату, объясняя себе, что «надо посмотреть – не забыто ли чего», хотя прекрасно знал, что там все в порядке.

Четверо мужчин – один за другим – вошли в комнату. Последней показалась Валерия.

– Проходите, мальчики! Стулья видите? Присаживайтесь, – пригласила она.

– Да-да, проходите, пожалуйста, – подхватил Александр. Он представился каждому, пожимая руки. С Вадимом просто поздоровался.

Первым оказался крупный рыжий – с красноватым оттенком волос – симпатичный парень. Дарскому почему-то показалось, что голос у него должен быть низким и густым.

– Толян, – утопил он руку Александра в своей.

Голос – обычный. Не высокий и не низкий: ну, может, чуть-чуть высоковат для его комплекции. Рыжий прошел в комнату, уселся за стол, положил правую руку на столешницу и стал на ней подушечками пальцев вытанцовывать какой-то незатейливый ритм.

– О! Тезка? – театрально обрадовался среднего роста чернявый парнишка – второй, кому Дарский подал руку. Мелкие черты лица парня совсем не вязались с его большими глазами. «Инопланетянин какой-то! – подумалось невольно, – Переигрывает. Будто не знает, как меня зовут. Небось, Лысый не раз называл мое имя. А хотя... мог, конечно, и просто фраерком или лошкой величать».

Последним оказался суетливый мужичок с бегающими глазками и почерневшими – похоже, от чая – зубами. «Дерганый какой-то... а за сорокет уже где-то», – подумал Дарский.

– Михей, – буркнул довольно низким голосом этот

небольшого ростика человечек.

«Погоняло или имя?» – вопрос возник автоматом, но спросить Александр не успел. Отвлекли. Потом – уже за столом – мог бы, конечно, спросить, но показывать простое любопытство посчитал бестактным, а стоящей причины для вопроса не нашел. «Да и какая разница – кличка, имя! Встретились, поиграли и разошлись».

Кожа лица Михея в свете низко висевшей над столом лампы вызвала у Александра интерес. Она казалась необычной: со странным серовато-зеленым оттенком, будто самую малость потянута плесенью. Со спины его можно было бы принять и за подростка. Но чувствовалось, что он прошел суровую жизненную школу.

Подсознание отметило принцип, по которому вошли гости: сначала больший, потом средний и, наконец, самый низкий. «Как у дурака на именинах, – подбросила память народную мудрость, – по ранжиру. И именины, похоже, у меня», – отозвалось в душе.

– Оп-па! Ну что? – рыжий верзила – Толян – с искренней радостью отстегнул клапан большой черной кожаной сумки, лежавшей у него на коленях, и достал литровую бутылку виски. Победоносно подержав ее пару секунд в вытянутой руке, поставил на стол, – Лерок, стаканы имеются? – спросил он, смахнув ударение в слове «стаканы» на последний слог. И в его порыве, в том, как он обращался к Лере, подсознание Дарского совсем почему-то не выявило подвоха, не обнару-

жило фамильярности. Все выглядело просто и естественно. И они – эти простота и естественность, скорее, исходили не из примитивности рыжего верзилы, а из его искренности по отношению к близкому человеку.

– Толя, ну, конечно, есть, – отозвалась Лера.

– Давай! А то, как говорил мой батяня, колосники горят, – заржал Рыжий, видимо, считая, что сказанное должно вызывать смех.

Слово за слово, через несколько минут уже все сидели за столом. Лысый вскрыл одну из новых колод и тщательно перемешивал карты, бубня себе что-то под нос.

– Ну что? – обратился он к Дарскому, – Техас? По чирику на кон для начала, чтоб не так скучно было?

– По барабану, – отмахнулся Александр, – Как скажешь.

Поначалу карта не шла, и он сбрасывал. Заодно наблюдал – как играют другие. Не пил – разве только пару глотков. На четвертой игре, где ему достался первый блайнд, потерял пять баксов к десятке, потому что пришлось снова сбросить. На пятой сделал подъем на втором кругу, но потом снова сбросил – побоялся, что на третьем не потянет и потерял еще сорок. А еще через две игры, когда его потери перевалили за полторы сотни, и он, хоть и чувствовал неудобство, хотел все бросить «к бениной маме», из карт в руках и прикупе начали складываться хорошие комбинации. Что интересно – и у других тоже. Завязалась борьба, из которой он трижды вышел победителем, отбив свою сотню и еще заполучив боль-

ше пятисот баксов. Так с попеременным успехом к трем часам ночи, когда уже собрались расходиться, до Дарского, наконец, начало доходить понимание, что он неплохо пощипал соперников.

После того, как гости ушли, они с Лерой пересчитали выигрыш. Оказалось – три тысячи пятьсот с мелочью. Он испытал не то, чтобы эйфорию, но что-то подобное точно. Правда, недолго. До того момента, как Лера вслух начала рассказывать, что она себе на эти деньги собирается купить. Получилось денег даже маловато.

– Да и тебе нужно купить красивый шарф, – спохватилась она, – а то ты как-то местечково выглядишь.

Услышав последнюю фразу, Дарский неожиданно рассвирепел, подогретый уже изрядно виски и всем предыдущим бредом.

– Что-о? – рывкнул он неожиданно для себя, уловив сознанием неприятное ощущение, появившееся в глазах. Все в его психике смешалось, хаотично аккумулируясь: и колебание состояний сознания до игры, и сама игра, и потом спад напряжения после нее. Казалось, вот и все – все позади. И вдруг!

Лера, видно было, испугалась: таким она его, скорее, и представить себе не могла. От неожиданности в ее испуганном взгляде даже промелькнул ужас. Поняв это, Александр почувствовал себя скотиной: словно ребенка обидел, не дав ему фору на неопытность. «Этого она мне точно не про-

стит... так мне, впрочем, и надо». Он посмотрел на Леру, и та, почувствовав на каком-то животном уровне его отступление, тут же им воспользовалась.

– Дарский! Ты же не человек – ты это знаешь? – Александр показалось, что он даже шипение услышал в обертонах ее голоса, – Боже мой! Чудовище какое-то, – как бы сама с собой вслух заговорила Лера, – И я с этим... еще вожусь? Смех и грех. И мне это надо?

До Александра вдруг дошло, что это все: что это либо разрыв, либо рабское для него существование. Он даже вдруг обрадовался: «Свобода!» Извиняться не стал. «Да пошла она. А что я такого сделал? Не стал потворствовать очередной глупости? Да эта курица, кого хочешь, подорвет».

Оба, пока находились в одной комнате, молча пребывали в глухой защите. Вскоре Валерия ушла в спальню. И там, почти сразу, погас свет. А Дарский еще налил себе стгоряча полстакана и выпил. Замер, задумавшись. Но через несколько минут почувствовал, как напряжение уходит, как мышцы расслабляются и мир меняется в лучшую сторону: даже ушедшая Лера не кажется таким уж монстром. «Бедная девочка!» Дарский налил еще полстакана. Но чуть меньше. На этот раз к «бедной девочке» к тому же возникли еще и отнюдь не платонические чувства, отчего появились и стали разрастаться угрызения совести. «Веселуха! – неизвестно чему обрадовался он, – Оказывается, показатель-то совести тоже зависит от количества бухла». Его вдруг – неждан-

но-негаданно – покорило от собственных мыслей. Они – кощунственные – вызвали сопротивление высших сфер души, еще каким-то образом не потерявшие окончательно свою контролирующую функцию. Стало противно от примитивности, в которую начал впадать разум. «Все! Пожалуй, на сегодня хватит». Посмотрел на часы: без четверти четыре. «Уже двадцать девятое? Как летит время!»

Он встал со стула, выключил свет и стал продвигаться к постели. Разделся почти в полной темноте, потому что уличный фонарь, от которого всегда в спальне было достаточно светло, не горел. Залез под одеяло, стараясь не касаться Леры. Из принципа. Но только улегся, только удобно устроился, как она положила на него ногу. «Но ведь не спит же, коза... вид только делает. Подразниться решила?» Хотел сбросить ее ногу, но не успел. Она, перевернувшись, навалилась на него грудью, обняла и стала настойчиво ласкать. Ее тихий, завораживающий шепот загипнотизировал, обезоружил.

– Дарский, прости меня. Даже не знаю, откуда во мне столько эгоизма. И за «чудовище» прости... само вырвалось. Мне, правда, так стыдно!

Первое желание – оттолкнуть ее – сигналом для мышц не стало. Просто появилось как каприз и тут же испарилось. Через мгновение они уже ничего не соображали, погруженные в густое вибрирующее пространство между прошлым и будущим. Растянувшееся мгновение, отнимая разум, до самых краев заполнило сознание наслаждением.

Александр лежал с открытыми глазами, все еще ощущая недолгое, затухающее постепенно блаженство плоти, подаренное женщиной. Спать не хотелось. Рука под головой посапывающей Леры занемела. Он почти не чувствовал ее. Но никак не решался потревожить сон той, которой обязан был постигшим его умиротворением.

40.

Как только позвонили, что такси пришло, и за друзьями закрылась дверь, Вениамин Петрович первым делом пошел к ноутбуку – посуда подождет. Появилась надежда, что, наконец, что-то увидит.

Чуда не случилось. Экран безмолвствовал. И даже надежды не вселял на движение. Никаких признаков жизни. Но Пекарик все же набросил на нос очки.

В углах окон на дисплее прояснилось время – два тридцать пять. Машинально взглянул на старый металлический календарь, стоявший тут же – рядом с ноутбуком: черные большие цифры все еще продлевали предыдущие сутки. Рука машинально выполнила привычное движение. Переворот, и щелчок, хоть и с опозданием, возвестил смену двадцатого ноября двадцать первым. Глаза вернулись к экрану и, просканировав его внимательно, обнаружили изменения. В полутьме спальни на широкой кровати из-под одеяла выглядывали две головы. Одна – Дарского. Другая, повернутая

в сторону от камеры – с длинными, разбросанными по подушке темными волосами. «Мальчик наш... не один», – почему-то обрадовался Вениамин Петрович, отчего ему вдруг стало неудобно. Но все же он испытал удовольствие. То ли от того, что «в конце концов, сбылась мечта идиота», и он увидел на экране хоть что-то. То ли, что уже сжился с крамольной мыслью о «новом костюмчике» и начинал путаться – представлять Дарского, как себя самого, лежавшего в постели с молодой женщиной. Виртуальность начинала зло шутить с сознанием, уводя иногда от физической реальности настолько, что профессор напрочь забывал об инстинкте самосохранения. Он и раньше – до тех пор, как научился покидать физическое тело – не боялся умереть. Относился к смерти философски. Но подсознание, контролировавшее физиологию, всегда боялось. «У него-то другие представления о смерти, – подумал в очередной раз, – Конечно, если это вообще можно назвать представлениями. Тело инстинктивно чувствует, что для него вечной жизни не существует». Глаза снова обнаружили календарь. Тот металлически поблескивал одним краем, отражая свет настольной лампы. Зрение Пекарика расфокусировалось: что-то шевельнулось в душе, и он почувствовал, как поплыло сознание...

На какое-то мгновение все исчезло. Стало темно. Будто загипнотизированный, он замер. И вдруг на черном фоне засветилось и стало разгораться число календаря. Но почти сразу зрение прояснилось. «Засыпаю, что ли? – подумал про-

фессор, снова взглянув на время, – Не мудрено – почти три». Мысль, связанная с числом, никак не могла пробиться в сознание. Вениамин Петрович это чувствовал, и от этого было неприятно. «Пора спать. Все завтра, завтра, завтра...» Но любопытство по поводу осмысления числа не отпускало. Не давало встать и уйти. «Чуть больше месяца до Нового года... – сонно рассуждало сознание, – Ну и что? А что еще? И, правда, что?» «Двадцать первое сегодня... ровно месяц до «конца света», – просочился в сознание неслышимый, но такой четкий голос, и чуть ли не захлебываясь собственным превосходством, подсознание напомнило о себе неприятными ощущениями в груди. Вениамин Петрович даже улыбнулся. Мысль зацепилась за последнюю информацию, будто за конец цепочки. И стала вытягивать звено за звеном – все, что только можно. Следствия, трансформируясь в причины, спонтанно порождали новые следствия. А те снова превращались в причины, наматываясь и наматываясь на, казалось, не существующую, но такую существующую ось. «Интересно, – пришла очередная мысль, – Сколько раз человечество ожидало такого события? – он крутанул календарь по оси, вернув назад двадцатое число, – Вряд ли на этот вопрос кто-то ответит». Снова поставил двадцать первое. В голове вдруг пронеслось все, что знал о событиях, связанных с христианством периода реформаторства патриарха Никона. Антихриста – по мнению приверженцев старого отправления веры. Представил наивных людей, лежавших в гробах и ожи-

давших конца света...

От мыслей отвлекло небольшое движение на экране – Дарский повернулся набок и обнял сзади девушку. Через мгновение она реактивно отодвинулась. Видимо, ей стало жарко или неудобно. И снова все замерло.

Еще какое-то время Вениамин Петрович сидел у экрана, будто ожидая чуда, на самом деле неосознанно обживая новое для себя пространство. Мысли – совершенно разные, выплывая друг из друга, росли, роились, плели кружева, возмущавшие чувственность. Они пытались организовать некую интеграцию. Переводили иррациональный, дихотомически ветвившийся, двойственный принцип работы сознания на понятный – рациональный. В ней – в рациональности простота причинно-следственной цепочки давала хотя бы какую-то иллюзию понимания того, что происходит вокруг.

– Пора, – вздохнул профессор. И вдруг испугался того, что сказал это громко. Как будто мог разбудить тех, кто мирно почивал в одном из прямоугольников светившегося в полутьме комнаты экрана, – Тьфу ты!

Проделав путь выключения системы, Вениамин Петрович потушил настольную лампу. Почувствовал, как кардинально изменилась в связи с последними событиями жизнь, и насколько он от этого сегодня устал. Пришло осознание, что уже никогда не будет так, как было. Стало немного грустно. Ностальгия, выйдя из небытия и персонифицировавшись, попыталась провести экскурсию в прошлое. Но не дала при-

шедшая за ней Перспектива – она легким движением задвинула Ностальгию назад в небытие, предложив более приятное времяпрепровождение – построение планов на ближайшее будущее. И профессор, отрешившись от мира, еще немного посидел, расслабившись в тишине кабинета. Но совсем недолго.

41.

Три дня подряд, а вернее три вечера игра продолжалась в том же формате. Начинали около шести. Заканчивали далеко за полночь. За это время Александр два раза побывал у судьбы в фаворе: три и пять тысяч без мелочи. Один раз – Лысому – проиграл: тысячи полторы.

Почти сразу он заметил, что его соперники играют тайтово: выжидают хорошую руку и фактически не блефуют. За исключением разве что Лысого. Тот вел себя не сказать что агрессивно, но достаточно напористо. Пытался блефовать, но в глазах Дарского психологом оказался слабым: его приемчики были достаточно примитивны. Александр наблюдал за ним, внутренне улыбаясь его наивности, но иногда в его сознании проскакивала мысль, что Лысый не так прост, как кажется на первый взгляд, что он изображает лузера продуманно, увлекая соперника в болото собственной комбинации. Но это были лишь мгновения, после которых снова его собственная тактика давала неплохие результаты: он пользовался предсказуемостью оппонентов, совершавших одни и

те же ошибки, и на этом постоянно поднимался, лишь иногда давая выигрывать и другим.

Уже вошел во вкус. Появились деньги, которыми можно было не только делать хорошие ставки, чтобы наказывать противников, когда те пытаются прикупить карту, но которые можно потратить и получить удовольствие от этого. Он сделал несколько покупок для Леры. Без задней мысли. Отчего испытал моральное удовлетворение. Но, правда, ненадолго: тут же стала напрягать Лерина благодарность. Лера вдруг изменилась: стала счастливой и великодушной. Не знала – как угодить. И вот от этого становилось не по себе. «Почему? – думал, – Ведь я-то остался прежним. Почему же в ней произошли такие перемены? Или все же я стал другим?» Он искал ответ в себе и не находил его. «Может, во мне и нет ничего, что могло бы заинтересовать женщину?» И чем больше Лера выказывала ему свою привязанность, тем больше это его тяготило. «Я ведь знаю тебя настоящую, – думал он, – Завтра я останусь без гроша, и тебя – поминай, как звали».

Четыре дня напряжения дали о себе знать. Первого декабря договорились отдохнуть.

Дарский лежал с открытыми глазами. Не мог по-другому. Только смыкал веки, как начинал чувствовать какую-то внутреннюю дрожь. Как будто в нем что-то вибрировало, вызывая беспокойство. Сказывалось перенапряжение. Сон не приходил. Только полудрема. Не сон и не явь. Провалива-

ьясь ненадолго, он подхватывался. Возвращался к мыслям. И снова проваливался. Летел куда-то вниз. Потом чувствовал, что парит. Потом его подхватывало и швыряло вверх. Он приходил в себя. И снова забывался на мгновение, превращавшееся в вечность. И только светившиеся цифры часов не давали окончательно потеряться в этом бесконечном пространственно-временном континууме Вселенной.

В очередной раз провалившись, увидел Паука. Он жаловался, что ребята устали, что надо хорошенько выспаться. «Понимаю, – злорадствовал про себя Дарский, – Я бы тоже устал... проигрывать».

От такого пассажа собственной психики стало не по себе. Подсознание, вбросив зачем-то в сознание образ Кветковской, напряженно забило тревогу, пытаясь достучаться до него – предупредить об опасности. «Да, брось, Дарский! Что может случиться? – Кветковская трансформировалась в Валерию, – Если что, мы тут же спрыгнем. По таким ставкам у нас фора – ого-го». «А если соберется банк, на который нечем будет ответить? – не унималась вновь появившаяся Кветковская, – Соскочешь – конечно. Только с чем?» «Да ладно, – снова успокаивала Лера, – Займешь у кого-нибудь». «Так это на следующую игру, – нудила Кветковская, – А какая она будет? Не торопись. Подумай». «А чего тут думать? Как карта ляжет».

– Тьфу, ты, нечистая, – возмутился, приходя снова в себя Александр, – Все в кучу. Не могу больше. Встал, посмотрел

на Леру, безмятежно раскинувшуюся и тихонько ровно сопевшую, и пошел на кухню. Налил себе полстакана виски и залпом выпил. «Ну, теперь точно засну. И, может, даже высплюсь».

Надежда не оправдалась. Лерины клиентки, обычно начинавшие звонить не раньше одиннадцати, этот день решили начать пораньше.

Проснувшись от вибрирующего и орущего сигнала телефона, машинально отыскал глазами светящийся циферблат будильника. В темноте зимнего утра проступило 09.09. Пришло раздражение. Напряжение, от которого он так отчаянно пытался избавиться, никуда не делось. Оно жило в теле своей жизнью, притаившись и ожидая возможности проявиться. И эта возможность пришла. Напряженность трансформировалась в раздражение.

Лера, не вставая, стала болтать тут же рядом, усиливая и без того разросшийся раздрай в душе. При этом – ни о чем. «Бред какой-то!» Он уже готов был вспылить, но она вовремя закончила.

Около часа он мучился, нагнетая обстановку в себе попытками различных расчетов будущих игр. И лишь, когда забрезжило в окне, потихоньку уплыл за завесу физической реальности.

То, что произошло дальше – язык не повернулся бы назвать сном. Александр понимает, что просыпается. Чувствует, как трудно открыть глаза, потому что через ресницы про-

никает ослепительный свет. Это не пасмурный зимний день – солнечное летнее утро. Теплый ласковый ветерок из-за пошевеливавшейся кремовой занавески в открытом окне приносит запахи луга. «Почему луга? – приходит мысль, – Ведь мы же в городе». Он смотрит туда, где должна лежать Лера. Но ее нет. Там Даша. Приходит ощущение, будто они уже с ней давно живут вместе. «Доброе утро, любимый, – улыбается Даша и тянется к нему, чтобы поцеловать». «Доброе утро, моя девочка», – отвечает он. Они обнимаются и сливаются в экстазе переполняющих чувств. В какое-то мгновение даже трудно понять – кто есть кто. Но это мгновение проходит. И они снова – Александр и Даша. И теперь себя и ее он видит как бы со стороны...

Дарский очнулся с тяжелым чувством. Явь, которая только что владела всеми его органами чувств, исчезла. Но все тактильные ощущения все еще держались на нервных окончаниях. Солнечное летнее утро было живее пасмурного зимнего дня. Пришло четкое понимание того, что он только что спал. И все, что с ним происходило – сон. А эта серость за окном? Неприятно похрапывавшая, лежа на спине и закинув за подушку голову, Лера? Тоскливая, не проходившая усталость от постоянного нервного напряжения? От недосыпания. От виски и пропитавшего все табачного дыма. От неудовлетворенности не своею, а чьей-то чужой жизнью, преследовавшей неотступно. «Господи, ну скажи, что сон – именно это! А то, что было – было реальностью». Опустив ноги на

пол и уперев голову в ладони рук, воткнувшись локтями в колени, он сидел на краю кровати, импульсивно покачиваясь, как психически нездоровый человек. «Почему это все со мной происходит? Я как сомнамбула. Не хочу, но делаю. Машинально: не думаю, а потом делаю, а делаю – а потом уже осмысливаю содеянное. Складывается ощущение, что физический мир уже не такой плотный, как был. Разве так бывает? Мысль – она же не может быть более косной, чем вещество физического мира?»

В этот момент он осознал, что не может оперировать теми понятиями, которыми пытается оперировать. И они исчезли. Попытался вспомнить, о чем только что думал. И не смог. Воспоминания были, но стали принципиальными, потеряв остроту и, как следствие, актуальность. «Почему так происходит при пробуждении? Почему конкретика трансформируется в принципы, теряя и ощущения, и чувства, и мысли? Остается лишь смутное понимание того живого, настоящего, которое только что было и исчезло...»

– Доброе утро, Сашенька.

– Доброе утро... – сарказм синтезировал непередаваемое языком чувство: «Вот уже который день я – Сашенька, а не Дарский. Ну и как мне это все воспринимать? Как поощрение? Или как тонкое издевательство?» Пришло ощущение, будто с кем-то разговаривает, и его неправильно понимают. «Нет, – поправился, – Конечно же, со стороны судьбы, а не Леры. Она искренна в каждый отдельный момент своей жиз-

ни. Даже когда лжет... как ребенок, ей богу».

Александр вздохнул и посмотрел на Валерию. И, видимо, мысли его отразились на лице, потому что она потянулась к нему. А он, машинально ввязавшись в ее игру, в итоге оказался между вздернутых коленей. Никакой прелюдии. Потому что инициатива исходила от нее. А не от него. А потому само действие растянулось.

«Вот оно, – подумал откинувшись на спину Дарский, – Кажалось бы – простая механика. Удовлетворение низкого животного желания, присутствующего в наших телах. Но ведь притяжение полюсов – самая великая сила Вселенной. И земная природа не могла не использовать ее, трансформировав в инстинкт продолжения рода».

42.

Накануне следующей игры Дарский себя чувствовал отвлеченно. Душа кричала от какой-то внутренней боли, еще неведомой сознанию. Будто предупреждала об опасности. Он чувствовал эту опасность так четко и так, казалось, осмысленно, что дальше некуда. Но, поди ж ты, разберись – чего бояться. То ли мчащегося через неуправляемый пешеходный переход автомобиля? То ли пищи, которая попадет в дыхательное горло? А, может, группы пьяных тинэйджеров, тестостерон у которых зашкаливает за все мыслимые и немыслимые пределы? Или – чего тоже нельзя сбрасывать со счетов – нынешней игры? Пусть и не рулетка, пусть вполне

управляемый процесс, но тоже все в руках судьбы. «А раз так, чего переживать, – думал, – Даст бог день – даст и пищу. Поживем – увидим».

В таких мыслях, перемежающихся Лериными нелирическими отступлениями прошел день. Они завтракали в какой-то кафешке с претенциозным названием «Таверна». Гуляли по городу, а точнее по магазинчикам, гордо именуемым себя бутиками: они – в каждой подворотне, за каждой стеклянной витриной, захвалявая себя рекламными слоганами, обещали неправдоподобные скидки. «Сколько же они наворачивают, – пришла мысль, – если могут себе позволить семьдесят процентов форы? Лепят горбатого. Все же вокруг лошки. А впрочем, – бросил он взгляд на Валерию, – наверно, так надо».

Закончив обед часам к четырем, к пяти они уже были дома.

Дарский заметно нервничал. Ходил по квартире, будто что-то искал. Даже Лера заметила.

– Ну, чо ты, Саш? – она последнее время не церемонилась особо: не следила так, как раньше, за речью. Обвыклась. Позволяла себе всякие «залепухи», не забывая, однако, по чьему-либо поводу отпустить любимое словечко «местечковый»: чаще всего это касалось не соответствующих ее представлениям взглядов. Он как-то хотел спросить, откуда она выудила такую экзотику. Потом передумал: решил, что, скорее всего, ноги растут из ее детства. «Происхожде-

ние – не спрячешь. Это только Бернارد Шоу мог из уличной цветочницы сотворить даму. На самом же деле, проще зайца выдрессировать играть на барабане». Глас народа неумолим: легче научить, чем переучивать. Только зазеваешься, так прошлое – как черт из табакерки – раз! – и тут как тут. У туловища – времени прошедшего нет: для него все – здесь и сейчас. Однажды заученное – рано или поздно – найдет для себя лазейку. «Не зря старик Фрейд обратил внимание на оговорки. В них вся соль: сдадут – даже не за медный грош – за так».

– А чо? – передразнил он ее.

– Да ну тебя, Саш. Злой ты, – обиделась Валерия, надув свои красивые губки, – Волнуешься тут за него, а он...

– Ладно, Лер. Прости. Задаешь вопросы какие-то... странные, – не нашел он лучшей замены слову «глупые», – Сама же видишь...

– Вижу. И жалею тебя... дурачка, – улыбнулась она кокетливо. Но как-то грустно это у нее получилось.

– Вот как? А я-то думал... – он ерничал машинально, хотя душа по отношению к Лере уже не была такой холодной.

– Саш, опять ты за свое?

– Все. Молчу как рыба об лед, – вспомнил он любимую фразу соседа родителей.

– Саш, все хотела спросить... – она засомневалась.

– Ну что опять? Сказала «а», говори «б», – Дарский снова стал досадовать. «Ну, ничего не может сделать без своего

бабского кокетства».

– Нет, ты не подумай ничего...

– Лера, – одернул он снова.

– Ну, Саша! Я не могу по-другому. Не дергай меня.

– Ладно, – вдруг успокоился он, – Слушаю.

– А прошлый раз – где ты деньги взял? Пошел куда-то утром...

– Неужели тебе это так важно? Бедная ты бедная, – усмехнулся Александр, – Извелась, поди, от любопытства.

– Сашенька, ну зачем ты так?

И ему вдруг стало стыдно. Вдруг. Ни с того, ни с сего. Потому что она стояла перед его злым сарказмом – маленькая и беззащитная. Захотелось обхватить ее и долго держать в объятиях. Не отпуская. Он так и сделал.

– Денег дал друг отца. Николай Иванович, – Дарский почувствовал, как она вдохнула воздух чуть сильнее обычного, и предупредил вопрос, – Он декан экономического факультета в нашем университете.

Разговор завершил звонок в дверь. Александр посмотрел на часы. Без четверти шесть. «Час пролетел. Даже не заметил».

Лера пошла открывать.

– А чо в домофон не звонили? – слышался ее голос из прихожей.

– Да заходил какой-то убогий перед нами: так мы – за

ним, – это голос Толяна.

– А где Вадим?

– Щас придет. В машине сидит. Разговаривает с кем-то.

Сказал – идите, я догоню.

Не успел Рыжий договорить, как раздался звонок домофона.

– А вот и Вадим, наверное...

Слышно было – Лера, видимо, сняла трубку домофона:

– Але

Минут через десять «большеглазый» – тезка Дарского – уже сдал карты и после коротких торгов на стол лег «префлоп» – первая в этот вечер тройка карт. Народ почему-то оживился. «Судя по всему, расклад не ахти», – Дарский внимательно оглядел оппонентов.

И точно: до ривера дело так и не дошло.

Пять или шесть партий игра не клеилась. Появилась нервозность, витавшая от одного к другому, пока, наконец, в очередной партии Толян не сказал «кол».

– Я тебе сколько раз, заморыш, говорил – говори по-русски, – взорвался Михей, – Мне твоего «вау» – вот так, – он изобразил черту над головой и вперился в Рыжего, пожирая его глазами.

– Это кто – я заморыш? – Толян нервно засмеялся. Было видно, что струхнул и особо не возражает, потому что Михея боится. А ляпнул так – машинально: и рад бы переиграть ситуацию, а никак уже. Слово не воробей.

– Да ладно тебе, Михей. Он больше не будет, – не удержался, заржал Вадим, видимо, наслаждаясь сценой. И напряженная пауза сразу же ушла в небытие. Засмеялись и остальные. Кроме Рыжего, сидевшего с втянутой в плечи головой: он как будто ожидал, что вот-вот по ней попадет.

Паук не вмешаться не мог. Назревал конфликт. И надо было показать – кто есть кто.

– Пацаны, – он сделал паузу, – предлагаю по «листу» на кон. А то мы уже с мелочью наняньчились. Скучно. Смотришь, интерес и появится.

Раздались нестройные голоса. Все были согласны.

Партий через десять осознание истинности положения вещей Дарским стало теряться. Около него на столе – по примерной оценке – лежало «тысяч пятнадцать зелени». И следующее предложение Лысого – сыграть по десять «листов», то есть по тысяче – им было принято.

Остались все, кроме Рыжего, который сказал, что он – не самоубийца.

Подобное озарение – вопреки шевелившемуся в свете низкой лампы смогу – появилось и в голове Александра. Он вполне адекватно почувствовал, что осознавать происходившее в нем становится все труднее и труднее. Внимание стало колючим и выхватывало только то, что хотело узреть сознание. Но кроме этого работало окоемное зрение, как будто подготавливая моменты, куда должен переместиться луч внимания. Но озарение так и осталось неостребованным.

Затаив дыхание перед тем, как вскрыть свою пару карт, Дарский, казалось, так и остался с этой порцией воздуха до того момента, когда на стол лег «ривер» – бубновый туз. Теперь он сидел – кум королю, сват министру. У него – каре из тузов – два из них свои – и король. Конечно, нюансы могут быть, потому что на кону – валет, дама и король пики. «А если у кого-то есть еще десятка и девятка пик? Только это сейчас и возможно, судя по прикупу...»

Паук бросил на стол нераспечатанную пачку соток – десять тысяч баксов, оставив около себя буквально мелочь. То есть все, что у него было. «Вот оно! Неужели флэш-рояль? Сбросить карты? Слишком простое решение. А вдруг у него тройка королей плюс двойка тузов? Или простой флэш? Или стрит, наконец?» Александр просмотрел, что у него на столе: две пачки полтинников, пять соток и мелочь.

– Отвечаю, – он бросил сначала одну пачку пятидесяток, затем другую, – вскрываемся?

– А чего ты так решил? – Паук, судя по интонации, хамил, – Может, я подниму?

– Интересно, чем? – Дарский перенял его интонацию.

– Да вот возьму из барсетки своей, – Лысый нагло посмотрел на Александра.

«На вшивость проверяешь, Паучок? Думаешь сейчас я тебе дам возможность поставить ставку со стороны? Ну-ну:ержи карман шире».

– Ага! Возьмешь и поставишь... только на следующую иг-

ру – не на эту.

– Ты что ли будешь правила устанавливать?

– Но и не ты, – Дарский выдержал его взгляд, – Кончай, Вадюша, в за... лезть. Проверил меня на вшивость? Будь доволен. Ты же знаешь правила – играют только деньги, что на столе.

– Ладно, – Паук неожиданно пошел на попятную: не стал настаивать, – Все равно ты проиграл, Сашуля, – вернул он долг за «Вадюшу». И тут же вскрыл свои две карты. Десятка и девятка пик. Плюс дама, король и валет пик из прикупа.

«Вот тебе и каре из тузов!» – Дарский чуть не заплакал. Очень захотелось в туалет. Он встал и пошел, почти ничего не соображая: только что у него было порядка пятнадцати тысяч зеленых. «Неужели? – поддел сам себя, – И где же они теперь?» Возникло ощущение горечи, а за ним – иллюзорности бытия. Как будто все, что творилось вокруг, делалось понарошку: вот сейчас он вернется за стол и узнает, что все это неправда, что сознание сыграло с ним злую шутку.

Машинально из двери в дверь зашел в ванную, включил холодную воду. «Пилат, твою мать...»

Почему, вдруг, Пилат, и что за ассоциация возникла у Александра в тот момент, спроси его, он вряд ли ответил бы. Просто состояние транса притягивало в сознание все, что находило. Вызвало и Пилата, умывающего руки, а за ним и догадку – почему: «Символично. Как будто я снял с себя ответственность за то, что происходит». Он плеснул холодной

водой себе в лицо, и мысли тут же перестроились на проигрыш, отчего закипела злость в мозгу, обжигая череп прикосновением.

Вытерся и вернулся к столу, засунув руки в карманы, будто бы подчеркивая свою независимость. Автоматом достал ключ от машины и положил его рядом с собой на стол.

– Ставишь на кон? – спросил Вадим, ехидно улыбаясь.

– Не понял? – Дарский с недоумением посмотрел на него, – Что... ставишь?

– Вот это, – Лысый показал подбородком в сторону его денег.

Наконец, дошло. Рядом с деньгами красиво расположился большеголовый ключ с бело-синим брелком – значком БМВ. Первое, что пришло в голову – возразить. Сказать все, что думаешь этому имбицилу. Нет! Лучше обозвать обидчика как-нибудь изощренно. А если тот не поймет? К чему тогда потуги? Стало вдруг весело. Весело от влетевшей в душу, словно птица в окно, бесшабашности. Чувство реальности, житейской осторожности Напрочь вдруг покинуло Александра. «Да наплевать!»

– Ставлю! Как сорок тысяч, – зуд собственного превосходства пробежал по мышцам и сконцентрировался внизу живота, – Только играем в очко. Полной колодой. Мы... с тобой. Или пан или пропал.

Что-то ухарское, залихватское творилось в Дарском. И не было в нем завтра. Было только сегодня. Как будто отшиб-

ло память о прошлом: не было прошлого, а, значит, и о будущем можно не думать. Только мысль – что ему повезет, пульсировала в висках, вибрируя во всем теле. А еще пора- жало странное ощущение, что и не он вовсе здесь. Какой-то другой человек. И все это нереально: стоит только прийти в себя, очнуться, и все встанет на свои места.

– Годится, – Паук достал знакомые пачки. Одну – соток и две – полтинников. Расстегнул свою барсетку и достал еще две пачки соток, – Даже торговаться не буду, хотя твоя бэха больше тридцати кусков не потянет. А за сорок ее и за год не продашь.

– Да ладно! За сорок она с молотка уйдет, – что-то пост- фактум шевельнулось в душе, но было уже поздно: «а» уже было сказано.

Взяли новую колоду. Чтобы установить очередность сда- чи, стали раскладывать карты на две кучки в открытую – до туза. Туз попал Дарскому.

Тщательно перемешав карты, он дал Лысому столкнуть. Сбросил карту ему, себе и снова ему.

– Еще, – потребовал Вадим.

Александр сбросил еще одну карту.

– Себе, – после коротенькой паузы просипел сквозь зубы Лысый.

Дарский перевернул свою первую карту: «Пять бубей».

Следующей оказалась девятка. «Четырнадцать очков – ни то, ни се. Вот уж поистине – или пан, или пропал». Созна-

ние зависло, подобно компьютеру, отказываясь реагировать на реалии момента. Он снял еще карту. Замедлился. И перевернул.

Удар под дых, наверное, дался бы ему легче, чем бубновый туз – сверху на четырнадцать глаз. Из глубин тинейджерства выплыла давно забытая фраза: «П...ц подкрался незаметно». Даже предпоследний проигрыш еще не был настоящим. Что пришло, то и ушло. Этот же – по-настоящему настоящий. Ушло свое. Свое – кровное.

– Мне – для полного счастья – сейчас не хватает кусков пятьдесят одолжить и еще раз проиграть, – нервно хохотнул Дарский, уже слабо соображая, что говорит.

Откуда могла прилететь в сознание такая фраза, только Всевышнему известно. Но одно можно было понять точно – жизнь подставляет: бессовестно загоняет в какой-то не свой коридор, по которому придется теперь топтать. А, может, бежать? Убегать от огромного, тяжелого колеса судьбы, которое вот-вот наедет на пятку, вывернет ее и раздавит ногу, а потом, захватив ее, переедет его самого, оставив мокрое плоское пятно на земле: его тело, его самого – теплого и только что бывшего живым. Понять такое, конечно, можно. Но не тому, кого судьба охаживает. Кого берет в оборот. Такому человеку не понять ничего до поры до времени. Пока не отпустит. Пока не начнет, окаянная, возвращать постепенно в сознание, не давая мгновенного понимания того, что произошло.

– А что? – продолжал улыбаться Паук, – Я рискну, если ты серьезно. Пятьдесят кусков у тебя будет через час. Думай. В твоём распоряжении десять минут.

Дарский посмотрел на Леру. Она сидела на диване, постарушечьи положив руки на колени. У нее был вид мышки, которая понимала, что попалась, что из кошачьих зубов ей не выбраться. Она вдруг стала близким человеком, с которым захотелось посоветоваться. Он встал и подошел к ней. И она поняла: встала и пошла на кухню.

– Саша, не надо! – порывисто выдохнула, как только Дарский закрыл за собой дверь, – Ты же неадекватен сейчас. У тебя вон – лихорадка. Ты разве не видишь, как тебя трясет?

– Да ерунда! – к нему, только что желавшему, чтобы Лера сказала именно это, чтобы она помешала совершить опрометчивый поступок, и в которой он только что искал защиту и понимание, вдруг снова пришла уверенность, что повезет: «ну, не падает же, говорят, снаряд в одно и то же место», – Лер, я выиграю. Точно. Я это чувствую...

Ее присутствие – что должно было, казалось, защитить его от неуверенности в себе, придать полновесную силу сопротивления тем, кто вводил его в транс иллюзорностью посулов – принесло совершенно не то, что ожидалось. Дарский воспрял. Но воспрял в иллюзии, а не в реальности. И Валерия, которая должна была, казалось, остановить его, на самом деле стала дополнительным толчком в руках беспощадной судьбы.

– Остановись, Дарский! Подумай хотя бы о родителях.

– А ты думаешь, я о них не думаю. Я о них только и думаю.

– Вот и думай. Думай, – почти крикнула она.

Александр вдруг разозлился. «Да что она тут из себя корчит. Жена мне нашлась. А из-за кого я вляпался во все это?»

– Знаешь что, дорогая? – процедил он сквозь зубы, – Поосторожней на поворотах... ты достала меня уже.

«Вот и посоветовались, – пришла, как следствие, завершавшая разговор мысль, – ведь только что думал, что нет человека ближе... черти что, и сбоку бантик».

43.

Паук уехал за деньгами. Рыжий – с ним. Остальные рассосались по квартире. Большеглазый с Михеем смотрели в общей комнате телевизор: Михай полулежал на диване, засунув руки под голову, а Большеглазый сидел, сгорбившись, на стуле. Валерия что-то делала в кухне: там периодически было слышно ее присутствие.

Дарский ушел в спальню. Лег на кровать поверх покрывала: лежал с закрытыми глазами, пытаясь ни о чем не думать. Иногда появлялось осознание неудобства позы. Но повернуться мешала навалившаяся усталостью лень. Понимал – пошевелиться надо, но не шевелился: лень компенсировала неудобство. Она приятно поражала сознание. Привносила в него некую степень удовольствия от навалившейся безмятежности. От обездвиженности. Добавляла недостаю-

щую деталь к осознанию неестественности того, что произошло, и что происходит до сих пор. Инерционно заполняла пространственно-временной континуум непонятно куда повернувшей жизни. Казалось, шевельнись – и блаженство, дающее надежду на благополучный исход сегодняшнего дня, безвозвратно покинет душу и тело.

Наконец, рука под головой стала неприятно мертветь, покалыванием подавая знак о застойном явлении. И блаженство отступило под натиском естественной потребности. Александр встал, потряс рукой, сжимая и разжимая пальцы, и хотел было пойти на кухню – попить воды. Но в это время раздался звонок домофона, потом звук Лериных шагов и ее голос. Замерло сердце. От неожиданности. А, может, наоборот – от ожидания неизбежного. Приехал Паук. Дарский нехотя встал и вышел из спальни.

Лысый был один – без Рыжего. На вопрос Михея ответил, что «бобик сдох».

– Ну, что, Санек? – обратился он к Александру, – Не передумал еще?

– Нет! Не передумал! – резко ответил тот.

– Ну-ну, не так резво, – снисходительно засмеялся Лысый, – Оставь силы на игру.

Дарского такая снисходительность окончательно вывела из себя. Он выругался внутренне, но вслух оставил выступление Вадима без комментария, потому что в последний момент догадался, что тот мог ляпнуть это без задней мыс-

ли: может, даже по-отечески, как заученное в детстве, когда взрослые таким образом хотят умерить пыл ребенка. «Черт с ним!»

Через пару минут сели за стол.

– Ну что? Как играем? Вдвоем в очко или вчетвером в покер? – Вадим давал Дарскому фору, соглашаясь на его выбор.

Но было уже поздно: и нервишки пощипаны изрядно, и чувство усталости сказывалось, а потому все это и предопределило выбор.

– Очко. По десять кусков, – Дарский рассуждал о десятках тысяч долларов так, как будто оперировал просто десятками. Подумаешь – десять долларов или двадцать. Какая мелочь. Понимал, что это смещение ценности универсального товара в его психике не есть хорошо в допустимых для него пределах. Но в душе на этот пассаж логики существовал чувственный ответ. Чувства выражали удовлетворение тем, что барьер восприятия больших денег успешно преодолен. Логика еще как-то пыталась объяснять чувственный абсурд просками гордыни, но потерпела фиаско: была без слов осмеяна. Ей инкриминировалась трусость, чтобы, в конце концов, она отступила, понимая силу нижних уровней психики, более древних, а потому более мощных структур, заведовавших выживанием особи, а, значит, именно им вести ее за собой, пусть даже они трижды не правы.

– Лады, – Вадим странно соглашался со всем, что предла-

галось, – Опять на туза?

– Конечно! – бросил Дарский, – Только открой новую колоду! – реализовал он внутреннюю неувязочку в себе.

– Без проблем, – Лысый продолжал улыбаться, как будто ему что-то такое было известно, чего не знали другие. Особенно Александр.

«Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, – вспомнилась поговорка, – Точно. Он как будто знает, что будет впереди».

Туз снова достался Дарскому, и первые две игры ему повезло. «Семьдесят тысяч, – подсказало сознание, – Остановись! Отдай все и беги. Остайся при своих. И бабу эту гони, из-за которой вляпался во все это дерьмо!» Но где там! Такие решения под силу лишь богам. Но не простым смертным. Нет, гипотетически, конечно, такой подвиг и человеку под силу. Но только тому, который не играет. Играющему же прекратить партию, когда есть что поставить на кон, молнии среди ясного неба подобно...

Через час гости ушли и унесли с собой все деньги, не считая мелочи, на которую Паук отказался играть.

– Не стоит, – сказал, – А все разговоры по долгу оставим на завтра, – заключил он, – Я решу, сколько времени тебе дам. Но надолго не рассчитывай.

Дарский сидел, опустив голову на том же самом месте – за столом. Ощущение, что половина головы не работает, вербализовалась в сознании странным образом: «Тут есть, а тут

нет, – констатировала мысль, но ее почти сразу перебила другая, – А что у меня осталось?» Он, как сомнамбула, собрал и пересчитал все, что лежало рядом: получилось семьсот девяносто долларов. «Живем», – подумал с горечью.

Сзади послышались шаги. Подошла Лера. Молча села на стул рядом.

«Я совсем забыл о ее существовании», – вспомнил, и стало как-то не по себе. Не то, чтобы стыдно. Просто не по себе. Отвратительно. Лера – это олицетворение его неудачи: он иначе уже и не мог ее воспринимать.

– Что думаешь делать? – ее голос был полон сожаления о случившемся.

Но это ничего не значило. «Не спросила – что будем делать... что думаешь делать? А что я хотел? В конце концов, она предупреждала – не играй. Все! Бред какой-то! Все! Все! Все!»

– Не знаю! – отмахнулся, – Даст бог день, даст и пищу. Все завтра. А сегодня я хочу напиться, – он взял наполовину недопитую бутылку виски и пошел на кухню. Повернулся, не доходя до двери.

– Иди-ка ты спать: утро вечера мудренее.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

Беспокойство Пекарика по поводу Дарского росло вместе с пониманием того, что все задуманное по отношению к этому молодому человеку не осуществимо. Внутренний страж порога настолько высоко поднял моральную планку, что ни перешагнуть, ни перепрыгнуть ее в себе не было возможности. «Ну что здесь такого, – говорил он внутреннему визави, – Сколько молодых людей гибнет каждый день на земле. Просто так. Не решая никаких жизненно важных задач для человечества. А иногда просто по глупости. Просто переоценив свои силы и возможности. А тут...

«А что – тут? – возразил всегда находившийся начеку внутренний оппонент, – А не возомнил ли ты себя Богом, болезный?

«Точно – болезный. Лучше и не скажешь, – обрадовался почему-то Вениамин Петрович, – Если бы кто-то услышал, о чем я думаю, сказал бы, что имеет дело с сумасшедшим».

Вот уже сколько дней он наблюдал за Дарским с экрана монитора. Каждый вечер. И чем ближе узнавал, тем меньше оставалось шансов для свершения эксперимента. Теперь он уже не мог обманом отобрать то, что ему не принадлежало. Он даже не утруждал себя вопросом – почему. Логического объяснения не было. Не мог и все. Не хватало сил пересту-

пить через себя. Казалось бы – ничего особенного. Но попробуй – сделай. Все чаще стало вспоминаться многоликое существо, однажды посетившее его задолго до того, как идея стала опускаться на более низкие уровни материи – эманировать, медленно продвигаясь в физический мир. Вениамин Петрович последнее время всю дорогу вспоминал о нем – о его странной, пульсациями трансформирующейся внешности. Но ни разу, преодолевая в состоянии транса завесу – границу вещественного мира, не потревожил странного визави, чью мыслеформу уловил когда-то в информационном пространстве вселенной.

Время шло, а причины, достойной отъему жизни у молодого, здорового человека не было. И, казалось, не предвиделось, да и предвидеться не могло. Несколько раз профессор пытался заглянуть в свое будущее или будущее Дарского. Но доступ к нему закрывался. Какая-то сила сворачивала поток сознания в спираль, закольцовывая в какой-то момент. Как будто молния проскакивала между витками спирали, возвращая мысль в только что преодоленный информационно-энергетический поток, не давая двигаться вперед. «Почему? – думал Вениамин Петрович, – Ведь я, таким образом, мог бы предусмотреть неизбежное... или увидеть возможности. А вдруг они существуют? Вдруг все-таки Александр склонен к суициду?» Мысль, которая не однажды появлялась в сознании, казалась единственной ниточкой, которая могла связать желаемое с действительным. Она давала

осознание простоты и некоей возможности этого действия. «А ведь и вправду: почему такой сценарий не может иметь места быть?»»

От этого витиеватого вопроса отдавало риторичностью. И даже больше – глупым автоматизмом. Но сегодня, как только он возник, ответ пришел почти сразу – влетел в сознание запоздалым откровением, будто бы ожидаемым чуть ли не целую жизнь. «Да потому, что не было соответствующей ситуации, – обрадовался профессор, – А как только она появилась, интуиция о ней сообщила».

Последние дни Вениамин Петрович ходил под впечатлением происходившего в квартире Дарского. По-человечески понимал с самого начала, что для него все это может плохо закончиться. Видел, как того засасывает игра. Видел, как под влиянием выигранных денег Дарский теряет ощущение реальности жизни. Даже вопреки интересам ученого, предупредил однажды – через сновидение – об опасности: о том, что от такой компании добра ждать не стоит. Понимал, что развязка предстоит не какого-то там узелочка – огромного кармического узла. А выдержит ли психика Александра такой удар? Сможет ли он выстоять перед мощным напором обстоятельств, которые, как снежная лавина, устремятся на него со всех сторон. Как высокоразвитый человек, для которого эмпатия не была вопросом теории, жалел Дарского. Но как ученый видел в нем объект исследований. И когда это происходило – когда ученый в нем преобладал, ни о какой

эмпатии не стоило даже заикаться. Был объект и любопытство исследователя, которое последнее время все чаще и чаще превалировало над человеколюбием.

В один из вечеров неожиданно появился вопрос, на который Пекарику захотелось получить ответ: что связывало Дарского с Дмитровским? И откуда Дарский знает декана экономического факультета? «Позвонить Николаю? Но, боже, когда я последний раз с ним разговаривал? Да и как такое любопытство обставить? Какую причину найти? Спросить – кем ему доводится Дарский, что он дает ему деньги? Конечно, можно начать издали: какой-нибудь провокационный вопрос задать. Например, не говорит ли ему о чем-нибудь фамилия «Дарский», не было ли на экономическом факультете такого Дарского, когда мы еще учились? Точно! Просто сказать, что есть у меня студент, фамилия которого что-то мне напоминает. А вот что, никак не могу вспомнить».

На следующий день – с утра – Пекарик даже набрал погородскому телефону деканат экономического факультета. Но на том конце провода женский голос ответил, что декан ушел, и, когда появится, не сообщил. А потом было некогда, а потом еще что-то помешало, потом забыл. И вот сейчас вопрос возник снова...

– Ты не занят? – в кабинет заглянул Руман.

– Заходи, Миша. По делу?

– Ты утром говорил, что у тебя есть новость, – Руман вошел и выжидательно застыл на пол дороге.

– А-а, да: есть, есть, – оживился Пекарик.

– Ну, вот я, как освободился...

– Прошу – располагайся, – Пекарик показал на кресло, встал, подошел к двери и, приотворив ее, сказал Леночке, что будет занят. Вернувшись на место, задумчиво посмотрел на Румана.

– Да, Миша. Даже не знаю, как и сказать... – приложил пальцы к вискам Вениамин Петрович, – Я просто представить не могу, как передать, что я чувствую.

– А ты начни с самого события...

– Короче, дело дрянь у Дарского, не дал договорить Пекарик, – Он проиграл в карты и машину, и довольно крупную сумму денег. Притом в долг – совсем потерял чувство меры. Но вот, что важно в данной ситуации, гаденько–то на душе у меня не из-за этого. А из-за того, что я – где-то глубоко внутри – даже доволен этим. И ты знаешь – почему? – заметил он, – Потому что это дает мне надежду, что Дарский может пойти на самоубийство, а я воспользуюсь этим и даже более того – попытаюсь уговорить его на сотрудничество.

– Да, Веня. Задача... – Михаил Моисеевич, не договорив, замолчал. Задумался. Молчал и Пекарик. Наконец, Вениамин Петрович спохватился. Будто вспомнил что-то важное, или, хватаясь за соломинку, просто хотел хоть каким-то образом отвлечься, только бы не оставаться в себе под бдительным взором совести.

– Точно: я же хотел позвонить Дмитровскому. Надо спро-

силь – откуда он знает Дарского, – посмотрел на недоумевающего Румана, – Он его знает, – объяснил, – Он деньги ему давал в долг.

– Откуда? – машинально спросил Михаил Моисеевич.

– Вот я и хочу это узнать. Хочу позвонить...

Пекарик снял трубку, и по памяти набрал нужный номер.

2.

– Да, Вениамин Петрович. Приветствую тебя, – как всегда, с неподдельной радостью заговорил Дмитровский, вызвав у Пекарика улыбку.

– Привет, Николя. Что так официально? Только что не на «вы».

– Привычка, пожалуй. Ну? Что хотел? Ты же мне просто так не позвонишь?

– Да по большому-то счету, считай, просто так и звоню. Мелочь: сомнение тут одно закралось в голову.

– Заинтриговал, – Николай Иванович не смог скрыть любопытства, – Ну-ка, ну-ка...

– Студент у меня один есть. Никак не могу понять – откуда мне его фамилия знакома. Может от тебя в свое время слышал. Не было на вашем факультете такого? Может, в стройотряде кто-то из молодых? И я его знаю только по имени?

– Веня, – снисходительно остановил Пекарика Николай Иванович, – Фамилию-то скажи.

– А я не говорил? Извини. А мне показалось... Дарский

– его фамилия, – Пекарник замер.

– Кто? Дарский? – Николай Иванович на секунду замолчал, будто собираясь с мыслями.

– Да, – машинально вставил Пекарник, – Дарский.

– Что-то случилось с Сашей? – в голосе Дмитровского появился нескрываемый интерес. Даже тревога.

– А ты, что, его знаешь? – подыграл Вениамин Петрович.

– Еще бы. Ты, кстати, тоже.

– Я? – только что изображавший из себя режиссера-постановщика Пекарник, сам стал актером, – Ты имеешь в виду не как своего студента, – удивился он.

– Вот именно. Ты даже, я помню, на руках его держал, запеленатого, когда ему еще и полгода не было.

Пекарника на какое-то мгновение переключило.

– Давай-ка, выкладывай поскорей. Сгораю от любопытства, – Вениамин Петрович вдруг отключился от действительности. Даже забыл про Румана, сидевшего напротив и пытавшегося уловить смысл беседы. Но он о себе напомнил.

– Ну что там?

Пекарник не отреагировал.

– Ты же Пашку Ходоровича помнишь? И Аньку его? – спросил Дмитровский.

– Хм! Ну, конечно, помню! – словно бы возмущился Пекарник. И вдруг дошло, – Не может быть!

– Может, Веня. Это их сын.

– Вот так дела, – Пекарник, только что тянувшийся от

спонтанного любопытства вверх, размяк в кресле. Рядом от нетерпения – узнать, в чем дело, заерзал Михаил Моисеевич.

– Паша умер почти перед самым дипломом. Ты же помнишь. А через год Светка вышла замуж. За Алекса Дарского – Сашино отчима. Я у них свидетелем был. Саша его тогда уже принимал как своего отца. А вот встречался ты с Алексом или нет, сказать не могу: он на курс младше нас. Может, и пересекались когда.

– Да-а. Поразил ты меня в самое сердце. Не скрою. Но ты-то, – Пекарник казался возмущенным, – почему раньше мне об этом не сказал?

– Почему, почему? Ты не спрашивал. А повода подходящего не случилось.

«Вот тебе и судьба, – крутилось в сознании Вениамина Петровича, – Отец умер от передоза, а сын в карты вляпался. И чем еще все кончится?»

– Чего молчишь, Веня?

– Перевариваю...

– Ладно, ты переваривай, а я займусь делами. У меня их выше крыши сегодня. Пока. Звони, если еще вопросы появятся.

– Да, Николая. И спасибо тебе.

– Было бы за что.

Вениамин Петрович положил трубку.

– Вот так дела...

– Ну, не томи! – терпение Румана, видимо, дошло до точ-

ки кипения.

– Представляешь? Дарский – сын Ходоровича покойного. И Аньки Петровской, – выпалил Пекарик и, увидев в глазах Румана непонимание, удивился: «Разве можно не помнить Аньку? Да колоритнее фигуры в коридорах первого корпуса, где наш факультет пересекался с филфаком, пожалуй, и не было. Разве что Руман из-за своей Розочки никого больше не видел», – Петровская Анна. Филологиня. Ну? Секс-бомба?

В глазах Михаила Моисеевича появилась ясность. «Видимо, кроме своей Розочки, он-таки что-то замечал», – Пекарик готов был рассмеяться реакции друга. Но сдержался.

– А-а! Помню! Точно. Аньку помню. А Ходоровича? – он пожал плечами, – Ходоровича не помню. Кто такой?

– Да ладно, Миша, это уже не важно. Человека все равно давно уже нет. А суть в том, что Анька после его смерти вышла замуж за Алекса Дарского с экономического факультета, которого очень хорошо знает наш общий знакомый – Дмитровский Николай Иванович. Он даже свидетелем был на их свадьбе.

– Ну и что это меняет? – Руман недоумевал.

– Да, в общем-то, ничего... для тебя, Михаил Моисеевич. А для меня меняет. Потому что я и Пашу знал хорошо, и Аню. А теперь знаю, что Дарский – их сын.

– Ну и что это меняет? – настаивал Руман, явно подразумевая, каким образом это должно отразиться на задуманном.

– Да понял я твои намеки, Миша, – отмахнулся Пекарик. Почему-то задела черствость товарища по отношению к его ностальгическим чувствам, – Ничего не меняет. Все в руках Господних: куда мы денемся из нашей подводной лодки?

На лице Румана отразилась работа мысли. То, на чем он только что настаивал, и что было важнее всего, вдруг отошло на задний план. Оно не могло спорить с горечью, услышанной в голосе друга. «Как же наша сущность, – подумал, – приспособляется к изменяющимся мгновенно обстоятельствам жизни, мгновенно менет гештальт. Что только что было фигурой и устанавливало правила жизни, уже растворилось в окружающем фоне. А оттуда вдруг вынырнуло нечто: не всегда сразу понятное, но такое значимое, такое живое по сравнению с тем, уже ушедшим, которое не вернется никогда. Никогда – в том самом качестве, которое было в интегрированном целом и которое теперь схоронилось в одной из ячеек информационного пространства вселенной».

Тишина кабинета, лишь нарушаемая иногда шагами и редкими голосами в приемной располагала к осмыслению только что пережитого. Вениамин Петрович впал в ностальгию, пытаясь переступить порог морали, охраняемый бдительным стражем – совестью. А Михаил Моисеевич, только что проглотивший укоры этого всемогущего божественного инструмента, закопался в философских изысках.

Пришедший декабрь неожиданно принес снежную и ветреную погоду при не спадавших почти морозах. На улице, даже по делам, не хотелось появляться. Пешеходные дорожки, особенно по утрам становились трудно проходимыми. Снег, пересыпанный химерагентами, не уплотнялся, не смерзался, как это должно было происходить в естественных условиях.

Снег шел в основном по ночам. И почти каждое утро, пока дорожные службы еще не удосуживались его убрать, лежал на дорогах и прилегающих к ним тропкам неприятной скользкой хлябью.

Второго нарисовался Паук. В квартиру зашел один. Был дружелюбен, как всегда. Улыбался. Но сквозь улыбку проступал звериный оскал.

– Ну, что, дорогой мой друг, – глядя в глаза Дарскому, тихо, но с какой-то угрозой в голосе проговорил Вадим, – Сроку тебе – до пятнадцатого. Хотел дать – до двадцатого. Но двадцать первого-то – конец света: когда ж я тогда деньги успею потратить? – его растащило от удовольствия, от собственного остроумия. Самолюбование засияло отвратительной улыбкой, в которой сквозило осознание превосходства, – Ну, а потом не взыщи: поставлю на счетчик.

«Животное», – подумал Александр, но совершенно не почувствовал ни отвращения, ни пренебрежения. Как будто просто констатировал факт.

– У тебя все? – спросил он довольного собой Паука.

– Зря ты грубишь, Сашок, – улыбка мгновенно слетела с его лица, – Я ведь могу и сократить срок. Скажи спасибо, что не настаиваю на немедленной отдаче долга, а то пришлось бы квартиру продавать, – он обвел комнату взглядом.

– А я не грублю, – спокойно ответил Дарский, – Я просто хочу остаться один. Поэтому и спрашиваю. Если все, что ты хотел мне сообщить, тогда будем прощаться. А квартира, кстати, мне юридически не принадлежит. Она на матери.

– Да это поправимо, дорогой мой, – как с ребенком заговорил Вадим, – Родителей-то можно и вызвать... – в голосе снова прозвучала угроза, – Ну ладно, как знаешь, – добавил, – До скорой, – Лысый замялся на секунду, будто обдумывая – подать или не подать на прощание руку. Не подал. Повернулся, открыл дверь и вышел, не оборачиваясь.

– Пока, – бросил вдогонку вышедшему Пауку Дарский. Затворил дверь и почувствовал удовольствие. Не облегчение, не удовлетворение, а именно удовольствие. Как будто только что чуть не попал под машину, но все обошлось. И вслед за осознанием того, что могло бы свершиться, пришло, пусть и куцее, чувство радости. Потому, что есть еще время, и потому, что рядом нет раздражителя. Даже это показалось верхом комфорта. А дальше – не расти трава.

Время пошло. Пятый день Дарский пил без просыпу, лишь два раза за это время выбравшись в магазин. Такого с ним еще никогда не происходило. «Но когда-то же начинать

надо». Горечь этой, казалось бы смешной, фразы он постиг во всей красе. Вчера ушла Лера, фыркнув на прощание. Как будто этим она могла его унижить. Или сделать больно. «Да по барабану. Катись ко всем чертям. Я и сам хотел, чтобы ты свалила». Так хотелось ей это сказать. Особенно после того, как она каждый день, чуть ли ни выла о том, с какими страшными людьми он связался. И что его ожидает, если не отдаст долг. «Сука, – думал, – а кто свел меня с ними? Кто сверг в это болото?» Но тут же становилось стыдно перед этой глупой канарейкой, этим великовозрастным ребенком. «Ведь она хотела как лучше... и предупреждала же – не лезь на рожон. Сам виноват. Потерял чувство реальности. И где теперь взять столько денег?»

Мысли приходили и уходили. А выхода не было. Не было и все. Он перебирал и отвергал, как неправдоподобные, варианты. Вечерами, в алкогольном трансе появлялись фантастические, но такие, казалось, осуществимые идеи. Их очевидная бесспорность придавала силы и укрывала собой нараставшее отчаяние. А утром все становилось на свои места, и вместе с горечью похмелья в сознание вползала горечь разочарования: Александр в очередной раз скатывался в понимание наивности вечерних прожектов и неспособности их пробиться в реальный мир.

Два раза – и оба ночью – звонил Паук, напоминая о себе. Бросался затертыми киношными фразами. Говорил, что это бизнес, что – ничего личного. Но пытаясь юморить, все же

угрожал. Дважды напомнил о родителях. А второй раз, под конец, не удержался от злорадства: сказал, что «бэха» великолепна, и ему жаль, что Дарский лишился такого классного автомобиля.

Иногда рука машинально, если лежал на кровати, находила телевизионный пульт, и тогда он бездумно тискал на кнопки, выискивая что-то под настроение: чтобы забыться. Но все чаще это же сознание улавливало материалы о конце света. Особенно на «ТВ-3». И все чаще его такие программы устраивали. Особенно все, что касалось календаря Майя: по муссируемой чуть ли не всеми передачами канала версии 21 декабря 2012 года он, якобы, предрекал конец жизни последней глобальной цивилизации. И неважно, что все эти рассказы не имели под собой реальной основы. Неважно, что была эта информация лишь фрагментом – небольшим абзацем, вырванным из огромного контекста исторической действительности. Подсознание через первобытный страх прониклось ею, не смотря даже на аргументы, которые предлагало рациональное мышление. Но по большому счету страх – это страсть, имеющая и противоположную сторону. А если приятно думать об этом? Ведь конец – он и есть конец: он освобождает от всех мучений. Так зачем что-то предпринимать?

Мучения начинались сразу же, как просыпался. В руках и ногах начинало вытягивать жилы. И он тут же «поправлялся» – восстанавливал статус-кво. Даже если все происходило

ночью. Последнее время безалкогольные промежутки, а точнее – сон, стали сокращаться, и туловище адекватно, со своей точки зрения, реагировало на собственные запросы. Тем более, что запас «лекарства» предусмотрительно делался.

Прошла неделя. Александр уже не всегда ориентировался – где реальность, а где трансформированное алкоголем изображение.

В один из дней, забывшись под утро на пару часов, он, как и всегда, очнулся с тревогой в груди. Но сегодня там чувствовалось еще и что-то новое, что-то незнакомое. Ставшая непривычной ясность сознания завораживала ум: Дарский лежал, не шевелясь, боясь нарушить бесчувственность тела. Даже сухости во рту, казалось, не ощущалось. По приобретенному за последнее время опыту знал – стоит только чуть изменить позу, и иллюзия комфорта улетучится. А ей на смену придет во все мышцы и суставы вытягивающая, словно судорогой, боль. Голову стянет невидимым обручем, и под ребрами появится тяжесть.

Тревога нарастала, готовясь перейти в осознанные чувства. И, наконец, проявилась пониманием, что дискомфорт устранить нечем. «Сволочь! Все вылакал ночью». Александр даже застонал, повернувшись, чтобы встать с постели. Ощутил неприятную влажность не снятой на ночь одежды. Состояние тела, отраженное болезненной психикой выгнало его в прихожую. Он протер пальцами слезящиеся глаза, воткнул ноги в ботинки, накинул куртку. Проверил карманы:

деньги на месте. Ключи? Вот они. Лежат на банкетке. Замокнул машинально дверь и так же машинально стал спускаться по ступенькам. Вспомнил о лифте, но возвращаться не стал. Ноги несли вперед. Появилось осознание, что туловище каким-то странным образом доминирует над психикой. Сначала что-то делалось, и лишь потом приходило осмысление. Как будто тело лучше знало – что и за чем следует: никаких умственных заморочек – вперед к цели.

Александр вышел из подъезда, ощутив на себе прелесть снежного колючего ветра. Натянул капюшон и завернул в сторону арки, откуда невероятно сифонило.

Пройдя эту аэродинамическую трубу и оказавшись на улице, почувствовал облегчение. Здесь – с этой стороны дома – так уже не выюжило. В свете еще горевших фонарей и едва забрезжившего тусклого рассвета жизнь не казалась совсем уж унылой и отвратительной.

В какой-то момент появился вопрос – что за день сегодня? Но трудности, с которыми столкнулось его осмысление, почти сразу показали – точного ответа не будет. «Может, седьмое, а может, восьмое». О дне недели даже не стал думать. Не за что было памяти зацепиться. Но в любом случае еще, по примерным подсчетам, целая неделя до контрольного времени – до часа торжества Паука, неделя, которая, по большому счету, ничего не решала: денег все равно взять негде. «А сообщать о том, что случилось, родителям... да лучше сдохнуть!» Он даже остановился на мгновение, пораженный

этой фразой. «Странно, – появилась мысль, – Как в сказке: на перепутье – у трех дорог. Налево пойдешь – головы, кажетя, не снесешь. Точно. Мой вариант...»

– Сашка! – раздалось почти рядом, заставив вздрогнуть. Но голоса он не узнал. А потому не повернулся. Не до того было: магазин совсем рядом – сейчас закончатся и мучения плоти, и душевные муки, – Дарский! – тот же голос настаивал на своем.

«Димон? – оглянулся на голос, – Точно – Димка Реутов. Откуда? Он же не здесь живет.

– Привет, Санек! Думаю – ты, не ты? Если бы не куртка твоя фирменная, не узнал бы, – заговорил он, подходя к Александру и подавая руку, – Ну ты зарос. Бороду что ли отпускаешь? Все говорят – ты болеешь...

– Привет, Димон. Болею. Вот в магазин вышел – пожрать надо взять.

Реутов как-то оценивающе посмотрел на него. И даже не смог сдержаться – хмыкнул: типа – ну-ну, пожрать.

– Что с тобой? Ты столько на занятия не ходишь...

– А ты-то как здесь? – перевел тему Александр, с трудом преодолевая желание послать однокурсника куда подальше и быстрее войти в супермаркет, – Ты же в другом районе живешь. Да и рановато еще...

Димон как будто ждал этого вопроса. Преобразился сразу.

– У подруги ночевал, – сказал он гордо, как будто это было, как минимум, подвигом, – Да вот хочу перед занятиями

домой еще заскочить.

– А-а, – подыграл Дарский, – Подруга – дело святое...

– Точно, – не нашел ничего лучшего ответить Реутов.

– Ладно, Димон, – не выдержал, наконец, Александр, при-
держивая капюшон со стороны ветра, – Погодка, явно, не
для бесед. Давай. Увидимся, – и протянул руку.

– Да. Давай, – согласился Димон.

Александр уже сделал шаг назад, но как бы извиняясь за
резко оборванный разговор, сказал:

– Передавай там привет, – ничего обычно не значившая
фраза прозвучала почти как просьба: самому противно ста-
ло.

Выйдя из магазина, он сразу сориентировался в свете на-
чинавшегося дня на противоположную сторону улицы. Там
тротуар представлял собой аллею, засаженную еще достаточ-
но молодыми березами. Не востребованная почему-то пеше-
ходами в должной мере та сторона, привлекала немногочюд-
ностью. И там никто не мог помешать Дарскому – сделать
пару глотков своей горькой, с обильным слюноотделением
судьбы.

Он слишком быстро вышел на дорогу на неуправляемом
пешеходном переходе. Начавший тормозить на заснеженной
дороге тяжелый черный «Мерседес» с круглыми, как будто
от удивления, светящимися фарами, явно не справлялся с
поставленной задачей.

Резкий неожиданный порыв ветра, сорвавший с Александра капюшон, сбил дыхание и на мгновение заставил зазмуриться. Но именно он определил развязку событий. В последний момент Дарский увидел и автомобиль, зад которого начинало заносить в сторону. И события последнего времени, неправдоподобно растянувшиеся в этом коротком отрезке времени. И, казалось, испуганные лица родителей. Увидел плакавшую, такую трогательную и милую Кветковскую. Автоматически, что было сил, стал заваливаться на спину, переноса центр тяжести в верхний плечевой пояс и подтягивая колени к животу.

Так, как хотел, не получилось – под правой ногой не оказалось достаточной опоры. Она скользнула, не дав мышцам выполнить действие до конца. Успел почувствовать боль в спине, прежде чем ударился затылком и на мгновение почти отключился. Но все же замутненное сознание зафиксировало, как правая нога, не успевшая вовремя сгруппироваться, черкнула по корпусу «Мерса». А одна из бутылок, выскользившая из внутреннего кармана, вскользь прошла по подбородку: совсем уже не больно.

Поднялся почти сам. Лишь немного помогли проходившие люди. Кто-то сердобольный уже отряхивал спину.

– Надо же! Сволочь! Даже не остановился, – слышался сзади надтреснутый старушечий голос, – Расстреливать таких мало.

– Спасибо, – стал поворачиваться к женщине Дарский, – Да я сам виноват. Слишком резво на дороге... – старушка оказалась небольшого роста худеньким старичком в старом – когда-то, видимо, бывшем впору, но теперь великоватом пальто и еще более старо выглядевшей шапке, – Простите, – извинился он, будто старичок услышал, что о нем подумали. А тот посмотрел на небритое, опухшее за неделю непрерывного возлияния лицо Александра и ничего больше не добавил. Только на лице у него появилось что-то вроде сомнения. Будто после услышанного и увиденного он уже не понимал – хорошо или плохо, что машина этого человека не задавила. Старичок посмотрел на дорогу, собираясь перейти на другую сторону, но обернулся и снова посмотрел Дарскому в глаза. Как показалось, с какой-то нечеловеческой болью, с жалостью, пронзившей Александру душу. Даже не по себе стало, и мороз пробежал по позвоночнику. Но вдруг вернулось ощущение реального времени, и глаза судорожно стали искать потерянное.

Оба сосуда оказались целехонькими и лежали почти рядом – чуть поодаль от него. След от падения уже заровняла поземка, и бутылки естественно вписывались в урбанизированный пейзаж.

Перейдя дорогу, Александр посмотрел в удаляющуюся спину старика. Повернулся и отошел немного, прежде чем достал из-за пазухи холодившую грудь бутылку. Отвернув пробку, сделал несколько глотков. «Как вода», – пришла

мысль, пока содержимое вливалось. Но оторвавшись, ощутил подступавшие к горлу спазмы – желудок не выдерживал такого надругательства над собой.

подавив кое-как позывы организма – освободиться от ядовитого продукта, Александр зашагал в сторону дома.

4.

Очнулся от зудящего как будто в голове звонка. Его настойчивость раздражающе действовала на нервы. Сознание стало медленно возвращаться, ища точку опоры во внешнем мире. Реактивно сработали мышцы век. «Кого там принесла нечистая?» Преодолевая боль, казалось, во всех клеточках тела, он с трудом оторвал от подушки голову. И сразу же уронил ее назад. Звонок продолжал настойчиво звать. Наконец, Александр встал, раздраженно понося непрошенного гостя всем, что спонтанно приходило на ум. И, волоча ноги, побрел открывать дверь.

– Красавец! Ничего не скажешь, – Лера вошла по-хозяйски, оценивая его, глядя на него.

«Чужой человек, – мысли стали роиться, вытесняя друг друга из поля сознания, – Ни здравствуй тебе, ни просто улыбки человеческой».

– Телефон-то, чо отключил? Звоню, звоню...

– Да нет. Сам, видимо... – Дарский отвернулся и пошел на кухню, – А ты чего? Забыла что? – он нацедил себе в чашку водки и жадно выпил. Набрал из-под крана воды, попытался

заглушить отвратительный вкус.

– Ну и вонища у тебя, Дарский, – поморщилась, войдя за ним, Лера, – Ты ведро-то когда последний раз выносил?

– Не знаю, – просто ответил он. Разговаривать не хотелось.

– Говоришь, забыла!?! Ну, ты даешь, Дарский, – хохотнула Лера, – Да я больше оставила, чем взяла. Ты, небось, с тех пор и в шкаф-то не заглядывал?

– Не заглядывал, – покорно согласился он.

– Ну, вот. Иди – загляни, и увидишь.

– Лер, – посмотрел Александр на нее и сразу отвел взгляд, – Не интересно мне.

Она несколько секунд молчала. Переваривала, видно – обидеться или нет. Потом спросила с каким-то капризным укором:

– А почему ты меня не спрашиваешь ни о чем? – и не дождавшись ответа, изменив тон, хвастливо добавила, – А я квартирку себе нашла. Уютненькую такую. И почти в центре. И почти даром.

– Я рад за тебя, – искренне ответил он: и потому, что уже отпустило похмелье, и, наверно, еще потому, что Лера снова стала представлять собой женщину.

– Саш, пойду я собирать вещи, – она как будто извинялась перед ним, уловив его недвусмысленный взгляд.

– Делай, как знаешь, – отмахнулся он, осознав нелепость произошедшего.

Лера вышла. А он снова нацедил себе «пойла» и снова выпил. Но на этот раз, бездумно открыв хлебницу, и увидев половинку черного нарезного хлеба, взял горбушку, понюхал ее и тут же с удовольствием откусил. Пожевал, но есть передумал, положил назад: подозрительная тишина, не свойственная Валерии, давила на подсознание. «Что-то не то», – подсказывало оно. Но сознание сопротивлялось – не хотело еще раз осрамиться: с Лерой это запросто. «Палец в рот не клади. Руку по локоть откусит. А самое главное – никогда не церемонится с такими местечковыми парнями, как я». Он даже улыбнулся, вспомнив уже подзабытое за неделю слово.

В спальню все же пошел.

Лера сидела на кровати, обхватив руками голову, уткнув локти в колени.

– Что с тобой? Тебе нездоровится? – участливо поинтересовался Александр.

Она ответила не сразу. Может, с мыслями собиралась? А, может, выдерживала паузу, чтобы усилить значение того, что собиралась сказать. Но, когда сказала, не поверить в ее искренность, было невозможно.

– Да ну тебя, Дарский! Ты все испортил. Жили бы и жили, если б не твои амбиции идиотские. Все! Все испортил! – стала она выходить на повышенный тон.

– Я? – Александр не знал, что ответить, настолько его шокировало заявление Валерии, – Я все испортил? – он машинально перехватил ее тон, но почти сразу осознал назревав-

шее действие. «Если не остановлюсь, будет скандал. Лера и так уже почти истерит. А мне это надо: с бывшей выяснять отношения? Глупее не придумаешь», – Стоп, стоп, стоп! – будто отдавая приказ, отчеканил он. Лера даже удивленно посмотрела на него. И добавил уже тише, с соответствующим смыслу выражением:

– Прости, пожалуйста. Ты права. Но, как ни крути, а поезд в светлое будущее ушел без нас, – он вздохнул, – Так чего теперь переливать из пустого в порожнее?

Лера непривычно молчала. И от этого складывалось впечатление, что ее терзают глубокие чувства. «Не может такого быть. Не меняются люди вот так – вдруг. Не такая она, какой сейчас кажется». И все же появилось чувство неудобства. Чувство вины перед этой женщиной, возлагавшей какие-то надежды на него. Возможно, она осознавала их близость не так, как ее осознавал он. По-своему. И это понимание добавляло еще один глоток горечи растерзанной противоречиями душе. Появилось ощущение, что чего-то не хватает. Оно перешло во вполне определенное чувство. Пришла догадка, и Дарский снова поплелся на кухню. Сел на стул. Налил. Выпил. Посидел, переваривая примитивное чувство облегчения от только что проделанной работы. Как будто, опрокинув дозу, исполнил долг, и теперь мог расслабиться.

Через минуту пришло тупое безразличие ко всему. Душа занемела. И он стал кемарить, не в силах побороть сонливость, справиться с тяжестью век. Встал и, как сомнамбула,

поплелся было в спальню. Но вспомнил, что там Лера, и повернул в зал – на диван. Подойдя, не сел – плюхнулся. Лениво завалился на бок, подтянув ноги. И почти сразу вырубился.

5.

Несколько раз просыпался. Но не вполне. Не совсем адекватно воспринимая действительность. И снова засыпал. Или, точнее, забывался, перемешивая в сознании сон и реальность. Показалось, что в комнате появилась мама. Она ходила взад и вперед и что-то говорила. О чем-то спрашивала его. И он отвечал, удивляясь, почему у нее Лерин голос. Наконец, мама подошла и стала трясти его за плечо, называя Дарским.

– Мама, а почему ты меня так называешь? – улыбнулся он, снова удивляясь несоответствию.

– Дарский, ты что, уже совсем не соображаешь? Белочку поймал?

– Что ты такое говоришь, мама? Я только немного выпил пива, – солгал, как когда-то, когда с друзьями устраивали посиделки.

– Дарский, давай дурочка–то выключай: я уйду, – мама снова стала грубо трясти его за плечо, – Вставай! Дверь закроешь. Обнесут же дурака пьяного. А я потом виноватой буду...

Сознание стало возвращаться. И глаза, открывшись с тру-

дом, зафиксировали раздраженное лицо Леры.

– Все, все, – машинально перехватил ее руку, – Все. Встаю уже.

Он сел, закрыв лицо руками, борясь с соблазном упасть назад и снова забыться. Чтобы ничего не чувствовать. И ничего не помнить.

– Я думала, ты хоть вещи мне поможешь снести. А ты? Какая же ты свинья, Дарский: таким интеллигентным прикидывался... – Лера замолчала, видимо, ожидая реакции на свои слова. Но Александр промолчал, пребывая в той же самой позе, – Я думала, ты сильный, Саша, – продолжила она, и в ее голосе прозвучало вполне откровенное отчаяние, – даже пробовала представить тебя отцом своего ребенка.

На мгновение Александру показалось, что он слышит не просто отчаяние, а, скорее, вселенскую тоску по несбывшимся надеждам, тоску женщины, нашедшей, как ей казалось, место своего успокоения – мужчину, готового позаботиться о ней и ее потомстве. И эта ошибка, отягощавшая ее новыми поисками, заставляла в какой-то мере относиться теперь к своему избраннику даже с презрением. И немного с жалостью. Может, даже не к нему самому, а к тому, что связывалось с перспективой, примеряемой на себя жизни.

Александр молчал, сраженный ее откровением. Понимал остатками разума, что разочарование Леры не в нем, в ее фантазиях, так и оставшихся фантазиями. Выражение, запавшее в память еще в ранней юности, заполнило в долю се-

кунды сознание: «Женщины вдохновляют нас на подвиги, и сами же мешают нам их совершать». Подумал: «Улетно», и вдруг ощутил на этом слове печать времени: оно казалось пустышкой рядом с полновесной фразой, которой суждено жить в веках. Опустив руки и подняв голову, поразился пришедшему – еще одному – откровению: «прелесть, какая глупенькая». Защемило в груди от жалости к Лере с ее дурацкой житейской философией, для реализации идей которой понадобился бы, как минимум, миллионер. И уже состоявшийся, а не начинающий...

– Ну ладно, Дарский, – Лера искусственно засмеялась, – Извинений от тебя, думаю, не дождешься, – попыталась она шутить. Но получилось плоско, и от того грустно.

– Извини, дорогая, – не стал спорить Александр, – Сожалею, что так все вышло. Не держи зла.

– Да ну тебя, Дарский! – она шмыгнула носом и отвернулась.

Он никак не мог сообразить – что же сказать ей? Как поставить точку в затянувшемся прощании? Осознавая драматизм сцены, понимал убогость любой фразы перед происходившим в душе.

Положение спас звонок домофона. «Кто это может быть? Неужели кредиторы?» – неприятно екнуло сердце.

– Извини, Лера, – Александр тяжело встал с дивана.

– Я все равно ухожу, – махнула она рукой.

Забыв о галантности, он вышел первым, машинально то-

ропясь ответить звонящему.

– Да? – произнес в трубку, и лицо его изменилось, – Да-ша?! – воскликнул удивленно и почти сразу нажал на кнопку, впуская ее в подъезд.

– Я думала, что это Вадим со своими пацанами... как тебя перекосило-то, – стала снова вульгарной Лера, – А это – твоя новая пассия, оказывается.

– Лер, – будто оправдываясь, отмахнулся Дарский, – Перестань. Мы просто в одной группе занимаемся.

– Ну, да. Ну, да. Конечно, Дарский. Я же – дурочка, – она схватила за ручку свой огромных размеров чемодан на колесиках, – Открывай, – скомандовала, сделав порывистое движение к двери и гневно взглянув на стоявшего истуканом Александра.

Он мгновенно отреагировал на приказ. И она, не поворачиваясь, вырулила к одному из лифтов и шлепнула рукой по кнопке. Тот мгновенно открылся. Будто стоял и дожидался ее прихода. Лера вошла и стала возиться с чемоданом, который никак не хотел вписываться в промежуток между дверцами, цепляясь краем за одну из них. Александр уже было собрался помочь. И опоздал. Чемодан, издав неопределенный звук, проскользнул, наконец, внутрь, лифт закрылся и загудел, унося прошлое в прошлое.

Но почти тут же распахнулся другой. Из него показалась голова Даши. Наверно, она сомневалась – тот ли этаж: хотела посмотреть номера квартир. Увидев Дарского, смутилась.

Не ожидала, что он будет ждать ее вот так – стоя у дверей. Да и вид его небритого опухшего лица добавил остроты впечатления. Даже замерла на секунду.

– Проходи, – улыбнулся он ей, – Отпусти уже лифт.

– Да-да, – сделала она осторожно шаг на площадку, будто проверяла ее на прочность.

– Заходи, заходи, – подбодрил он ее еще раз, обратив внимание, что сегодня она одета как-то по-другому – по-женски, что ли.

Даша чуть замедлилась у входа, взглянув на него, затем быстро вошла. Щелчок замка заставил ее вздрогнуть. Сказывалось напряжение: и то, каково ей, и чего стоило придти сюда. Даже Дарский в своем наполовину трансовом состоянии не смог не заметить этого и не умилиться ее непосредственности.

Они стояли в прихожей напротив друг друга не в силах прервать возникшую паузу. Даша застыла, будто не понимая толком, как оказалась здесь, и почему судьба вообще так распорядилась ею. А он, понимая прекрасно порыв ее души, ее беспокойство и надежды, а еще то, что не в силах сейчас ответить на это. «Вот и все, – подумал, – Мое будущее, не начавшись, уже в прошлом». Горечь постоянного похмелья, смешавшись с горечью разочарования миропорядком, его несправедливостью по отношению к нему, проросла скорбью по несостоявшейся жизни. Максимализм молодости, прямая обязанность которого, казалось бы, долж-

на толкнуть к предельной стадии выживания, толкнула в обратную сторону, предлагая все светлое не для обретения надежды, а лишь для того, чтобы подчеркнуть темное. Нечеловеческая злоба, вырвавшаяся из темных глубин бессознательного, отвратительным чувством реализовалась в желудке. Стала разрастаться, повсюду устанавливая свое влияние. В голове появилось жжение, будто мозг, как спираль, стал накаляться, интегрируя полярности мира, вдруг ворвавшегося в него всеми существовавшими возможностями и, в то же самое время, невозможностью их реализации.

– Проходи, сюда, – Дарский распахнул перед Дашей дверь в большую комнату, – Я – сейчас, – понял, что, если не удовлетворит животную часть себя тем, что она требует, злоба может раздавить психику. И никакой воли не хватит, чтобы ее удержать в рамках приличия. Он вошел в кухню и схватил бутылку. Налил сразу пол чашки. «На, сволочь!» Выпил несколькими глотками, до слез борясь со спазмами. Запил водой из под крана, цедя и цедя ее сквозь зубы, растворяя в ней вкус водки.

Услужливая память напомнила о жвачке, которую видел как-то в тумбочке с Лериной стороны кровати.

– Еще пару минут, – заглянул он в дверной проем, проходя мимо, – Ты бы присела.

Даша стояла посреди комнаты, разглядывая, по всей видимости, корешки книг на полках.

– Нет-нет, я не устала, – почему-то сказала она, повернув-

шись на голос.

– Да? Ну ладно, – согласился он и прошел в спальню.

«Есть!» – обрадовался Александр, не соображая, что жвачка ему уж точно не поможет, что она лишь подчеркнет несоответствие частей в целом, создаст некий отвратительный гротеск. Он еще постоял немного, переваривая в душе неожиданный, такой желанный и нежеланный одновременно приход. Злоба схлынула. Пришло не то, чтобы умиротворение. Нет. Скорее, облегчение. Оно отодвинуло на время расплату за безответственность. Сняло, пусть и ненадолго, неподъемный груз, который судьба должна бы давать по силам, но, не рассчитав, взвалила его не на те плечи.

Дарский вошел в комнату и улыбнулся повернувшейся на звук Даше. А она, взглянув на него, попыталась ответить, но почти сразу опустила глаза.

6.

– Ну и видок? Да? – хмыкнул Дарский, продолжая идиотски улыбаться. Все его прошлое, что было до того, как появилась Даша, будто отодвинулось. Но было рядом: стояло чуть поодаль, ожидая своей очереди, нависая всей громоздкой, столько дней создававшейся конструкцией. Оно, как стражник, разрешивший короткое свидание, но наблюдавший, чтобы обреченный не сбежал, как туча, которая вот-вот закроет собой небо и ветвисто разорвет его на части, спрятав яркое горячее солнце за своей непроницаемой чер-

нотой, затопит землю слезами вселенского отчаяния.

Даша что-то хотела ответить. Но он ее остановил, понимая ситуацию.

– Ладно! Не парься. Что не скажи – все не то. И солжешь – плохо. И правду скажешь – ничего хорошего. Может, все же присядешь? Кофе у меня, кажется, еще остался... немного, – спохватился он.

– Да нет, Саша. Спасибо. Я просто зашла узнать – как ты. Столько времени не появляешься. А тут...

– Да я уже понял, – перебил он ее, – Сорока новости на хвосте принесла. Мол, запил Дарский. Глаз из-за щек не видно. Я так и знал – растрезвонит Димон...

– Нет-нет! Я давно собиралась придти. Только... не могла переступить через себя. А тут не выдержала. Пойду, думаю, посмотрю – как ты там.

Последняя фраза задела за живое.

– Ну и что? Посмотрела? – на Александра вдруг снова накатило. Не сказать, чтобы та самая темная злоба. Но все же он разозлился. И, скорее, не на Дашу – на себя. «Так вляпаться. Так нелепо попасть в петлю судьбы».

Образовавшаяся пауза принесла ощущение остановки потока времени. Даша от неожиданности оторопела. По глазам и позе, было видно, не понимала, что происходит. Время, как бы, перестало существовать до тех пор, пока она не заговорила.

– Наверное, мне пора, – В расширенных глазах читалось

удивление вперемешку с жалостью.

– Нет-нет, Даша, – спохватился он, – Ты все не так поняла. Я злюсь на себя. Мне так плохо от того, что я не соответствую тому, что ты хотела бы видеть. Его вдруг запоздало осенило: «Я что-то значу для нее», – Даша! – заговорил он, разгоряченный этой мыслью, – Нет человека в этом мире для меня ближе, чем ты. Ты, и только ты еще связываешь меня с этой жизнью...

– Саша! Не надо... – в ее ногах появилось непривычное ощущение слабости – они не хотели больше слушаться. Она сделала несколько шагов к дивану и присела.

Дарский интуитивно все понял. Он опустился на колени и, преодолевая стыд и навалившуюся тяжесть, преодолел разделяющее их пространство.

– Дашенька, прости меня. И беги подальше отсюда. Беги не оборачиваясь. Я чувствую, что проклят. Я ни за что не соединю свою судьбу с твоей. Потому что и твоя жизнь тогда превратится в ад.

– Что ты говоришь, Сашенька! – она возбужденно обхватила своими мягкими теплыми ладошками его небритые щеки, – Ты что? Я люблю тебя.

Теперь оторопел он. Догадываться о том, что кто-то может быть равнодушным к тебе – одно. Услышать же такое и увидеть при этом глаза женщины, которая изменить уже что-либо не в силах – совершенно другое. Дарский обмяк, уткнувшись лицом в ее колени. Было сладостно и отврати-

тельно одновременно. Сладостно ощущать запах избранной женщины, изгибы ее ног под капроном колготок. И отвратительно понимать, что эта женщина тебе не обломится, потому что ты так решил, не смотря на все сомнения. Эту женщину ты не подставишь. Не сделаешь так, чтобы она через год или два возненавидела тебя за то, что ты не соответствуешь ее представлениям.

Александр встал.

– Даша, прости меня. Тебе лучше уйти.

– Но почему, Саша? Мне казалось, что ты тоже неравнодушен ко мне.

– Вот именно – равнодушен. И потому не могу тебя обречь на такую жизнь. Я последнее время чувствую себя стариком. Я устал. И это не настроение. И не сибаритство зажавшегося баловня судьбы. Я чувствую, что не хочу больше жить. Чувствую, что моя судьба дала сбой не для того, чтобы в очередной раз испытать меня, а для того, чтобы дать время подготовиться к неизбежному. Мне жаль, что вместо слов любви ты слышишь такое. Но ты – самый близкий мне человек. И потому, реализуя свой эгоизм – свои страхи и свое отчаяние, я к тебе так жесток.

Даша тихо заплакала, не понимая, что происходит. Она смотрела на него широко открытыми глазами, из которых текли слезы, едва осознавая, что только что образовавшаяся связь беспардонно разрывается. И разрывается ее любимым – тем, кто мог бы стать частью ее самой. Она обреченно

встала, собираясь уходить. Сознание не выдерживало прессинга собственной души, потому что надежда, обещавшая идиллию, утонула в ее глубинах, перестав подавать признаки жизни.

– Пойду я. Куча дел сегодня, – шмыгнув носом, произнесла она, – Не провожай! А, хотя, да, – рассудила по-хозяйски, – дверь же замкнуть надо.

Она вышла из комнаты. А через секунду послышался щелчок защелки замка.

Дарский не стал ее останавливать. Потому что глупо было это делать после всего сказанного. А ведь так хотелось. Он сел на диван, зажав между колен руки. Посидел с минуту и со стоном завалился на бок.

– Господи! Почему все так?

7.

Если до прихода Даши навалившаяся последние дни инертность и бесформенность душевных терзаний еще позволяла мыслям пребывать в хаотическом состоянии, то ее приход определил границы бытия, структурировав его, и все расставив на свои места. Идея окончания душевных мук, с трудом пробивавшаяся через вязкую толщу инстинкта выживания, наконец, проклюнулась в сознание: пришло понимание собственной несостоятельности в этом мире. Все, что до сих пор происходило, показалось глупой и никчемной бравадой. Никчемной жизнью, которая не принесла и не

принесет ничего хорошего.

Он снова пошел на кухню – залить позор душевного поражения. Его болезненную невыносимость. Наливал и наливал, сначала давясь, а потом лишь морщась после очередного глотка. Не сразу, но пришло внутреннее онемение. Оно стало постепенно перерастать в тремор, начинавшийся в груди и шедший к яремной ямке. Появилась нездоровая веселость. На грани срыва. На грани истерики. Потом вернулось онемение. Потом снова его сменила внутренняя дрожь. Наконец, нарастающая доза выпитого довела алкогольный транс до нужной кондиции, и, едва добравшись до спальни, Александр растворился в полусознательном дурмане. Тяжелый сон, как бульдозер, сравнял все последние неровности выпячивавшихся произвольно мыслей, раздавив их своей непрекаемой массой.

Порой он начинал просыпаться. Но окончательно не мог придти в себя, застревая в промежуточной зоне с ее страшными в этом состоянии картинами. Кровь, разбавленная алкоголем, проходя через мозг, не могла насытить его в достаточной мере кислородом и питательными веществами. Но зато приносила яд. И от этого всю систему сбило, заставляя работать не в том, что надо, режиме. Жуткие образы, возникавшие в пораженном сознании, задавливали страхами. Именно страхами. Это не было некими недифференцированными чувствами. Это были различные состояния страха, приходившие и уходившие – постоянно сменявшие друг

друга.

То он боялся физической боли. И тогда ужасные создания отрывали ему руки или ноги, заливая все черной кровью. Или делали операцию без наркоза, ковыряясь во внутренних органах, и он заходился от крика. То подвергали пыткам его родителей, и он испытывал невыносимую душевную боль, моля о пощаде для них. А то вдруг стремительно падал с огромной горы, понимая, что разобьется вдребезги об острые камни. Но ничего не мог поделать.

Порой страшные создания трансформировались в развратных прелестниц, обволакивающих своими обнаженными телами не только его плоть, но и всю животворящую суть, забирая последние и душевные, и физические силы. А когда вновь возвращались те ненасытные монстры, он лежал без движения, лишь моргая, и не мог не то, чтобы убежать, но даже шевельнуться. И от этого становилось до того жутко, что не передать никакими словами. А когда пробовал крикнуть, получалось лишь сипение.

Неожиданно яркие цвета начали меркнуть, и серость, проникая отовсюду, стала окрашивать все в свои полутона, постепенно загустевая и превращаясь в черноту. Наконец, свет полностью померк. Стало сначала трудно, а потом и невозможно дышать.

Александр очнулся и открыл испуганно глаза. Но темнота не исчезла. Не хватало воздуха, который он тщетно пытался вдохнуть в легкие. Почувствовал, что нижняя часть лица

во что-то погружена. Спонтанно дернул головой, повернулся набок и жадно стал дышать, насыщая легкие кислородом. «Вот черт». Голова вибрировала, как будто огромный колокол выбивал набат. Болезненно отдаваясь в висках и затылке, вибрации, казалось, раздражали каждую клеточку мозга. К тому же мутило, и без боли нельзя было пошевелить языком. Пришла мысль: был бы чуть пьяней, может, и не проснулся бы – не смог бы придти в себя и перевернуться набок. В запале даже пожалел, что этого не случилось. «Уже отмучился бы», – мелькнуло в сознании. При этом не испытал ни страха, ни сожаления. «Допрыгался, Шурик? Даже умереть в кайф? Ну, что? Самому-то не противна такая жизнь?» – раздалось, казалось, в самой голове. И непонятно было: то ли мысль синтезировала чужой голос, то ли, на самом деле, голос шел извне. Но, как бы там ни было, прозвучал он четко и безапелляционно.

– Кто ты? – машинально вслух спросил Александр, – Что тебе надо?

Банальные вопросы, слетевшие с губ, заставили устыдиться. Пришло запоздалое понимание, что разговаривает с самим собой. Продолжать лежать стало невозможно. Попытался встать, но левая рука, на которую собирался опереться, онемела и не слушалась. Спонтанно застонал и чертыхнулся. Сполз кое-как с кровати и, шатаясь, побрел привычным путем: тело вело к источнику забвения. Оно знало, что ему надо. А наработанный алгоритм вершил примитивное пове-

дение.

И опять все повторилось. Через полчаса туловище, получив новую порцию успокоительного, расслабилось и дало возможность сознанию уйти в другой частотный диапазон вселенной.

8.

Последние несколько дней Пекарник не находил себе места. Все яснее понимал, какое влияние своими мыслями оказывает на Александра. Понимал их разрушительное воздействие на его психику. Сидел у экрана, тщетно ожидая перемен, надеясь на какой-то сбой в сложившемся порядке подъемов и отключек Дарского.

С тех пор, как были установлены камеры, и он мог видеть – каким образом развиваются события, все чаще стал замечать «собственное влияние на объект». За короткое время случилось столько событий, казалось, совершенно нелогичных с обычной точки зрения. Но таких логичных для наблюдателя, неосознанно программирующего наблюдаемого. «Неосознанно? – Пекарник почувствовал презрение к самому себе, – Лжете, профессор. Вы знали о роли наблюдателя и всегда подразумевали такое воздействие. Вам нужно было тело? Скоро вы его получите».

От этих мыслей стало совсем не по себе. То, что начиналось в теории, как абстрактно существующий объект, превратилось в живого человека. Живого здесь и сейчас, а

не абстрактного где-то в мыслях экспериментатора. И его жизнь, драматично развивавшаяся на экране на протяжении последнего времени, вот-вот может трагично закончиться. Оборваться. Потому что некто задумал это, и каждый день способствует такому развитию событий. «Нет! Не может быть, – появились сомнения, – Я не всемогущ, чтобы так влиять на человека. Да и наука предполагает такое только на субатомном уровне». «А эксперименты по выявлению воздействия пристального взгляда в затылок?» – подал голос невидимый собеседник. «Ерунда! Эти эксперименты дали всего половину положительных результатов. С точки зрения науки это ничто. Пшик!» «Но, однако же, такой феномен существует. И ты не можешь этого отрицать», – настаивал внутренний визави. «О, да-а! Расскажи мне еще о животных, у которых возникает с хозяевами невидимая связь». «А почему бы и нет? Разве это не из той же оперы? Или ты вообще отрицаешь подобное?» «Да нет, – обреченно согласился Пекарник, – Жизнь – это череда абсурдов, где самый главный – необходимость доказывать очевидное». «Но ты же знаешь – это не так, – возразил оппонент, – этим страдает лишь наука. В жизни все проще. В жизни не нужен массовый эксперимент. Опыт индивидуума – вот критерий очевидности. Если я знаю, что это существует, какая разница мне, что об этом говорят?» «Аргумент, несомненно, весомый, – согласился Вениамин Петрович, – Но все же мое влияние на Дарского не очевидно». «А ты прислушайся. Что тебе гово-

рит интуиция? Прикинь, почему закрылась для тебя информация о будущих событиях? Может, в этом что-то есть? Может, если ты правильно сформулируешь вопросы, то и ответы получишь?»

Присутствие собеседника мгновенно улетучилось. Показалось – он как будто растаял. «Многоликий? – пришла мысль, – Точно – он. Но если так? Вот и ответ. Можно не знать законов, по которым работает воздействие наших мыслей на объекты, но то, что оно работает – очевидно». Пекарик даже усмехнулся простоте сделанного вывода. Но тут же вспомнил все то, о чем думал до сих пор. И настроение испортилось вконец. Чувство ответственности за то, что совсем рядом погибает хороший человек, и за то, что в этом виновен и он, определили дальнейшие действия. У Вениамина Петровича вдруг появилось острое чувство необходимости увидеть Дарского. Поговорить с ним. Объясниться. Помочь. Предложить рассчитаться по его долгам. Он даже привстал со стула. Но тут же сел, представляя – как тот может отреагировать. «И вообще – дело серьезное, – начал оправдываться, – нужно подготовиться».

На этом все и закончилось.

Через минуту стал музицировать сотовый, отодвинув порыв души на задворки сознания.

Звонил Жук. «Давненько мы не общались», – подумал Вениамин Петрович, взяв телефон со стола.

– Да, Ваня? Привет. Рад тебя слышать.

– Привет, дорогой, – раздался довольный голос Ивана, – А я как рад, – засмеялся он.

– По делу, али так – поболтать с другом, – подхватил его тон Пекарик, уже забыв о Дарском.

– Да нет. Какие дела, Веня? Дела, сам знаешь, у кого. А у нас, как говориться, делишки. Ты-то не звонил ни разу после того. Вот, думаю, надо справиться. А то уже и не пойму – было это или приснилось?

Переживания вернулись, и Пекарик не сразу смог ответить.

– Але? Веня? Ты где пропал?

– Да здесь я. Куда я денусь? – грустно констатировал Вениамин Петрович.

– Так что там? Есть какие подвижки?

– Есть, Ваня, – вздохнул Пекарик, – Только душа болит... – и замолчал.

– Не понял... – Иван, чувствовалось, удивился. Но тут же догадался, что к чему, – Веня, успокойся. Не бери на себя больше, чем сможешь унести. Расскажи лучше – как развиваются события?

– Вань, а ты где? – полюбопытствовал Вениамин Петрович, – Дома или на работе?

– Ни там, ни там. А что?

– Может, ко мне? Плачу за тачку.

– Ты что, Веник, обидеть меня хочешь?

– Прости, дорогой. Не знаю – само вырвалось. Просто хо-

тел тебя увидеть: ты очень вовремя позвонил.

– Не вопрос, Веня. А выпить для старого алкоголика найдется? Или зайти в магазин надо?

– Нет-нет. Все есть. Давай. Жду.

Уже через полчаса Жук вошел в распахнутую перед ним дверь. А через час, выполнив все формальности встречи и накормив товарища, Пекарик предложил перебраться в кабинет.

Несколько минут они сидели молча. Ивану Степановичу не хотелось нарушать идиллию благостного покоя, навалившегося и от сытости, и от уютного тепла жилища друга, и от рюмки с коньяком, которую он периодически подносил к губам.

– Ну, и чего вы ждете, дорогой профессор, – не удержался он, наконец, глядя на Вениамина Петровича.

– Жду, чтобы вам, уважаемый доктор, пища перестала на мозг давить. От апоплексического удара берегу. А то, не дай бог, разнервничаетесь. Давление поднимется.

– Ну да? – засмеялся Жук.

– А ты как думал? – парировал Вениамин Петрович.

– Ладно, ладно. Ничья... давай уже к делу.

Пекарик на несколько секунд задумался, переключившись на то, что хотел сказать. Иван Степанович не торопил. Он поудобнее устроился в кресле, подогнув под себя ногу, и взял с журнального столика свою рюмку. Подержал ее, согревая своим теплом, и сделал глоток.

Вениамин Петрович вздохнул.

– Короче, Ваня, все идет к развязке. Понимаю – вот-вот это произойдет, но чувствую – не готов. Да и как можно быть готовым к такому? – заметил в сердцах, – Хотя знаю – как только это произойдет, буду готов, как штык, – улыбнулся, – Главное – не опоздать... – Пекарик вопросительно посмотрел на Ивана Степановича и добавил, – А потому пора устраивать посменную вахту...

Жук удивленно взглянул на него, явно не совсем представляя, что под этим кроется.

– И как это понимать?

– А вот так и понимать. Без обиняков, – нервно усмехнулся Пекарик, – Сидеть у монитора и караулить.

Зависла пауза. Каждый подумал о своем.

– Ромка сразу отпадает, – Пекарик еще, видимо, оставался в себе, судя по отсутствующему взгляду. И вслух заговорил, скорей, спонтанно, – У него семья. Да и живет он дальше всех. Мишка рядом, – Вениамин Петрович внимательно посмотрел на Ивана Степановича. В глазах заискрилась улыбка.

Жук слишком хорошо знал эту искорку, и потому сразу напрягся, почувствовав подвох, как это не раз бывало.

– Остаетесь вы, доктор. И без вас мы с Руманом точно не обойдемся.

– Ну, и как ты себе это представляешь? – возмутился Жук, – Мне что – переехать к тебе жить?

Пекарник расхохотался.

– Ну, и что здесь смешного, Веня?

– Да ничего, – успокоился Вениамин Петрович, – Просто я подумал об этом, а ты сразу озвучил. И мне стало смешно.

– Ты это серьезно? – нервно усмехнулся Иван Степанович.

– А почему нет? Подумаешь, сменишь обстановку на неделю-другую.

– Ну, уж нет! – заявил Жук.

Оба замолчали. Сидели, не глядя друг на друга.

Пекарник понимал, что вряд ли у него найдется достойная причина в пользу этой идеи. Сказать, что он увидел печать смерти на лице Дарского? «Почему бы и нет? Но чем это аргументировать? Просто тем, что я хороший физиогномист? Но я никогда не сталкивался с подобным. А, значит, это всего лишь догадка? Интуитивное озарение?» А Иван Степанович уже сожалел, что наотрез отказал товарищу, нуждавшемуся в его помощи, потому что вспомнил, сколько тот потратил времени и сил, когда от него ушла жена, и он почти на месяц выпал из обоймы жизни. Потерял тогда и работу, и собственное лицо, которое пришлось потом восстанавливать через связи Пекарника.

– Послушай, – нарушил Иван Степанович молчание, – Ты считаешь, что по-другому никак?

– К сожалению, – не поворачивая головы, ответил Пекарник, – Вот так-то, Ваня.

Иван Степанович снова ощутил приступ неудобства. Как

будто услышал упрек в интонации друга. «На вору и шапка горит», – подумал.

– Ладно, Веня! Надо так надо. Когда?

– Еще вчера, Ванюша, – обрадовался Пекарик, – Я знал – ты не подведешь. Он встал и возбужденно зашагал по комнате, – Мне кажется, что все случится уже в эту неделю. Гарантий, конечно, нет никаких. Но, думаю, так и будет. Чувствую это... хотя и есть кое-что... – Вениамин Петрович запнулся. Чуть было не проговорился, что собрался к Дарскому – попробовать уговорить его не делать того, что, по всему было видно, витало в воздухе.

– Ты о чем? – насторожился Иван Степанович.

– Ни о чем, – парировал Пекарик, – Так. Чувствую... но не оформилось еще. Потом.

– Ну, ладно, – согласился Жук, – Потом, так потом. А я вот что хочу сказать... – он задумался на секунду, – никак не могу взять в толк, что мы говорим об этом, как о чем-то нормальном, обыденном. А ведь это... даже в голове не укладывается, что это...

– Ваня, так надо, – Пекарик поднял руку, поняв, что тот, видимо, собирается возразить, – А если нет, то и не будет ничего. Разве не так?

– Может, ты и прав, – не то, чтобы согласился, но и не стал возражать Иван Степанович.

Они еще посидели и поговорили на разные темы. Особенно много вопросов у Пекарика было по поводу «реанимоби-

ля». Больше всего его интересовало – успеют ли приехать вовремя. Поэтому пытал товарища с пристрастием, хотя и душевным.

Проговорив еще около часа, оба почувствовали усталость. Ивану Степановичу все настойчивей в сознание пробивалась мысль об уходе. «Как мы будем выдерживать друг друга столько времени? – подумал он, – А впрочем, комнат у Веника хватает».

9.

Александр проснулся от назойливо кричащей мелодии. В комнате темно. И только свет от орущего и вибрирующего телефона освещал часть пространства кровати почти рядом с ним. «Зачем я поставил его на подзарядку?» С трудом повернувшись набок, взял трубку. Экран показал почти два часа ночи и незнакомый номер, с которого звонили уже третий раз. «Не иначе, опять Паук с чьего-то телефона?»

– Але, – услышал свой хриплый с надрывом голос, – Слушаю вас.

Короткая пауза, и знакомый тембр с сильным призвуком подтвердил его догадку – ворвался в сознание угрожающими нотками.

– Ну, как дела, мил чилаэк?

В памяти что-то шевельнулось. В сознание всплыл образ Высоцкого в кожаном плаще со своей знаменитой фразой – «Я сказал – Горбатый». И как комментарий к нему пришла

мысль – не последний ли день наступил?

– А ты как думаешь? – машинально ответил вопросом на вопрос Дарский.

– Да я, Сашок, не думаю. Я пока еще жду. Это тебе думать надо... – он вдруг замолчал на полуслове, – Или нашел уже?

– Нет, – выдохнул устало Александр, будто разговор с Лысым для него – на грани возможных сил. Он почувствовал себя резиновым шариком, из которого быстро выходит воздух.

– И ты еще можешь спокойно спать? – удивился Паук, – Может мне сейчас подвалить к тебе со своими ребятами? Как там Лерок поживает? Может, мы поиграем с ней? По очереди? – он отвратительно захохотал, – Ну как?

– А не получится, – почти злорадно заявил Дарский.

– Это отчего же? – спросил Вадим с наглой издевкой.

– Она почти сразу ушла от меня, – вздохнул Александр – то ли с сожалением, то ли с облегчением, что Леры нет рядом, – Ты же знаешь – с такими, как я, она не водится.

– Сочувствую, Дарский... или поздравляю, – он снова захохотал. Казалось, настроение у него сегодня на высоте: не угрожает почти, хотя Паук сам по себе уже угроза. Да еще какая. Но в душе при этой мысли ничего не шевельнулось. Только подумал: «Осталось-то – всего ничего. Время подошло к концу». И ни жалости. Ни скорби. Что-то важное перестало работать в механизме «Александр Александрович Дарский», и этот механизм уже не реагировал ни на страх,

ни на благоразумие, и вообще ни на что. Только лень было встать и все закончить. А когда вставал по зову туловища, оказывалось, что ноги несли по заданному алгоритмом, наработанному маршруту на кухню. И цикл возрождался, пока там его ждало ядовитое зелье, вводившее в транс бесшабашного алкогольного благодушия.

– Ну, чего молчим, Сашок? – В голосе Паука снова прозвучала угроза, – Смотри! Не подведи меня. Ты на календарь-то смотришь? Сегодня – тринадцатое... а хотя – нет, уже четырнадцатое

– Да. Конечно. Не подведу, – отсутствующим голосом согласился Дарский, лишь бы быстрее закончить разговор.

– Ну, и ладушки... спи спокойно, дорогой товарищ, – Паук снова захохотал над очередным своим перлом. Но Александр не стал дослушивать. Отключил связь. Встал и, как сомнамбула потянулся туда, куда звала больная плоть.

Свет уличных фонарей и рекламных щитов в достаточной мере освещал пространство кухни, стол, и все, что на нем находилось. Дарский взял бутылку, поднял повыше – на уровень окна, чтобы увидеть количество содержимого, и уверенным движением налил в чашку. Инстинктивно. То ли ориентируясь на звук, то ли на время? А, может, и на то и другое разом?

Опрокинув дозу, посидел несколько минут у стола, пока кровь разносила свежий алкоголь по туловищу, увеличивая зазор между сознанием и подсознанием. Потом поднялся и

стал ходить по кухне: звонок Вадима вернул на грешную землю, вернул осознание безвыходности положения. Стало познать. И как итог – навалилась невыносимая тоска заганного в угол человека. «Я думала ты сильный, Саша...» – всплыла в сознание Лерина боль. И снова из глубин бессознательной сути вырвалась и стала заполнять все нутро первобытная злоба. Как будто подсознание, не видя поддержки здравого смысла, пыталось из последних сил включить инстинкт самосохранения. Хотя бы всколыхнуть его дочеловеческую, звериную природу, дать возможность ощутить тягу к жизни, благодаря которой эта жизнь, невзирая на всю ее обреченность во враждебном мире, несет себя к какой-то неведомой для нее цели.

Он снова налил, и снова выпил. Ощущение ненависти ко всему миру, которому так хотелось отомстить за свою собственную несостоятельность, размытое отравленной кровью, постепенно ослабевая, рассосалось. Почти бесследно. Лишь остались претензии к себе самому, к собственной ущербности, к убожеству, всегда прятавшемуся под покрывалом бравады, под личиной смелости или горделивого молчания. «Я думала ты сильный, Саша...», – снова и снова звучал в сознании обиженный голос.

– Я тоже, – ответил Дарский, – до тех пор, пока не появился Шварц.

Вспомнился двор, затененный уже густой, но еще свежей, источавшей благоухание листвы. Мусорные баки, наполнен-

ные жужжанием непоседливых мух. Представил себя, сидевшего у одной из таких помоек и рыдавшего от обиды. Униженного и раздавленного несовершенством жизни. Вспомнил, как хотел поквитаться с ней – с этой жизнью.

– Надо было тогда еще, – сорвалось с губ: не то зло, не то с сожалением. Волна отчаяния и злости из прошлого, ставшего вдруг настоящим, захлестнула все его существо снова. Даже пришло удивление – до того живо это прошлое предстало перед ним. Оно как будто подталкивало уставшее от борьбы с самим собой сознание определиться, наконец, сделать выбор – продолжать бессмысленное сражение или прекратить его. Появилось стойкое ощущение, что душераздирающие картинки из прошлого, притянутые нынешней ситуацией, кристаллизуются вокруг нее, создают причудливый узор. И этот процесс забирает последние силы организма, доводя его до состояния коллапса.

Александр пошарил за холодильником. «Слава богу». Достал, нащупав, бутылку. Сел за стол. Налил. Но не выпил. Сидел, тупо глядя в проем окна на темный силуэт здания напротив. Снова стала наваливаться дремота, моментами выбивая из обычного частотного диапазона реальности. Он то попадал в промежуточную, то в нижнюю астральную зону. Поражался масштабу разворачивавшихся картин, но уже не испытывал никакого страха перед возникавшими неожиданно всевозможными созданиями, казавшимися теперь мультяшными.

Неизвестно – сколько бы он еще так кемарил, сидя за столом, но резкие звуки феерверка почти под самым окном и крики «ура» после каждого разрыва пиротехники вывели его из этого состояния. Он встал со стула и подошел к окну.

Несколько парней – очевидно неплохо поддавших, развлекались, наплевав на сограждан, живущих в соседних домах. Оглушительная канонада, отражавшаяся от соседних домов, и громкие крики хулиганивших переростков эхом метались в ограниченном строении пространства. Хлестко били по ушам. Разноцветные вспышки – одна за другой – меняли однообразную картинку огромного двора, детские площадки в нем, парковки, забитые до отказа замершими до утра авто. Что-то дьявольское привиделось во всем этом вымершем ночном царстве Александру. И парни-ведьмаки, исполнявшие, как казалось, какой-то невероятный танец. И менявшийся цвет домов после каждого разрыва. И крик «ура», в котором слышалось – «смерть!» Все, буквально все напоминало, почему-то, шабаш, пусть даже и символически.

– Что? За мной пришли, дети Сатаны? – зло усмехнулся Дарский промелькнувшей в сознании шутке, – Я почти готов. Осталось только записку написать.

Спонтанное упоминание о записке, привело к мысли, что надо бы позвонить кому-нибудь – назначить встречу у себя. «Через день после...» Слово «смерть» при этом присовокупить к фразе не смог. Как-то непривычно и кощунственно оно выглядело. Но как без него – без этого слова? «Собствен-

ная смерть... вот и дожил ты, Дарский, до того, что, казалось, никогда не наступит, чего боялся... до самого того момента, пока она не прошла рядом благодаря Шварцу... покойному, – добавил, – Вот и все».

10.

Мелодия будильника констатировала начало нового дня. Профессор вздохнул: подниматься не хотелось. Он уже минут десять как проснулся: лежал с закрытыми глазами, не в силах прервать полудремотное состояние. Но мелодия настаивала. Вениамин Петрович поднялся и направился в сторону ванной комнаты.

Проходя мимо стола, привычным жестом крутанул календарь: с обратной стороны упала, шелкнув, заставка с числом «14». «До Нового года, не считая сегодняшнего, всего каких-то шестнадцать дней. А в душе – ноль. Никакого ощущения», – отреагировало сознание. Краем глаза заметил тетрадь на зеленом сукне. Вчера взялся законспектировать очередные откровения интуиции, связанные с «Теорией Единства». Но они снова привели к размышлениям о Дарском. И вот стоило увидеть ее, как мысли вернулись.

Все начало дня он спонтанно, по многолетней привычке проводя утренний ритуал, пребывал в себе. Сознание, как всегда, став полем борьбы эмоциональных и волевых импульсов, наблюдало за ними. Если чувства начинали подталкивать к посещению Дарского, давя на жалость – к тому,

что ему нужна помощь, что, в конце концов, «совесть надо иметь», разум находил аргументы «против». Если же разум пытался говорить о чувстве долга, о христианской любви к ближнему, упрекать в нечеловечности, то чувства противились решению идти. Без всяких аргументов. Лишь выкручиваясь всеми известными им способами, главный из которых – не сегодня.

«Завтра? А тебе не кажется, что оно уже наступило», – пришла мысль. Сомнения еще оставались, но профессор удовлетворил их тем, что пойдет не с самого утра, а после третьей пары – единственной в его сегодняшнем расписании.

Приняв решение, он будто освободился от тяжелых размышлений о судьбе Дарского. А заодно и о своей. Как будто отпустил проблему. И она, как наполненный гелием шарик, взлетев, исчезла из поля зрения, оставаясь почти незаметно рядом. Лишь связующая нить напоминала о ней, не приводя ни к отвратительной чувственности, ни к осточертевшей аргументации.

Время в административных заботах и в общении со студентами прошло довольно быстро. Попрощавшись с потоком, профессор Пекарик стал медленно собирать свои бумажки в портфель. Не сгреб, как обычно. А укладывал одну за другой. Некоторые подолгу разглядывая. Будто искал в них подсказку. Чувства замедляли движения тела, оттягивая неизбежное. Наконец, все собрано, и нужно идти.

Университетское крыльцо встретило легким морозцем и

солнцем. Решил домой – за машиной не идти, прогуляться пешком. Погода благоволила. А через полчаса он уже стоял у подъезда Дарского.

Снова навалились сомнения, но он их отмел простым аргументом: «Уже пришел». Набрал на домофоне номер. Ожидая ответа, вспомнил о Румане, сидевшем сейчас в его квартире у монитора. Подумал, что душевного разговора с его стороны не получится. «Да и получится ли он вообще?» Как отреагирует Дарский на его признание? «Как сформулировать все это?» Единственное, на что надеялся, так это на providение. Оно вывезет. Оно все расставит по своим местам и найдет нужные слова, когда они будут необходимы...

– Да? – прозвучал хриплый полусонный, как показалось, голос.

Секундная пауза, длившаяся вечность, вместила в себя весь багаж прежних размышлений.

– Саша? Открой, пожалуйста, – в голосе Пекарика от волнения появились непривычные обертоны.

– Паук, это ты? – переспросил Александр.

– Нет, – возразил Вениамин Петрович, – Это профессор Пекарик... твой преподаватель, – добавил зачем-то. И почему-то на «ты», чего никогда не позволял себе в общении со студентами.

Домофон молчал несколько секунд. И Пекарик уже собрался было заговорить снова, когда в динамике раздалось «бульканье», символизирующее размыкание магнитного за-

пора.

– Входите. Четвертый этаж.

Дарский стоял у открытой двери, будто не собираясь пускать внутрь непрошеного гостя.

Несколько секунд они смотрели друг на друга в замешательстве: Дарский в некотором недоумении, что к нему пожаловал сам декан, а Пекарик с сожалением, видя, как изменился этот аккуратный и всегда подтянутый парень.

– Прошу, – сделал шаг в сторону Александр. И Вениамин Петрович вошел в прихожую.

Спертый воздух квартиры и полумрак задернутых штор вызвал удрученность. Пекарик вопросительно обернулся.

– Разуваться не надо, – понял по-своему Дарский этот немой вопрос.

Вениамин Петрович расстегнул пуговицы пальто.

– Давайте сюда, профессор.

Они вошли в комнату со столом посередине, где когда-то разыгрывались карточные баталии. Все было знакомо. Только чуть по-другому выглядело. Крупнее, объемнее и без статичного ракурса.

Пекарику было предложено сесть на диван. Хозяин же развернул от стола стул и сел напротив – так, что их разделяло метра два.

Какое-то время сидели молча.

Дарский не знал, что сказать, потому что чувствовал себя

пойманной котом мышью. Сработала социальная модель – «начальник – подчиненный». Она нарушила другую – «хозяин – гость». Понимал, что на правах хозяина ведет себя бес тактно. Но выработанный за несколько лет рефлекс – видеть в профессоре недостижимую величину – на некоторое время восторжествовал: профессор Пекарик собственной персоной, и у него – это как-то не вязалось с привычным восприятием повседневной жизни.

А Вениамин Петрович не знал, с чего начать.

Наконец, он решился.

– Саша, если ты не против, я буду на «ты».

– Конечно, Вениамин Петрович, – Дарский включился в игру, забыв на мгновение обо всем. Почувствовал себя снова студентом.

– Так вот, Саша, меня очень беспокоят твои пропуски, – начал Пекарик издали, – Я знаю – ты студент сильный, и тебе ничего не стоит наверстать пропущенный материал, но...

Слово «сильный» в сознании Дарского вдруг ассоциировалось с Лериным голосом и тем, что она сказала, и как сказала на прощание. И это мгновенно вернуло его к настоящей жизни, качнув чувства в сторону апатии: навалилась уже ставшая привычной усталость.

– Извините, Вениамин Петрович, – начал Александр медленно, отделяя каждое слово, – Я с огромным уважением отношусь к вам... – он зачем-то встал, – Но не могу представить – зачем вы здесь? Моя логика такого ответа не находит.

И меня это, мягко говоря, удивляет: чтобы декан факультета пришел к студенту по поводу пропусков... да по поводу чего бы то ни было – это же нонсенс.

Сказав то, что хотел, он вдруг не только почувствовал, но и осознал себя равным среди равных. Пришла мысль, что, может быть, это последний человек, с которым суждено разговаривать.

– Согласен, Саша. И поэтому сейчас присядь и выслушай меня внимательно, даже если это тебя будет шокировать.

– Меня – шокировать? – удивился Александр, словно предположение декана было совершенно неестественным делом, – Сомневаюсь, Вениамин Петрович, что теперь это возможно. Но я вас слушаю, хотя, что бы вы ни сказали, вряд ли это сможет меня впечатлить, – в его голосе прозвучала обреченность, и Пекарик понял, что интуиция его не подвела.

– Может быть, может быть, – профессор на мгновение застыл, соображая – с чего бы все же начать? Он внимательно посмотрел в глаза человека, собиравшегося свести счеты с жизнью, и неожиданно для себя не стал церемониться – рубанул с плеча:

– Я все знаю, Саша.

Уныние на лице Дарского на какое-то мгновение сменилось любопытством. Он даже, казалось, попытался спросить – о чем речь, но Пекарик его предупредил:

– Абсолютно все, Саша. Вот тебе ответ – почему я здесь, – он почувствовал, как стало пульсировать в висках, – Я хочу

покрыть твои долги, потому что считаю, что тоже отчасти виноват во всем случившемся. А, может, и в большей степени.

– Что вы говорите, профессор? – с сарказмом спросил Александр и высокомерно улыбнулся, – И что же вам известно еще? – он совершенно индифферентно, если не сказать – наплевательски, отнесся к тому, откуда у декана такие сведения.

– Думаю, многое. И, если ты позволишь, я все объясню.

– Попробуйте, – безучастно заключил Дарский.

Пекарик начал издали. Возникло желание рассказать обо всем: о задуманном эксперименте, о своих путешествиях вне физического тела, об одной из встреч с Дарским, а вернее с его сущностью, когда тот спал. Тогда он предупреждал его о кармическом узле, о том, чтобы не связывался с картами: Дарский должен это помнить. Только решил промолчать о видеокамерах: не мог преодолеть неудобство. «Пусть все будет мистикой».

Некоторое время Александр слушал нехотя. Не понимал – какое это отношение имеет к нему. Но по мере того, как вникал, начинал раздражаться. Апатию снова сменила злоба. Потом снова вернулась апатия. Слушал, молча, ни разу не переспросив ничего. А когда Пекарик закончил, вернул его к истокам беседы:

– Ну, и что это меняет, профессор? Что может изменить ваше запоздавшее уже признание?

Пекарник даже удивился, вспомнив, что ту же самую фразу слышал и от Румана, и от Ивана.

– Да все, Саша, – Вениамин Петрович неожиданно повысил голос. Вдруг заметил, что Дарский последние несколько раз обращается к нему не по имени-отчеству, – Если ты захочешь, все.

Александр с полминуты сидел с опущенной головой. Снова подумал, что, возможно, Пекарник – последний человек, с кем судьбой дано поговорить. Захотелось исповедаться. Облегчить душу. Он поднял голову и посмотрел ему в глаза.

– Ничего не выйдет, Вениамин Петрович. Сломалось что-то во мне окончательно. Я ничего не чувствую, кроме сменяющих друг друга звериной злобы и безжизненной апатии. Я ведь, будучи подростком, уже собирался это сделать. И мне до фонаря – сейчас это произойдет или через некоторое время. Ну, выползу я из этой помойки. А через полгода или даже раньше ввалюсь в другую, и все повторится. Вы же сами говорили: для тела нет времени, для него все и всегда здесь и сейчас – все, что вобрала в себя клеточная память, вечно в пределах человеческой жизни. Я это настолько прочувствовал на себе за несколько лет. Больше не хочу. Все! Баста!

Пекарник промолчал: его пронзила душевная боль молодого человека, которую тот трансформировал в запредельную для жизни апатию, почти еще юноши, рассуждавшего как поживший и разуверившийся во всех деяниях земных человек. И Александр, впервые сумев произнести все это наболевшее

вслух, почувствовал – пусть и не надолго – душевную связь с другим человеком. Продолжать разговор не было причины ни у того, ни у другого.

Вениамин Петрович опять подумал о Румане, сидевшем у экрана монитора. «Что скажет?»

Наконец, Дарский шевельнулся. Вениамин Петрович поднял голову, перехватив взгляд. Показалось – Александр смотрит на него с благодарностью.

– Профессор! Свое добро я вам даю. Сможете – флаг вам в руки. Если это для науки, пусть будет так. А чтобы вас не мучила совесть, скажу, что у меня на это имеется свой меркантильный интерес... моя мама. Надеюсь, если эксперимент осуществится успешно, вы станете для нее более достойным сыном, чем я. И позаботитесь о ней, если понадобится. Вы даже не представляете, профессор, – Дарский вдруг усмехнулся, – что своим приходом окончательно развязывает мне руки: устраняете во мне последние сомнения, придаете смысла тому, что смысла не имело, – он замолчал на несколько секунд, которые заполнила щемящая душу Пекарика тишина, и которую ему – после такой речи – не хотелось нарушать, – А сейчас, профессор, – Дарский пронзительно посмотрел ему в глаза, – давайте прощаться: я бы хотел остаться один.

– Хорошо, – согласился Пекарик, поднимаясь с дивана, – Осталось уточнить последний момент: когда ты будешь го-

тов, Саша?

– Вчера, – вымучено улыбнулся Александр.

– Тогда ночью, когда ты уснешь, я приду к тебе...

На лице Дарского ничего не изменилось.

– Теперь все? – спросил он.

– Нет... мне нужны либо ключи, либо дверь должна быть незапертой... но лучше ключи: мало ли – скорая понадобится.

Александр внимательно посмотрел на профессора. В какой-то момент в глазах появилось недоверие, но так же быстро исчезло: прямой и открытый взгляд профессора, в котором сквозило равнодушие, убедил окончательно, что все, о чем говорилось, чистая правда.

Они вышли в прихожую, и он, взяв с банкетки, протянул Пекарику второй комплект ключей, украшенный желтым брелком.

Вениамин Петрович сделал легкий поклон головой, прощаясь. Дарский ответил тем же. Разговор обоим принес долгожданное облегчение. Если это сложное и противоречивое состояние можно было таким образом окрестить. Скорее всего, они обрели некое душевное спокойствие, исповедавшись друг другу, распутав очередной узел в череде смертей и возрождений, где их встреча, конечно же, не могла быть случайной.

Выйдя из подъезда, Пекарник прищурился. Выпавший ночью снег – там, где не ходили люди и не ездили автомобили – тонким покрывалом устилал землю. И декабрьское солнце, отражаясь от него, нещадно слепило глаза. Догадка, возникающая, когда Александр захотел остаться один, начинала тревожить. И Вениамин Петрович набрал Румана.

– Ну что? – спросил коротко, – Где он? Что делает?

– Лежит, уткнувшись в подушку.

– Боюсь – не передумал бы. Мало ли что взбредет в воспаленный мозг.

– Ты о чем, Веня?

– Да о том, чтобы в петлю сдуру не полез. Его маниакальность может проявиться как угодно.

– Да ну... он вполне прилично соображает, насколько я понял. Да и стимул свой он озвучил. Мне показалось, что, когда ты ему рассказал об эксперименте, ему стало легче. Его тело останется, а значит, для матери он останется живым.

– Ну, хорошо, – Вениамин Петрович посмотрел на часы, – Сейчас Иван подъедет. Расскажешь ему все подробно. Я буду через час, не раньше. Если что, сразу звони Жуку, и тут же мне.

– Да помню я все, Веня. Ты-то сам как?

– Миша! – Пекарник не смог удержать эмоций, – Знаю, что все вот-вот произойдет. И не могу понять – чего во мне больше? Сомнений? Или удовлетворения? Ведь это же де-

ло всей моей жизни. А вдруг провал? Я как средневековый врач, проверяющий на себе течение смертельной болезни, надеясь на эффективность сотворенного в собственной кухне лекарства. Так и представляю себе это.

– Веня... – Михаил Моисеевич не знал, что ответить.

– Ладно, Миш, – Пекарик все понял, – Извини. Сорвалось. Думаю, скоро увидимся.

И только он засунул телефон в карман, как тот зазвонил. Пришлось доставать снова.

– Да, Ваня.

– Привет. Ну как там дела? Ты...

– У тебя что? Где ты? – перебил Пекарик.

– Да еду уже. Минут через пятнадцать буду.

– Ваня, я сейчас не дома. Там Мишка. Он тебе все расскажет. А я в университет заскочу, в банк и к Арнольду Михайловичу.

– Это к нотариусу, что ли?

– Да, Ваня.

– Все уже так близко?

– Если я правильно все понимаю, то не больше двенадцати часов осталось: я своим приходом ускорил события.

– Да ты что? – воскликнул Иван Степанович.

– Все, Ваня, заканчиваем. До встречи.

Номер телефона Арнольда Михайловича – один из первых в телефонной книжке. Пекарик набрал его и стал ждать.

– Слушаю вас, Вениамин Петрович.

– Приветствую, Арнольд Михайлович. Хотелось бы встретиться в срочном порядке.

– Что случилось у вас? К чему спешка такая? – голос прозвучал озабоченно.

– Хочу изменить завещание. Появились кое-какие обстоятельства, требующие коррективы.

– Хорошо. Через часик я освобожусь. Подъезжайте.

Пекарик спрятал в карман телефон. «Пока все складывается. Сейчас в университет – написать петицию на имя ректора по поводу Румана: аргументировано рекомендовать Георгию Викторовичу – назначить его на должность декана факультета. Первое время Мишель, конечно, и так будет исполняющим обязанности. А потом? Потом могут, кого угодно, со стороны подсуетить: у нас это запросто. А если Румана не оставят, будет тяжеловато, -Вениамин Петрович поймал себя на мысли, что уже рассуждает с точки зрения свершившегося факта, – А ведь может и не получиться. Но тогда, какая разница – будет Руман деканом или нет? Для меня, конечно», – добавил, почувствовав неудобство перед другом за такой пассаж собственной психики.

За полчаса он исчеркал три листа, из которых в чистовом варианте получилось только два. Но более мелким почерком. Указал в конце, что причина написания письма исходит из предчувствия близкого конца, связанного с болезнью сердца. Поставил число и размашисто расписался. Глаза выхватили последние строки, за которые зацепилось сознание:

«Георгий Викторович, я всегда с огромным уважением относился к вам, в первую очередь, как к ученому и человеку. И лишь во вторую – как к администратору. Поэтому знаю – вы мою просьбу поймете правильно. Мне бы очень не хотелось, чтобы хорошо отлаженная мной и доцентом Руманом научная работа на факультете дала сбой или превратилась в формальность с приходом нового руководителя. Еще раз с уважением, п-р Пекарник».

Отдав Леночке кое-какие распоряжения на завтра, достал из сейфа большой желтый конверт с документами и положил в портфель. Подошел к двери. Оглянулся. И будто увидел все чужими глазами. Вышел в приемную, мягко затворив за собой дверь.

Прощаясь с Леночкой, посмотрел ей пристально в глаза, словно пытаясь запомнить, чем очень смутил девушку.

– До свидания, Вениамин Петрович, – спряталась она за ресницами.

«А будет ли оно – свидание?» – Пекарник на несколько секунд впал в сентиментальность, ощутив комок, подступивший к горлу. Но почти сразу вспомнил Дарского: стало неудобно.

Спустившись по серым бетонным ступеням, на которые так давно не обращал внимания, прошел к стоянке. Завел машину и сидел, глядя на здание, ставшее на долгое время вторым домом: память листала страницы жизни, вторгаясь в сознание спрессованными в мгновения эпизодами, которые

так же моментально исчезали, как и появлялись, освобождая место следующим и следующим.

Через полчаса они с Арнольдом Михайловичем работали над документом, где Дарский Александр Александрович объявлялся наследником всего, что принадлежало Пекарику Вениамину Петровичу.

12.

Вечер четырнадцатого декабря мог бы стать рядовым событием. Могла произойти очередная, не очень отличавшаяся от других, встреча четырех друзей детства: с застольем, с шутками и приколами. Но сегодня все не так.

К восьми – последним – подтянулся Ромашко. С порога попробовал шутить, но отклика не получил: Иван Степанович даже посмотрел на него косо.

– Что я не так сказал, Ваня? – не то удивился, не то обиделся Роман Сергеевич.

– Венька работы свои приводит в порядок, просил подождать.

– Случилось что-то?

Иван Степанович махнул рукой, давая понять, что не готов ответить.

– Освободится – сам расскажет.

Роман Сергеевич, чуть приоткрыв дверь, заглянул в кабинет: Пекарик стоял к нему спиной. На столе, на креслах и на полу – везде лежали стопки бумаг, валялись скомканные

страницы.

– Веня, привет.

Вениамин Петрович повернулся.

– А, Рома? Ну, здравствуй. Подожди немного. Еще полчаса, и я буду готов.

Роман Сергеевич притворил тихонько дверь, шестым чувством уловив серьезность момента, и отправился на кухню, откуда тянулся шлейф кофейного аромата.

Руман с Иваном сидели за столом, посреди которого красовался ноутбук. Разговор в полголоса между ними, серьезные не улыбочивые лица – от всего отдавало каким-то заговором, в который не посвятили, казалось, только его.

– Да, в конце концов, – возмутился Ромашко, – скажет мне кто-нибудь – в чем дело? Сидите с такими минами, будто в доме покойник. Шепчетесь...

– Да тихо ты, – остановил его Михаил Моисеевич, – Дай человеку дела доделать. А насчет покойника ты точно заметил. Сегодня ночью наш эксперимент входит в свою кульминационную стадию.

– Эка заговорил? «Наш эксперимент», – передразнил его, Роман Сергеевич, – Венякин эксперимент – не примазывайся... – тут до него стало доходить, – Что-о? Сегодня? – он изумленно посмотрел на Румана.

– Да, Ром, – просто ответил Михаил Моисеевич.

– Получается, что мы видим Веника последний раз... – он оторопел.

– Наконец-то: дошло до жирафа. А ты думал – приехал на очередную попойку? – Иван Степанович все же не удержался от улыбки, увидев растерянное лицо друга.

– Ты же сказал, что Веньке нужна наша помощь, – возмутился Ромашко.

– Вот именно – помощь.

– Так мы же всегда так говорим, – не унимался он.

– Ну, извини, – с сарказмом заметил Иван Степанович, – Не догадался, что ты не можешь читать между строк.

– Заканчивайте полемику, – вмешался Руман, – А то еще подеретесь, не ровен час, – он даже привстал со стула, усиливая тем самым важность сказанного, – Пекарик сегодня – как ни сложится эксперимент – умрет, а вы тут устроили разбирательство на пустом месте. Ты тоже хорош, Ваня, – посмотрел Михаил Моисеевич на Жука, – Мог бы намекнуть как-нибудь.

На несколько секунд зависла тишина, лишь нарушаемая звуками собиравшегося закипать чайника.

– Грустно, ребята... – снова заговорил Руман, – нашего Веньки – настоящего, – добавил он, – сегодня не станет никому. Если он и воспрянет в Дарском, то это уже будет не он, как ни крути. Его же теория говорит, что интеграция низа и верха, то есть физического и эфирного тел Дарского и высших тел Веньки через гомеостаз приведет к новому синтетическому целому. И последствия этой интеграции заключены в большей степени не в верхе, то есть в нем, а в низе – Дар-

ском, потому что материя низа более косна, и потому менее подвержена изменениям. Веник говорил, что все мерзости, совершаемые человечеством на протяжении истории его существования, основаны не на том, что человек плох сам по себе. А на том, что личность человека, не достигшая уровня, который мы называем индивидуальностью, слишком сильно зависима от трех основополагающих – базовых инстинктов: трех китов, на которых зиждется выживание нашей популяции. Как, впрочем, и любой другой...

– Короче, Руман, – перебил его Иван Степанович, – Ты что, ликбез нам решил устроить?

– Ваня, – возмутился Михаил Моисеевич, – для тебя это, может, и понятные вещи. Но не настолько. Поверь мне. У вас медиков понятие инстинктов слишком широко. А вот у Пекарика их всего три. Именно инстинкта. Все остальное – он квалифицирует как рефлексы. Это либо продукт филогенеза, либо онтогенеза. А инстинкты – суть аналитического процесса в информационно-энергетических системах.

– Ну, и... – Иван Степанович готов был сражаться до последнего, забыв о том, что совсем недавно укорял в этом Романа Сергеевича.

– Это – инстинкт выживания индивида: инстинкт самосохранения, которым заведует физическое тело. Инстинкт выживания рода – эфирное. И инстинкт выживания вида. Его куратор – астральное тело человека. В нем заложена структуризация нелинейных систем.

– Да ну? – Жук издевался, – И как мне это понимать?

– Да никак, – обиделся Михаил Моисеевич, – Вот получится у Веника задуманное, к нему и обратишься со своими вопросами.

– К тебе-то точно не обращусь.

Роман Сергеевич, слушавший их перепалку, молчал, пока не понял, что пора вмешаться.

– Все, господа оппоненты. Вынужден вашу беседу прервать. И, кстати, у меня по поводу несостоятельности вашего конфликта есть достаточно убедительный аргумент... – он изобразил улыбку, – я смогу быть секундантом только у одного. А это противоречит правилам: их должно быть два.

– Да, ты прав, – заметил Михаил Моисеевич, – Мы сейчас должны быть, как никогда, дружны. А мы тут собачимся...

– Согласен, – Иван Степанович взял свою чашку и пошел к раковине, – Как всегда... это нас так колбасит от напряжения. Ничего, пацаны, надеюсь, прорвемся.

Михаил Моисеевич шумно вздохнул, и в кухне наступила тишина.

13.

Вениамин Петрович справился только к половине десятого. И потом еще с полчаса инструктировал Румана, в какой очередности следует работать с черновиками.

– Веня, ты сам все сделаешь, – заикнулся, было, тот в самом начале, не сумев превозмочь в себе неудобство перед

человеком, уходящим из этого мира, – У тебя все получится.

– Спасибо, Михаил Моисеевич, на добром слове, – улыбнулся Пекарник, – Но лучше послушайте, что я говорю, – он положил руку на плечо Руману, – Миша! Если получится – слава богу. Но... вот в этом «но» и сосредоточен весь смысл полярности проявленного мира, а по сему – давай работать. И не надо, – посмотрел на него с участием, – испытывать неудобство, будто ты находишься у постели умирающего. Я иду на этот шаг по своей собственной воле и ясно осознаю, чем рискую.

– Хорошо, – кивнул Михаил Моисеевич.

Минут через двадцать работа была завершена.

– Я все понял, Веня. Можешь на меня рассчитывать, – заключил Михаил Моисеевич, когда с бумагами было покончено, – Пойдем уже на кухню – ребята заждались тебя.

Когда они вошли, Ромашко и Жук о чем-то спорили. Но сразу же замолчали, устремив взгляды на Пекарника.

– Ну что, други мои? – Вениамин Петрович тепло улыбнулся, – Не надо печалиться: я уже говорил Мише, и хочу сказать это вам. Вы не у постели умирающего, который цепляется за жизнь, отчего перед ним становится неудобно. Ребята! Посмотрите на все с другой стороны. Другими глазами. Представьте меня, например, в роли Юрия Гагарина и позавидуйте мне. Я скоро стану молодым... – Пекарник подмигнул, – со всеми вытекающими из этого последствиями.

– Ну, – кисло улыбнулся Иван Степанович, – уже завидую. Остальные промолчали, не оценив бравады Пекарика.

– Ну, ладно, мои кислые друзья, – Вениамин Петрович достал из шкафчика чуть начатую бутылку коньяка, – Сейчас я вас немного взбодрю.

Ему показалось, что само пространство вздохнуло с облегчением. «Что значит привычная атмосфера. Главное вовремя поменять фигуру и фон».

Через полчаса встреча уже почти походила на все предыдущие: спорили, вспоминали какие-то моменты прошлого. Грустили или смеялись при этом. Но напряжение все же не исчезало: оно, как дамоклов меч, нависая исподволь, не давало забыть повод встречи. Даже когда уходило на несколько секунд, оставалось тяжестью в груди, подспудно требующей ответа на вопрос «что это?»

Михаил Моисеевич все чаще стал замечать, пусть и достаточно короткий, отсутствовавший на их пиру взгляд Пекарика.

«Какая воля, все таки у Веньки. Как жаль...», – он вытащил платок и высморкался.

– Пойду, посижу в кабинете, – поднялся, – Подежурю.

– Тебе что, с нами плохо? – Иван Степанович сегодня был равнодушен к нему, – Что-то я раньше не замечал в тебе любви к одиночеству.

– Ваня, отвали. Достал ты меня сегодня своим вниманием, – спокойно парировал Руман. Взял с рабочего стола но-

утбук, посмотрел на Пекарика, как бы ища поддержки, и вышел.

Уже завернув в прихожей за угол, уловил:

– Иван, ты не прав, – говорил Роман, – Ну, хочет человек побыть один, пусть побудет. Ты же видишь...

Дальше Михаил Моисеевич уже не слышал. В кабинете поставил компьютер на стол и сел в кресло хозяина, подкатившись ближе к экрану. Относительная тишина и покой окутали голову. Как будто сквозь ватные тампоны из кухни доносились голоса. Можно даже было различить, где чей. «Вот Ванькин. А вот Ромашка что-то говорит. Снова Иван». Всмотрелся в экран: Дарский все в той же позе. «Как перевернулся на спину почти два часа назад, так и лежит. Как мертвый. О, рукой шевельнул. Живой... пока что». Собственная оговорка неприятно уколола душу. «Тьфу, ты! Надо же?» – удивился Михаил Моисеевич.

Когда Руман ушел, Иван Степанович заметил:

– Вот это меня и раздражает... Веня, извини, – повернулся он к Пекарику и снова обратился к Роману Сергеевичу, – Как будто ему хуже всех. Мне тоже плохо. И тебе. А Веньке? Пожалуй, ему лучше всех, – он хмыкнул, – Так давайте все разбежимся: комнат хватает.

– Ладно, Ваня. Не суди столь строго, – с грустью начал Пекарик, – все мы разные. Но, может, только поэтому мы и не разбежались до сих пор? Может, именно поэтому нас так и тянуло друг к другу. Потому что каждому не хватало тех

качеств, которыми другой обладал сполна. Мишке, вон, в раковину надо заползти, чтобы голова начала работать. Зато, когда она у него работает, такие перлы выдает... Ромка – душа компании. Цемент, можно сказать нашего железобетона. А ты, Ваня, хоть и груб порой до безобразия, но мы знаем – таким образом ты пытаешься скрыть от нас свои чувства. Ты думаешь чувства – это слабость? Это сила, Ваня. Да такая, что разум разворачивает на все сто восемьдесят.

– Молодец, дружбан! Навешал ярлыки на всех, – забурчал Иван Степанович, – Кроме себя. Давай, и себе уже медальку повесь. А то мы – герои. А ты как-то в стороне оказался.

– А я... – Пекарик засмеялся, как ни в чем не бывало, – я на себя возьму скромную роль: я ваш идеолог.

– Эка хватил, – возмутился шутливо Жук.

– А что? – возразил Вениамин Петрович, – Кто почти всегда выдвигал идею собраться на рюмочку чая? Я. Значит, я и есть идеолог.

– Да. Лихой каламбурчик ты закрутил, – улыбнулся Роман Сергеевич, – Идеолог.

Раздался звук быстрых шагов, заставивший собеседников насторожиться. В кухню влетел Руман.

– Веня! Пошли быстрее. Что-то непонятное там.

14.

Все четверо обступили экран компьютера.

Дарский был в одних трусах и перестилал кровать.

– Я сразу не понял, что он собирается делать, когда стал снимать наволочки, – Руман как будто оправдывался, что прозевал самое начало.

Одеяло без пододеяльника и постельное белье, которое Александр снял, валялось на полу. Свежая простынь и одна подушка уже заняли свои места. Вторая подушка готовилась сделать то же самое. Оставалась лишь очередь за одеялом.

– Все в порядке вещей, – спокойно, разделяя слова, констатировал Пекарик, – Человек хочет уйти из этого мира по-человечески. И хотя знает, что часть его может остаться, но до конца не понимает – как это может быть. Он и верит, и не верит одновременно. В нем сейчас все смешалось: и мой рассказ, и представление о смерти, как о конце всего. А, с другой стороны, нереализованная религиозность, заложенная в традициях нашего социума. И одиночество, в конце концов, которое довлеет на него пониманием, что необходимо позаботиться о себе... – он остановился, – Жалко мальчика. Но... каждому свое.

– А что будем делать мы? – спросил Иван Степанович, видимо, спрашивая по поводу «реанимобиля».

– Ничего. Будем ждать. Думаю, сейчас он закончит с пододеяльником и пойдет мыться.

– А если он собрался покончить с собой в ванне, – у Романа Сергеевича даже глаза расширились от такой догадки.

– Нет, Рома, – возразил Михаил Моисеевич, – Он что, кровать зря заправляет свежим бельем?

– Ты прав, Миша, – подтвердил Пекарник, – Теперь вижу – он все же внял моим словам. Вопрос в другом.

– В чем? – почти одновременно спросили все трое, будто то, что сейчас скажет Пекарник – истина в последней инстанции.

– Мыться-то он будет относительно недолго. А вот засыпать...

– Да-а, – покачал головой Руман, – Придется нам подежурить сегодня.

Откровение Михаила Моисеевича привело к относительной тишине в кабинете. Разговаривать никому не хотелось. Не о чем. Придется подежурить? Ну, придется – так придется. Все, кроме хозяина кабинета, уставились в экран.

Пекарник зачем-то тихонько вышел и вернулся минут через десять.

– А теперь, господа мои хорошие, давайте я вас проинструктирую еще раз, хотя вы все знаете, что и кому надлежит делать. Кроме Ромы. У него – будет свое задание.

– Блин, Ромашка аристократ. А мне вечно авгиевы конюшни выгрести, – стал ворчать Иван Степанович.

– Кто на что учился...

– Все! – прервал Пекарник, – От ваших совместных действий зависит моя жизнь, а вы тут пикируетесь, в детство впадаете. Понимаю – это сильнее вас, потому что не знаете механизма памяти подсознания. Чтобы не возвращаться больше к этой теме, в двух словах объясню.

– Да ладно, Вень. Прости. Мне уже стыдно, – улыбнулся виновато Иван Степанович.

– Ну, уж нет, – улыбнулся Пекарик, – Если ты об этом сейчас не узнаешь, то сноваотреагируешь на какой-то сигнал из прошлого. И тут же на уровне подсознания окажешься в нем. Этим сигналом может оказаться какое-то слово, тембр голоса, ситуация – все, что напоминает о том моменте, который впечатан в банки памяти нижних уровней нашей психики. Мы вдруг становимся то старшим или младшим братом, то ребенком, то родителем по мгновенному восприятию собеседника. Вот вы в данном случае стали детьми, ну, или подростками: вернулись частью психики в то время, если сказать проще. Думаю, этого достаточно для понимания, – он снова улыбнулся, – Хотя вряд ли вы будете долго помнить мои слова...

– Дарский вышел из ванной, – сообщил Михаил Моисеевич, сидевший перед экраном.

– Хорошо, – почему-то сказал Пекарик, – Осталось всего ничего... – в его словах вдруг появилась запредельная грусть. Он как будто только сейчас осознал цену тому, что до сих пор воспринималось как эксперимент, где ему все же отведена роль наблюдателя, а не испытуемого, – Ваня, ты свою работу знаешь. Как только я скажу, ты выезжаешь в направлении квартиры Дарского и вызываешь туда свою бригаду. Ждешь звонка от Миши. Как только он позвонит, входите в квартиру. Ну, а дальше – знаешь сам: по обстоятельствам, –

Вениамин Петрович повернулся к Руману, – Миша! Теперь ты, – он на секунду задумался, подняв глаза кверху, но сразу же собрался с мыслью, – Как только начнется процесс экстериоризации, ты выйдешь из комнаты и наберешь Ивана, чтобы он был в готовности номер один. . .

– А как я точно смогу понять, что пора?

– Миша! Ты меня пугаешь. Разве мы мало об этом говорили? И разве ты не видел?

– Извини Веня, – Михаил Моисеевич стушевался, – Ты не волнуйся. Я все помню. Автоматом спросил – думал, ты мне еще какую-то конкретную деталь подскажешь.

– Положись на интуицию. Она подскажет, когда мышцы «окостенеют». Смотри по лицу.

– Да. Все понял.

– Теперь ты, Рома, – повернул голову в его сторону Вениамин Петрович, – Ты с Мишей и Иваном в режиме «конференции»: слушаешь. Если вдруг связь сорвется, быстренько восстанавливаешь, – Пекарик встал и зашагал по комнате. Через минуту он остановился, – Что там – Дарский? – посмотрел на Румана.

– Собирается укладываться. Вот – свет погасил. Все. Лег.

– Думаю, часа через полтора начнем, – отреагировал Пекарик, – Если что-то пойдет не так, я вернусь назад.

Еще минут пятнадцать все сидели молча. Потом Вениамин Петрович оставил у монитора Ивана, как самого сведущего в физиологических процессах человека, наблюдать за

Дарским: когда заснет. Все остальные отправились на кухню. Там, казалось, будет уютнее

– Слушайте, а посущественней, чем кофе, у нас что-нибудь есть? – спросил Роман Сергеевич, – Что-то у меня за-сосало под ложечкой.

– Рома, ты что – нюх потерял? – отреагировал Пекарик шутливым тоном, – Холодильник рядом с тобой.

– О-очень гостеприимно, – возмутился в том же ключе Роман Сергеевич, – Надеюсь, я там что-нибудь найду...

Они о чем-то по привычке шутили, забываясь. Говорили о делах насущных. Выслушали Романа Сергеевича, который пожаловался, что он сырьевой придаток к семье, что домо-чадцы на него – ноль эмоций: особенно дети.

– Какие-то чудовища, – говорил он, – А я их все равно люблю. А Сашку свою жалею, – это о жене, – Она курица глупая. Но свое предназначение знает. Если б не она, я бы с этими троглодитами не знал бы, что делать.

Где-то через час с небольшим, приоткрылась дверь. Показалась голова Ивана Степановича.

– Вень! Кажется, заснул. Иди – взгляни.

В кухне не осталось никого.

– Да! – констатировал Пекарик, вглядываясь в полумрак комнаты и прислушиваясь к ровному сопению, – Спит, – он немного помедлил и резюмировал, – Пора.

– Что нам теперь делать? – спросил Руман, когда они перешли в гостиную.

– Миша, опять? – улыбнулся Вениамин Петрович, – Ты же прекрасно знаешь, что делать и без меня. Все, – заключил он, – По местам.

Иван Степанович пошел одеваться. Роман Сергеевич – за ноутбук. Один Руман маячил перед глазами.

– Миша, иди – поставь чайник, – не выдержал Пекарник, – Выпей кофе. А как закончишь, приди – посмотри на меня: если то, что надо, звони Ивану, чтобы был начеку.

– Да не наезжай ты на меня, Веня. Все я прекрасно знаю. Только не знаю – встретимся ли мы еще когда-нибудь. У меня так отвратно на душе.

– Неужели, отвратительней, чем у меня, – улыбнулся Пекарник.

– Веня, – до Михаила Моисеевича вдруг дошло, – Ты прости меня, дружище: я такой эгоист.

– Миша, как говорили когда-то наши предки – то, что ты был со мной рядом, для меня большая честь.

Михаил Моисеевич вдруг осознал, что его лучший друг прощается с ним. И ему так захотелось заплакать, что он еле сдержался.

– А для меня какая? – чуть выговорил он, почувствовав, как задрожал голос.

Они, будто их притянуло магнитом, обнялись. Потом Пекарник пожал руку Ивану Степановичу, ожидавшему своей очереди у двери. И ему сказал о чести – быть близким с ним. И они тоже обнялись. Потом пошел к Роману Сергеевичу.

Наконец, отправился в кабинет: улегся на свой любимый кожаный диван и на какое-то время расслабился. Мысли, ставшие самостоятельными, в паре с чувствами закружились в диком танце, уносясь в нижние слои психики. Инстинкты, все более затягивая их в сферу своего влияния, начинали потихоньку править бал. Пекарику, взбудораженному прощением, вдруг захотелось все бросить – выйти к друзьям, сказать: «Все. Поигрались, и хватит». Но он вовремя взял себя в руки – стал настраиваться на работу с телом. Подумал о том, что, слава богу, принял душ и переоделся во все чистое, а то сейчас было бы не до того. Что эксперимент идет так, как он этого и хотел. Что правильно, на его взгляд, написано завещание. И что, в конце концов, все будет хорошо. И со всем он согласен. И все его устраивает.

Сначала мышцы никак не могли преодолеть свое расслабленное состояние. Но постепенно они начали деревенеть, и чувствительность рецепторов тела стала ослабевать. Наконец, послышался долгожданный «щелчок».

15.

Сознание профессора зафиксировало себя под потолком. Совсем рядом в изгибах металлической люстры ярко отблескивал свет настольной лампы. Матовые плафоны, границы которых, почти размазанные по белому потолку, при взгляде снизу, обрели четкие очертания, будто прорисованные кистью художника. Теплота объяла все существо. Легкость и

текученье дополнила ее, определяя комфортное состояние. Наслаждение свободой, которую совершенно не сдерживало растянувшееся в светящийся шнур эфирное тело, определяло состояние души. «Как бы мне сейчас пригодилась помощь Многоликого», – сознание по привычке еще придерживалось логики. В то же время уже что-то в нем срабатывало помимо нее. И это «что-то» вынуждало к пониманию неотвратимости роковых событий, к пониманию того, что в нужный момент Многоликий появится.

Информационно-энергетический континуум, в который превратилось многомерное, сконцентрированное почти до точки, и в то же самое время безмерное сознание профессора, проплыв сквозь стекло, завис в воздухе. И, словно обернувшись, заглянул в окно.

Стеклянный абажур настольной лампы, светившейся белым ярким светом, нарисовал на зеленом сукне стола светотени. И сам стол, и старый письменный прибор, давно отслуживший свое и занимавший отведенное ему почетное место, и стул с высокой спинкой – все вносило в картину рабочего пространства неповторимый колорит. Даже кожаный диван с лежавшим на нем Вениамином Петровичем Пекариком не омрачали ностальгического уюта.

«А кто я без тела? Просто – я? – сформулировали чувства вопрос, который никогда раньше при выходах не возникал, – Или – раб Божий Вениамин? Или еще как-то? Пожалуй, с остатками личности просто Вениамин, потому что то, к че-

му причастен мой земной отец, осталось на диване». Легкая грусть, как будто возникавшая то ли в самой сути сознания, то ли доходившая из связующей нити, подобной струющемуся свету, охватила все существо профессора. Появилось желание вернуться: тело превратилось в магнит – стало притягивать к себе. «Дарский!» – пронзила спасительная мысль. И притяжение прекратилось. Появилось ощущение мгновенного скачка в пространстве, и сознание оказалось в той самой комнате, куда Пекарик приходил накануне.

Просочившись сквозь стену в спальную комнату, сознание профессора уловило недалеко от спящего тела Дарского его полевою форму. Казалось, что она, как ребенок, затаившийся в углу, чего-то боится.

– «Это вы? – проникло в сознание, – Я почувствовал вас. Вернее – что кто-то вторгается в мое пространство... вот... еще кто-то».

– «Это Многоликий», – констатировал профессор.

– «Кто?» – полупрозрачная форма Дарского как-то съежилась. Стала меньше в размерах. Как будто хотела стать незаметней.

– «Не бойся. Здесь вообще бояться ничего не нужно. Он уже с нами. Просто ты его не видишь, – слова профессора возымели действие: астросом Дарского вернулся в норму, – Вот и молодец. Не надо ничего бояться. В любой момент, если почувствуешь опасность, ты можешь вернуться в тело. Но опасности нет. Все эфемерно. Опасность – это лишь твои

страхи. Только они создают чудовищ из астральных сущностей, которым нужна твоя энергия. Но они не могут взять ее у тебя. И потому стараются напугать, чтобы ты сам ее отдал... а вот и наш Алхимик!»

Многоликий стал проявляться, показывая себя во всем великолепии. Он, как осьминог цвета, менял лица: трансформировал их с определенной частотой, создавая свое собственное измерение времени в казавшемся безвременьи окружающего пространства.

– «Профессор! – вошло в сознание, – Можно я буду вас так называть? Вы позволите? – и продолжил, уже обращаясь к астрасому Дарского, – Профессор говорит правду. Мы, и только мы, являемся своими заклятыми врагами...

Вообще, – продолжил он, – насилие возможно. Но, как правило, оно проявляется либо в нижних слоях астрала, либо формируется различными направлениями черной магии на земле. Но для его реализации вы должны этому соответствовать сами. Соответствовать частотному диапазону той части пространства, где насилие – это всего лишь одно из проявлений спектра Вселенной. Эту часть спектра курируют такие негативные силы, чьи возможности настолько велики по отношению к силам обычных человеческих сущностей, что с ними не то, что связываться, их вообще лучше не знать. А есть сущности, воплощенные в человеческие тела, представляющие этот подвал Вселенной и пользующиеся этими силами. Они могут при помощи определенных заклинаний

наний вызывать их разрушительный потенциал, не смотря на утяжеление собственной кармы: таков механизм Вселенной, что осознавая наказуемость подобного насилия, на него все же идут. Вот такие дела, мой дорогой, – и тут же обратился к профессору, – Я понимаю – у вас все договорено, согласие получено, и третейский судья вам необходим только для констатации свершившегося».

– «Так было», – ответил профессор.

– «Так есть, – резюмировал Многоликий, – Разве твои высшие центры не осознают этого?»

Он, как и раньше, стал обращаться на «ты».

– «Осознают, – заметил профессор, – Привычка, видите ли, срabатывает сомневаться – земная. Даже тогда, когда наверняка знаешь, что это так, а не иначе. А, кстати: прошлый раз о насильственном вхождении в чужое тело ты не говорил. Почему?»

– «А тебе зачем? Тебе туда в ближайшем будущем дорога закрыта: я имею в виду нижние слои астрала. Ты еще на таком уровне проникновения, что и сам знаешь об этом. Только все еще боишься поверить в ту информацию, которую получаешь».

Профессор вдруг вспомнил, что Многоликий ведь деградирует. Пришла догадка о его причастности к нижнему астралу, и вместе с ней – с этой догадкой – появилось ощущение устрашающей силы, исходившей от него.

Астросом Дарского шевельнулся, будто напоминая о себе.

– «А теперь к делу, – Многоликий на какое-то время замер в образе красивой женщины, – Мальчик мой, час настал. Ты готов к развоплощению?»

– «Я?» – спросил Дарский.

– «Да, ты. Я обязан, как третейский судья, спросить тебя, хоть и знаю, что готов?»

– «Да. Готов».

– «Тогда... начинайте».

«Серебряный шнур» – растянувшееся эфирное тело профессора, которое обеспечивало жизнь его физической оболочке, лежавшей сейчас в кабинете, на кожаном диване, и которое соединяло два высших уровня сознания с нижним, стал сильнее источать свет. «Серебряный шнур» стал походить на узкий поток плазмы, которая, казалось, течет одновременно и туда, и обратно. Его энергетический потенциал отчаянно не желал расставаться с высшими планами системы «человек»: планетарный инструмент, еще пригодный для осуществления программы жизни не хотел погибать.

Но прежняя программа дала сбой, и информационное поле Вселенной отреагировав на него, внесло коррективу, словно положило недостающую гирьку на противоположную чашу весов, восстанавливая динамическое равновесие собственной системы. Заработала обновленная программа. И по ней астросом профессора Пекарика приблизился к астросому Дарского настолько, насколько было необходимо для того, чтобы соприкоснуться небольшими утолщениями, распо-

ложенными вначале и в конце энергетических жгутов.

Оба ощутили удар, который по силе своей, если бы это происходило в физическом теле, лишил бы их обоих через сильнейший болевой шок сознания. Но не здесь. Здесь этот удар, подобный молнии, им пришлось постичь в полной мере.

Когда сознание профессора стабилизировалось, он увидел, что светящийся шнур, исходивший из него, стал толстым и коротким. И входил в лежавшее тут же тело Дарского. «Неужели получилось?» – пришла мысль.

– «Иначе и быть не могло», – вошли в него слова Многоликого.

Совсем рядом с ним висел в пространстве развоплощенный астросом Дарского. Еще небольшой участок бывшего шнура, как обрезанная пуповина, торчал из него и прямо на глазах втягивался в остатки еще живого эфирного тела.

Такого мучительного состояния, порожденного высшим уровнем психики, профессор не испытывал никогда: в физическом теле совесть не воспринималась так ярко и так болезненно. И эта боль, это невыносимое состояние психики как будто напоминало ему, что развоплощение неизбежно обрекает на смерть не только физическое тело, но и личность – смертную часть души. Вслед за физическим – через три дня по земным меркам – умрет эфирное тело. Потом за ним – через девять – астральное, а через сорок и ментальное тело – чувствующее и мыслящее начала. Останется только сущ-

ность – бессмертная часть души, бессмертная триада с божественной частицей, которая, пройдя через горнило очищения от личности, словно феникс, должна будет возродиться в следующем воплощении.

– «Все. Прощайтесь, – возникло в сознании, – Тебе пора, Профессор. Смотри – тебя уже ждут, – он показал вниз, – Тебе еще придется побороться за жизнь. А о нем не беспокойся, – перехватил Многоликий его мысль, – ему предстоит длинное путешествие, и ни до чего земного не будет дела. Так что не переживай. Иди своей дорогой. Мы еще с тобой свидимся. Поторопись. А то будет поздно».

У кровати Дарского уже орудовала бригада реаниматологов во главе с Иваном Степановичем.

– «Прощай, Александр», – подумал профессор.

– «Прощай... теперь ты Александр, – слова теплом проникли в сознание, – не забудь – ты обещал позаботиться...»

Свет вдруг почти померк. Появилось ощущение сильного притяжения, как будто все существо вытягивало в одну линию. Потом стало совсем темно. Потом профессор ощутил, что все вокруг стало влажным и прохладным. Понял, что вошел в тело. Но через мгновение его выбросило назад, и он снова оказался под потолком спальни. Стало тепло и уютно. Увидел, как тело Дарского перекладывают на носилки. Затем шумно несут вниз. Бегом. К машине. Загружают. Почувствовал себя воздушным шариком, следующим за телом. Увидел в руках Ивана электроды...

И снова свет погас. Снова появилось ощущение влаги и прохлады. А еще – чувство невероятной тяжести, не дававшее возможности пошевелиться. Даже веки – и те оказались неподъемными.

– Все! Должен выжить. Функции стабилизируются. Давление выравнивается. Но надо быть готовыми ко всему, – голос Жука был таким знакомым и таким незнакомым одновременно. Легкое покачивание говорило о том, что он в машине, и она двигается. Все слышал, все понимал. Но сил показать это Ивану не было.

– Подъезжаем, – раздался чей-то незнакомый голос. «Кто-то из бригады».

Его стали сначала трясти. Потом переключать. Потом он услышал, как Иван крикнул:

– В реанимацию!

Потом ему что-то вкололи, и он забылся, не соображая толком, в каком измерении находится.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

В течение последующих трех-четырех дней профессор несколько раз приходил в тело и уходил снова.

Это были спонтанные выходы, после которых он смутно, как во сне, помнил, что с ним происходило в информационно-энергетическом пространстве. А иногда не помнил ничего. Лишь в груди оставалось чувство принадлежности к чему-то легкому и хорошему, к чему стремилась душа, закованная в тяжелый и слабо поддававшийся управлению телесный скафандр.

На пятый день, очнувшись от действия очередной инъекции, попытался открыть глаза. Но не смог. Где-то вдалеке слышались шаги и голоса. Потом чуть скрипнула дверь, и шаги, приблизившись, остановились.

– Такой юный, – раздался приятный женский голос над самой головой.

Сделал невероятное усилие, и веки, подрожав, поддались. Зрение почти сразу сфокусировалось. Женщина, уже, видимо, пенсионного возраста, в белом халате и такой же белой шапочке, наклонившаяся над ним, реактивно чуть отпрянула. Огромные янтарные бусы при этом, показалось, звякнули друг о дружку.

– Пришел в себя, миленький? – посмотрела она, жалост-

ливо улыбаясь, – Вот и хорошо. Федор Иванович сказал, что ты быстро поправишься.

«Знала бы ты, в какого себя я пришел, – подумал профессор, – не называла бы миленьким».

– Раз пришел в себя, через денек переведут тебя в палату. Там тебе приготовили уже. Отдельную. Ты – не простой: сразу видно. Может врача позвать? – спохватилась она.

– Не надо, – сделал попытку ответить. Но получилось почти не слышно. Как будто просто воздух выдохнул. Сделал еще попытку. Получилось лучше.

– Ну, нет – так нет. Может, ты хочешь чего? Говори, не стесняйся. Я нянечку пришлю.

– Нет, не надо, – тихо, но уже уверенней ответил профессор.

– Ну и хорошо, – почему-то сказала медсестра и ушла.

Вопрос, появившийся в сознании, вернул в прошлое: «пришел в себя» вытащило его на свет божий, заставило вспомнить недавние размышления. «Как сказать – кто я? Внутри – вроде, Вениамин... раб Божий Вениамин, – выплыло из памяти, – но уж точно не Петрович». Мысль вытащила из памяти образ отца. И почти сразу вернула к Дарскому. «А для социума я – Дарский Александр Александрович... но мое нынешнее тело – сын Павла Ходоровича и Анны Петровской. Значит, по отчеству... Павлович? Получается, что я теперь – Вениамин Павлович? Бред сумасшедшего. Только рот открой...»

Сознание стало перебирать последние события, связанные с телом. Тело могло неожиданно открыть глаза, когда этого не хотелось. И наоборот – трудно было с ним совладать, когда появлялось желание. Пришло понимание, что туловище, как не дрессированное животное, только пыталось еще понимать команды нового хозяина, иногда поступая рефлексивно: использовало психический потенциал эфирного тела, наработанный и общим генетическим развитием физиологии, и жизнью прежней управляющей структуры в предыдущем общем целом организме...

Мысли стали путаться. Сонная пелена, постепенно сгущаясь, поглотила их.

Сон. Еда. Размышления. Снова сон. Снова мысли. Приходили и уходили люди. Разные. Врачи. Медсестры. Нянечки. Навещали по очереди друзья.

Прошла неделя после того, как его перевели в небольшую, хорошо обставленную одноместную палату. Постепенно – день за днем – интеграция привоя – профессора – и подвоя – Дарского – становилась все более монолитной. Все реже тело делало самостоятельные выверты. Дрессировка шла успешно благодаря огромным знаниям «Вениамина» и природной приспособляемости «Павловича». И хотя полное устранение дисбаланса еще не наступило, чаще стало приходить удовлетворение от нараставшего единства всех частей организма. Профессор подолгу рассматривал свои новые руки и но-

ги, изучая их. И хоть они выглядели непривычно, но эмоционально воспринимались как свои. Всмотривался в лицо, стоя у зеркала и задаваясь вопросом, насколько оно привлекательно для противоположного пола. Grimасничал, чтобы лучше узнать, что в разных эмоциональных ситуациях он представляет, наслаждаясь одновременно тем, как прекрасно все это видят глаза. С каждым днем он все больше становился Дарским по мироощущению. Особенно в коридорах больницы, когда ловил взгляды молодых женщин. Тогда спонтанно возникал восторг. Забытое чувство выбора партнера для жизни, несмело начинало вторгаться в высшие слои психики. Поиск самки для продолжения потомства, обрамляясь социальными и общечеловеческими категориями, становился поиском человека, с которым хотелось связать надежды и чаяния существования. Чувство сексуального притяжения стремилось перерасти в любовь. Каждый день приносил свои неожиданные сюрпризы, заставлявшие память проводить параллели – как было и как есть.

А в самый канун Нового 2013 года, тридцать первого декабря, обновленного Александра Дарского после обеда ждал сюрприз. Три друга – Руман, Жук и Ромашко пришли его навестить одновременно. Поздравить с наступающим праздником.

Обнялись по очереди.

– Вень... – Руман запнулся от укоризненного улыбающегося взгляда.

– Михаил Моисеевич! А-я-яй, – сделал профессор нарочито серьезное лицо, – Я – Александр Александрович Дарский...

– Извини! Никак не могу привыкнуть, что ты... – Руман посмотрел ему в глаза, – Понимаю. Надо привыкать. Но я чувствую тебя, а не Дарского... а кстати, – перевел он рельсы, – Ваня говорит, что через недельку тебя, скорей всего, уже выпишут. Да, Вань? – обратился он к Ивану Степановичу.

– Похоже, да. Я сегодня утром разговаривал с Федором Ивановичем – твоим лечащим врачом. Он сказал, что ни разу не видел, чтобы так быстро приходили в себя после такого нервного срыва.

– Я рад... – усмехнулся профессор, – Только вот не представляю, как буду интегрироваться в новую среду. Я же прямиком пойду в свой кабинет. И у Леночки Дмитриевны еще чашку кофе потребую, – Александр улыбнулся, – А она скажет: «Дарский, вы обнаглели совсем. Столько пропустили занятий, и шутите еще». Кстати, Миша, как ты собираешься покрывать меня за те пропуски, что я наделал до больницы? – он хитро посмотрел на Румана.

– Спишем на твою депрессию... тем более сессию, я надеюсь, ты не завалишь? – засмеялся Михаил Моисеевич, – А то придется тебя отчислять за неуспеваемость.

Все дружно расхохотались. Кроме Романа Сергеевича.

Открылась дверь и в палату с возмущенным выражением

лица вошел дежурный врач.

– Господа! Вы не забыли, где находитесь? И как вы вообще сюда попали в тихий час? – начал, было, он, но увидел Жука, – А-а! Вы, Иван Степанович? А я проходил мимо, слышу...

– Простите нас, Руслан Николаевич, – заговорил виновато Жук, – Мы все поняли. Мы не будем никому мешать. С наступающим вас.

– Спасибо! И вас всех так же. Но все же попрошу – потише, пожалуйста, – заметил он серьезным голосом, как будто Иван Степанович своим поздравлением пытался заполучить индульгенцию, – в его глазах промелькнула искорка смеха, – На вип-палаты распорядок дня также распространяется.

– Да-да. Конечно, – в том же игривом тоне ответил Жук.

Просидели и проговорили почти два часа. А когда гости собрались уходить, Руман, прощаясь, заметил:

– Ты знаешь, Веня... извини... у меня такое ощущение странное: как будто в твоём нынешнем лице я периодически вижу тебя прежнего. В каких-то мимолетных движениях... в динамике.

Сознание профессора услужливо вытаскило из памяти мелькающий образ Многоликого. «Неужели?» – подумал.

– Когда ты более-менее статичен, этого нет. Странное ощущение... – снова повторил он, – твое прежнее лицо как будто проступает сквозь лицо Дарского.

– А я думал, что мне показалось, – удивился Иван Степа-

нович, – А не сказал, потому что боялся, что не поймете... вам только попади на язык.

Роман Сергеевич промолчал.

– И больше скажу, – продолжил Иван Степанович, – Я чаще всех бываю с Венькой, и уже начинаю привыкать, что он такой. Но вот что на самом деле странно для меня, так это то, что такие моменты проявляются только в лице: в общей моторике этого нет.

– Друзья мои, – тихо начал профессор, – В моторике лица отражается моя настоящая суть. Поначалу лицевые мышцы и мышцы речевого аппарата так же, как и все остальные, работали инертно. Так, как были сформированы жизнью Александра Дарского. Но они оказались более мобильными с точки зрения трансформации движений, потому что в большей степени завязаны на мою сущность. Вот в этом, по-видимому, и весь секрет. Я много думаю сейчас обо всех метаморфозах, происходящих во мне. Слава богу, адаптер Дарского – я имею в виду мозг – прекрасная машина. Я не ошибался, представляя потенциал этого молодого человека... – до него вдруг дошло, что молодой человек с его прекрасным адаптером – это он сам. Что он говорит о себе в третьем лице. Казалось бы – абсурдная – а потому обязанная быть смешной – ситуация. Но смеха она не вызвала. Скорее привела к мыслительному ступору.

– А я вот никак не могу привыкнуть к тебе такому, – заговорил Роман Сергеевич, – Прости! – повинулся он, – По-

нимаю, по тому, что говоришь, как говоришь – ты. Но такая двойственность во мне возникает от чужого лица, чужого голоса. Как будто с ума схожу. Не могу найти объяснения всему...

– Объяснение? – возмутился Руман, – Думай, что Веньке пластику сделали. А имя поменяли в целях безопасности. Может за ним мафия гоняется, – засмеялся он.

Роман Сергеевич как то странно заулыбался.

– Отвали, умник, – безобидно отмахнулся он. Ты все объяснишь, я знаю.

Вскоре друзья ушли, еще раз обнявшись с ним и поздравив с наступающим Новым годом. А он, озадаченный тем, что стал двуликим, начал перебирать в памяти начало новой жизни, когда в процессе освоения тела казалось, что все пошло прахом. Состояние туловища, вызванное неумеренным приемом алкоголя настоящим Александром и ностальгическими чувствами его – Пекарика психики, неоднозначно принявшей двойственность, все первое время, когда выныривал из забытья, порождало депрессию. А больше всего подпитывала ее беспомощность, которая, казалось, никогда не пройдет.

Но взаимодействие всех психических и физических процессов и – что немаловажно – интересов исследователя нарастало: сознание ученого, наблюдавшего за нюансами перемен, приносило свои плоды, приводило к энергетическому подъему. И депрессия пошла на убыль. Конечно, сомнения

не прекращались: иногда казалось, что это все временно, что эксперимент скоро закончится, и все вернется на свои места, что более косную природу тандема физического и эфирного тел Дарского переделать по сути невозможно, а его – устроенные более тонко – высшие тела сдадут позиции.

И сегодня, еще до самого обеда – до прихода друзей, он рассуждал точно так же. «Неужели генотип Дарского, – думал, – настолько силен, что сможет растворить в себе архетипический потенциал моей сущности, и слова Гермеса Три-смегиста о том, что тело не может составиться без души, но существовать может, правы? Бред какой-то!»

И только сейчас, в связи с тем, что Руман открыл в его лице, память стала предлагать новые аргументы. Вспомнился Арджуна из Бхагават Гиты. И рациональное сознание – то, которое человечество и считает сознанием, предстало, как поле сражения Верха и Низа. Но, почему-то, в христианской интерпретации: божественная рать во главе с Архангелом Михаилом противостоит легионам тьмы под предводительством Сатаны.

– Господи! – вслух воскликнул профессор, пораженный догадкой. «Это же, оказывается, так просто: надсознание будхиального тела противостоит подсознанию эфирного на поле нашего рационального – ментального сознания. Почему мне это не приходило в голову раньше? – он даже встал с кровати, – Это же та вечная борьба, о которой я все время думал, между животным и божественным началами в нас. Это же

то, что делает нас людьми с нашим пресловутым свободным выбором. Борьба инстинктов с интуицией – предвестницей вселенской любви, мерилom которой является совесть. Интуиция готовит условия для любви, как Иоанн Предтеча готовил пути для Иисуса...»

Он сел и откинулся на спинку кровати, ощутив наваливающуюся усталость.

«От меня зависит – кто проиграет, а кто выиграет. Но третейским судьей в данном споре будет только... смерть? А до этого? Всю оставшуюся жизнь борьба? Да. Так было, так есть и так будет, – ответил сам себе, – И будет этот перевес, как всегда, то на одной стороне, то на другой».

2.

Наступил день выписки.

Пошли двадцать шестые сутки с момента, когда профессор Пекарик стал Александром Дарским, а тот – развоплощенной сущностью.

– Ну, что, Александр Александрович, – сказал во время обхода лечащий врач, – мы свою задачу выполнили. Все остальное сделает организм. Но... – он сделал паузу, – если вы ему не будете мешать.

Федор Иванович поднялся со стула.

– Отправляйтесь домой. И будьте здоровы.

– Спасибо, доктор. Весьма и весьма признателен вам.

«Все, – пришла мысль, – Вот и начинается новая жизнь.»

Больше нет, и никогда не будет Пекарика Вениамина Петровича, – и, как смог, бодро добавил, – Есть – Александр Александрович Дарский – перспективный студент в настоящем и выдающийся ученый в будущем». Но внутренней бодрости это не добавило.

Когда собрался переодеваться и открыл дверцу шкафа, увидел совсем не то, что подспудно ожидал: не обнаружил привычных костюма и пальто. Куртка. Джинсы. А наверху – на полке – свитер и трикотажная шапочка. Все остальное – нижнее белье, купленное Иваном – в прозрачном целлофановом пакете.

Вещи Дарского, которые Иван Степанович вчера вечером принес из химчистки, поначалу были восприняты, как чужие. Вызвали любопытство. Профессор повертел их в руках, разглядывая, и стал примерять.

На самом деле все оказалось впору. И мало того, тело в них чувствовало себя комфортно. Руки привычным движением водрузили вязаную шапочку на голову и влезли в рукава куртки яркого спортивного кроя.

Встав перед зеркалом, профессор оценил свой новый имидж.

На него смотрел молодой мужчина, полный сил и жизненного энтузиазма и, одновременно, выдающийся ученый – зрелый исследователь. Мальчик с потаенными мыслями об уладах любви и немолодой уже человек, кое-что повидавший на своем веку. Все это, смешиваясь в нем, приводи-

ло к немыслимому с точки зрения рационального сознания синтезу. Но, несмотря на данное обстоятельство, профессора Пекарика для социума больше не существовало, остался только Александр Дарский: «Король умер! Да здравствует король!» Прежнего уже не вернешь, и с этим придется жить.

Переодевшись, он набрал номер диспетчерской таксопарка. Заказал машину и вышел из палаты. Длинный коридор во время обхода, когда все на своих местах в ожидании врачей, встретил его тишиной и пустотой. У одного из окон, правда, в конце коридора стояли две женщины в ярких, явно не больничных халатах и о чем-то разговаривали, но отсюда слышно их не было, и потому негромкий звук собственных шагов, отражаясь от стен, казался неуместным.

Проходя вдоль холла, где уютно разместился сестринский пост, увидел Марию Ивановну, сидевшую у стола, в ее бессменных янтарных бусах на уже начинавшей морщиниться коже. Поблагодарил и попрощался.

– Храни тебя Господь, сынок, – улыbnулась она.

«Это вряд ли», – отреагировало сознание.

К лифту он не пошел, спустился по лестнице. И, минуя вестибюль, заполненный сидящими вдоль стен редкими посетителями, вышел на крыльцо.

Зимний день встретил небольшим морозцем и пробиравшимся между домами солнечным светом. Восторг, охвативший душу, отозвался, казалось, в каждой клеточке тела. «Благодать-то какая!» Александр вдохнул полной грудью.

Пришло осознание, что до краев наполняется Вселенной – ее энергией. Захотелось прыгать и кричать от счастья. Бежать, сломя голову, куда попало. Хоть на край света. На мгновение вспомнил того, кому всем этим был обязан. Но лишь на мгновение. Без грусти и самобичевания. Просто вспомнил. И тут же отвлекся на проходившую в короткой курточке девушку. На ее красивую попку, туго обтянутую джинсами. Восторг, и без того распиравший грудь, многократно усилился. Снова вспомнил, чьими глазами на все смотрит, и чьи эмоции испытывает, переводя в свои чувства и мысли. Но опять воспоминания не вызвали негатива.

«Неужели, все? Неужели восстановленный уровень энергии в теле настолько оптимизирует сознание? – усомнился, было. Но тут же усомнился еще раз, – Видимо, так и есть?»

Подрулила желтая «Волга», и через несколько секунд раздался звонок телефона. Звонила диспетчер. Оказалось, такси – к нему.

Подъехав к дому, он расплатился с водителем и вышел. Что-то ностальгическое коснулось сердца. Что-то подобное тому, как возвращался из отпусков, но гораздо сильнее. Поднялся по лестнице на третий этаж. Замер на секунду у двери Румана, представляя, как увидит Розу Аркадьевну. Нажал на знакомую кнопку.

Через несколько секунд ухо уловило чуть слышные шаги. Потом тишину. Видимо, его разглядывали в глазок.

– Кто там, – послышался знакомый женский голос, и про-

фессор снова ощутил ностальгию: голос показался, чуть ли не родным.

– Роза Аркадьевна! – заговорил он громко, почему-то боясь, что его не услышат, – Мне Михаил Моисеевич должен был оставить ключи от квартиры профессора Пекарика. Я – Александр Дарский.

– Да-да. Сейчас, – она стала щелкать замками, – Сейчас, сейчас...

Дверь чуть приотворилась, и Роза Аркадьевна, повернувшись, взяла с тумбочки и подала знакомую связку ключей. Металлический брелок с изображением лондонского тауэра заставил снова отозваться душу.

Поднявшись этажом выше, остановился у дверей. Почувствовал нетерпение в руках. И они – руки, оставшись без контроля сознания, уже успевшего мысленно перешагнуть за порог, путались с ключами. Сознание форсировало события, не замечая замешательства тела, не наработавшего еще алгоритм движений.

Наконец, он оказался в квартире. На мгновение замер, оценивая окружавшее пространство. Все так же, как и было. Но как-то по-другому. Чувствовалась чужая рука во всем. Следы чужого присутствия. И это неприятными ощущениями отразилось в душе. Вид большого зеркала в прихожей, с неснятым до сих пор покрывалом, на мгновение выбил из колеи. В большой комнате чуть в сторону сдвинут стол. Не так расставлены стулья. Появившееся несоответствие при-

вычных образов и реальности стало трансформироваться в чувство одиночества, в потерю близкого человека – самого любимого из всех живших на земле. Профессорское сознание представило плоть, в которой долгие годы обитало, лежащую в гробу. Почему-то – красном. С белыми кружевами по краям. Скорее всего, в этой самой комнате. Друзей, склонившихся над этой брэнной оболочкой. И так заболело в груди, что хоть плач. Навалилась усталость, и он, как чужой, присел на край дивана. Светлые образы из прошлого – один за другим – стали вызывать одновременно и радость, и боль. И это приводило к путанице, заставляло логику терять привычный для нее рациональный порядок и подниматься до уровня абсурда, который своей, казалось бы, нелогичностью заставлял работать высшие слои психики. Нейтрализовал собой полярности, уничтожая энергетический заряд между ними, вызывавший страдания.

Наконец, профессор встал. «Чему быть, тому не миновать». Этой фразой возвращавшийся оптимизм провел черту между прошлым и будущим. А вечная молодость духа и молодость тела довершили его работу. Он вспомнил – кто он теперь.

– Я – Александр Дарский, – произнес чеканно, – Я больше не профессор Пекарик. И вовсе не профессор. Я студент – Александр Дарский, – повторил он, словно убеждая себя в этом.

А, буквально, через пару минут Александр Дарский уже

снова радовался жизни: без повода – просто так, пытаюсь выстраивать ближайшие планы.

3.

Первым делом надо уладить дела с Пауком. Отдать карточный долг. «А по поводу машины? Скажу родителям... родителям, – усмехнулся, – когда приедут, что продал за ненадобностью. Ездить буду на своей».

Войдя в кабинет, взял небольшую стремянку, стоявшую в углу. Перенес ее к книжным полкам. Влез на вторую ступеньку и вытащил несколько книг. Положил их на верхнюю площадку лестнички и набрал шифр на маленькой дверце в стене, открывшейся за книгами. Взял немного денег. Перед самым экспериментом, чтобы ни от кого не зависеть, пока не придет время вступления в права наследства, и решить вопрос с Пауком, снял в банке кругленькую сумму.

Решил так. С утра в университет. А после занятий – созвонится с Вадимом и договорится о встрече. «Лучше первый шаг сделаю я. Все равно ведь не отстанет: как только узнает – а этот узнает, что я выписался из больницы, сразу начнет землю рыть». Пришла мысль, что в данный момент думает о себе, как о Дарском. И тут же возмутился: «А кто я, если не Дарский? Я – Александр Дарский. Со всеми вытекающими отсюда обязательствами».

В дверь постучали. «Либо Руман, – насторожился Александр, – Либо сердобольная Прокофьевна увидела в глазок

чужого и позвонила в милицию. Нет, – догадался, – милиция так тихо не стучит. Пожалуй, что Руман». Он поставил на место книги и стремянку и пошел открывать.

– Привет... – Михаил Моисеевич потерялся. Замер на пороге, – Розочка моя... говорит – заходил. Дай, думаю, поднимусь. Может, ты еще здесь? Успел-таки...

– Проходи, Миша. Не стой в дверях.

Руман вошел осторожно, будто впервые входил в квартиру к незнакомым людям. «Никак не привыкнет бедолага, – подумал профессор, – И не мудрено. А в больнице перед Ромашкой хорохорился. О пластике что-то говорил. А сам? Вот уж поистине: на миру и смерть красна».

– Ты вовремя зашел. Я уже собирался идти к себе.

– К себе? – удивленно посмотрел Михаил Моисеевич, – Как к себе?

– Миша, не тупи, – разозлился вдруг ни с того, ни с сего профессор, – К себе, значит, к себе. Завещание не вскрыто. В права наследства официально я еще не вступал.

Глаза Румана еще более округлились, и профессор понял, что по инициативе тела перегнул палку. Подсознание окрасило речь по-своему.

– Извини, Миш! Не обижайся, бога ради. Пойми, виной всему – гормональный фон. Во мне такое колоброжение сейчас – война настоящая. Ну, хочешь – дай мне подзатыльник, как в детстве.

Михаил Моисеевич улыбнулся.

– Да ну тебя! Я вот о чем хотел спросить тебя, Веня... – Руман сделал паузу, будто засомневался – спрашивать или нет.

– Да говори уже. Чего канитель разводишь? – не удержался профессор. И опять получилось чуть эмоциональнее, чем хотел. Улыбнулся, чтобы как-то скрасить ситуацию.

– Мне понадобится твоя помощь – разобраться... по работе... – как-то виновато заговорил Михаил Моисеевич.

– Какие проблемы, Мишель? Зайду к тебе завтра. Если кофе угостишь, конечно. И кончай вести себя так, как будто ты меня подсел, и тебе теперь передо мной неудобно.

– Кофе? И все? – Руман пропустил последние слова, – Согласен.

– Ну, вот и ладушки, Михаил Моисеевич – профессор рассмехался, – Ты хоть в университете не забывай, что я – Александр Дарский, а ты – декан. А то вот так начнешь мямлить себе под нос передо мной.

– Да уж ты напомнишь, за тобой не заржавеет, – в тон ему парировал Руман.

– К сожалению, мне пора, Миша. Документы и ключи от машины у тебя или у Ивана? Надо бы еще поесть где-нибудь.

– Все у меня. Зайдем сейчас – заберешь. У нас и поешь.

– Нет, дорогой, спасибо. Как-нибудь в следующий раз.

Забрав документы и ключи, Александр спустился во двор. До стоянки метров двести шел не торопясь, снова наслаждаясь окружающим великолепием. Зимний урбанизированный

пейзаж завораживал солнцем и безветрием. Морозный – градусов пять-семь – воздух наполнял все существо восторгом. Казалось, лица прохожих, щурившихся от яркого на солнце снега, сияют улыбками.

Машина стояла, будто укутанная белым покрывалом. Александр провел ладонью по месту, где дверь примыкала к кузову, чтобы снег не влетел в салон при открывании. Ощутил, что делает это, если не с нежностью, то все же с чувством. Детали прежней жизни, не замечаемые до «преображения», вереницей приятных мгновений вторглись в новую жизнь, окрашивая ее тонкими нюансами восторженных чувств.

Сев за руль, он завел двигатель, и, пока шел прогрев, решил позвонить в «Сити Групп». Савину. Набрал номер личного телефона.

– Да. Я вас слушаю.

– Добрый день, Игорь Николаевич.

– Добрый. С кем имею честь? – на том конце выжидательно замолчали.

– Игорь Николаевич, я – Александр Дарский. Вениамин Петрович рекомендовал мне обратиться к вам. Он должен был обо мне сообщить.

– Да-да. Сообщил. Вы уже здоровы?

Сознание профессора дало легкий сбой, не сразу сообразив, что имеет дело с бывшим сотрудником спецслужб.

– Але? Я вас не слышу, – снова заговорил Савин, – Куда

вы пропали?

– Соображаю – откуда вы знаете, что я был болен, – подыграл Александр.

– Ну, это, молодой человек, вам знать не обязательно, – отрезал Савин, – Если вы уже в порядке, жду вас завтра в пятнадцать ноль-ноль у себя. Ехать, знаете куда?

– Да, знаю.

– Ну, вот и хорошо. Посмотрим – соответствуете ли вы характеристике, данной профессором. Внизу вас встретят и проведут. Всего доброго. До встречи.

– До свидания... – ответил Александр коротким гудком. «Суров, однако», – усмехнулся. Взял щетку и вышел из машины – обмести снег.

Когда уже подъезжал к дому, глаза выхватили стоявшую в ряду яркого канареечного цвета небольшую машинку. «Ну, и цвет. Вырви глаз, – отметило сознание, – Явно, у этой птички хозяйка, а не хозяин». Пошла неадекватная реакция. Нейрогуморальная система взволновала кровь, вызвав чувство, похожее на ностальгию. «Странная реакция на автомобиль, – мелькнула мысль, – Пусть даже и дамский».

Поднявшись на этаж, привычными движениями достал ключи, и, почти не глядя, открыл дверь. Так же автоматически включил свет. Тело прекрасно знало свое дело, ориентируясь в знакомой для него обстановке. Алгоритм движений, сформированный пространством квартиры, навсегда впечатался в каждую его клеточку. «Вот оно – подтверждение су-

ществования первичного уровня сознания в эфирном теле. В нем нет времени. Всегда здесь и сейчас». Пришла радость, что экспериментально познает то, что предполагал. «Вот они – привычки, сформированные обучением. Они создают иллюзию разумного поведения там, где оно лишь условно разумное. Где оно – реактивно, то есть примитивно разумно. Оно – плод дрессуры».

Чувство голода стало нарастать, заставив взглянуть на светящиеся зеленым светом цифры будильника. «Почти два. Пора, пожалуй, и пообедать».

Первое, что пришло в голову, поехать на ту стилизованную под старину уютную улочку, где когда-то ел итальянские пельмени, и где его обслуживала красивая брюнетка с ярко красными коготочками, общение с которой в прежнем виде было тогда за гранью его понимания. И вот теперь появился шанс. И его обладатель нового тела ну никак не хотел упускать.

4.

Припарковав «Тойоту» поблизости – там, где смог найти место, Александр подошел к знакомым ступенькам, ведущим в цокольный этаж. Перила и навес над входом, фонарь и «раскладушка» с ценами-зазывалками – стилизацияковки ручной работы, перемежающейся с деревянными деталями – все это смотрелось таким же, как и в прошлый раз, и все-таки казалось каким-то не таким: ярче, что ли, было, кон-

трастнее.

Первая строка на черном фоне щита «раскладушки», выведенная старательно мелом – все те же равиоли с разной начинкой. «Никакой фантазии, – улыбнулся Александр, – Пьеса – все та же. Посмотрим – не изменились ли актеры?»

Он спустился по вымощенным шероховатой плиткой ступеням вниз. Потянул за массивное кольцо деревянную тяжелую дверь. И вошел в вестибюль. «Похоже, актеры те же».

Перед ним предстал мясистый секьюрити – Вадим. В костюме. По поводу чего сознанию захотелось поглумиться. Но от этой мысли он отказался.

– О-о! Сколько лет, сколько зим, – как старому другу обрадовался охранник, – Что-то ты давненько не заглаживал к нам. А мы тут на днях тебя вспоминали... с Катюшкой, – добавил он, – Она так и сказала: «Куда это запропастился тот красивый парень, что все время к нам ходил обедать?» А я говорю: «Может, женился, да жена ему дома борщи варит?»

Профессор сразу вспомнил – кто он. И понял: если охранника не остановить, тот будет продолжать.

– Спасибо, что помнишь, Вадик. А Катя... здесь?

– А где ж ей быть? Может, правда...

Что хотел сказать Вадим, Александр дослушивать не стал.

– Нет-нет, спасибо. Пойду, – как бы извиняясь, сказал он, – Очень поесть хотелось бы.

– Конечно, – понимающе посмотрел на него охранник, – Соловья баснями-то не кормят. Извини.

Ноги машинально зашагали в сторону дальнего столика. Александр снял на ходу куртку, повесил ее рядом и сел лицом в сторону бара. К нему уже, выстукивая нетерпеливый ритм шла официантка.

– Здравствуйте! – она, наверно, слишком эмоционально показала свою радость, от чего засмушалась и зарделась, – Что-то вас давно не видно?

Румянец, проступивший через ее прозрачную, как и у всех рыжих, кожу, покрытую редкими веснушками, сделал ее более чем хорошенькой. Александр даже засмотрелся. Пришла ассоциация с румянцем после бани, делавшим красивыми даже тех женщин, кто особой красотой не блистал. Сознание неожиданно представило Катю, обернутую полотенцем, с полотенцем же на голове – в виде чалмы.

– Болел, – просто ответил он, – Но давайте, Катюша, об этом говорить не будем, – предупредил он ее вопрос, улыбнувшись.

Она, к его сожалению, все поняла по-своему. Видимо, подумала, что от нее, как от назойливой мухи, отмахиваются. Даже лицо на какую-то долю секунды изменилось – за счет потемневших глаз и слегка выпятившейся нижней губы. Но девушка тут же взяла себя в руки. Попыталась улыбнуться. Правда, улыбка получилась такая, что у Александра в глубинах его профессорской души шевельнулась совесть.

– Вам, как всегда? – в ее голосе еле уловимо присутствовало тремоло.

– Катюша! Ну? Ну что случилось? – он по-отечески журил ее, – Вы совершенно неправильно меня поняли. Я не хочу говорить о своей болезни вообще, а не с вами персонально. А с вами мне общаться приятно. И больше того – не буду скрывать – вы мне очень нравитесь.

Она застыла, не зная, как отреагировать.

– Спасибо, – сказала почему-то, и переспросила, – Вам, как всегда?

– Мне, как всегда, – он улыбнулся, глядя ей в глаза, чтобы как-то разрядить обстановку.

Катя упорхнула. Природное кокетство реализовалось в большей амплитуде покачивания бедер, что не обошлось без молчаливого комментария специалиста по пантомимике. В душе возникло странное чувство – девушка все еще продолжала нравиться ему, но того притяжения, которое испытывал, когда шел сюда, уже не было.

Через полчаса, поощрив Катю добрым словом и хорошими чаевыми и попрощавшись с охранником, понимающе улыбавшимся, Александр вышел на улицу. Постоял несколько секунд – полюбовался зимним солнечным днем, подчеркивавшим красоту ухоженной старины. Неожиданно вспомнил, что собирался заехать – приобрести кое-что из нательного белья, потому что Иван купил самый минимум – только, чтобы выбраться из больницы. А минут через пятнадцать уже поднимался по ступенькам красивого здания торгового центра.

Не успел он пересечь условную границу секции, как к нему устремились две девушки – продавщицы. Одна шла с фронта, другая – наискосок справа. Они будто не замечали друг друга. Но в какой-то момент та, что шла прямо на него, видимо, поняла, что не успевает. Она резко остановилась возле одной стойки и стала поправлять висевшее на вешалках белье.

– Молодой человек, если вам нужна помощь, я к вашим услугам.

Александр повернул голову. Вторая девушка, которую он поначалу видел только боковым зрением, оказалась очень хорошенькой. С наивными глазками. Она немного шепелявила, и это придавало ей шарм, потому что, не смотря на то, что ей было не меньше двадцати пяти, выглядела она девочкой-подростком.

– Спасибо, – Александр посмотрел ей в глаза. Но она почти сразу же закрылась ресницами, – Я с удовольствием приму вашу помощь... Леночка, – интерпретировал информацию на бейдже.

Как только произнес имя, вспомнил секретаря. Вспомнил, как однажды спросил у нее – красивый ли парень Саша Дарский. Как смутился, услышав неожиданно прямой ответ.

С продавщицей они проговорили минут десять. После чего он расплатился и, подхватив легкий пакет, спустился на первый этаж. А, проходя мимо столиков расположившегося почти у самого выхода кафе, решил, что чашка капучино

будет кстати. Пришлось немного постоять в очереди: перед ним оказалось пять человек, если не считать, что два парня, судя по всему, вместе.

На лице девушки, стоявшей за прилавком, сквозь нарисованную улыбку заметно проступала усталость. «Не позавидуешь, – подумал Александр, – целую смену на ногах. А народу здесь проходит...» Почти идеальные черты лица барменши портил крупный нос с горбинкой. И не то, чтобы портил, но как-то обращал на себя внимание.

«Мария», – прочитал на бейдже.

Девушка привычно стала колдовать с блестящим кофейным агрегатом, выполняя заказ. Когда она, почувствовав взгляд, подняла ресницы, Александр утонул в больших красивых глазах.

– Трудно, Маша? – участливо спросил он.

– Да, – кивнув, просто ответила она, – Вообще, мы здесь вдвоем с напарницей, но у нее полчаса обед. Зашиваюсь одна!

– Сочувствую, – снова выказал участие.

– Спасибо, – с усмешкой ответила Мария, подавая чашку.

В ее глазах мелькнул интерес.

– Это тебе спасибо... – как бы возразил он, – И не только за капучино.

Она удивленно подняла брови.

– За удовольствие видеть твои красивые глаза, – поторопился добавить Александр.

Девушка смутилась и опустила ресницы.

6.

На следующий день в университете у Александра Дарского случились неприятности. На одном из практических занятий он стал спорить с молодым преподавателем, когда тот сделал ему замечание по изложению материала. Методист кафедры «Психологии личности» – вчерашний студент, которому дали несколько часов семинарских занятий, слишком конкретно подошел к вопросу, не имевшему однозначной точки зрения. В запале профессорское сознание упустило who is who.

– Вам, молодой человек, с вашими знаниями по данному вопросу не учить – учиться надо, – заявил Александр.

По наступившей в аудитории тишине понял – влип. Такого он себе, как студент, конечно же, позволить никак не мог. Да и как профессор, наверное, тоже. «Как-то бестактно получилось. Если не сказать – хамски». Понимал – реакция будет. Но какая?

– Дарский, – очнувшись от ступора, тихо сказал преподаватель, – Ваше поведение... не кажется ли оно вам вызывающим? Вы, хотя бы, знаете, как меня зовут? Мы ведь с вами встречаемся впервые, не так ли?

– Извините, Виктор Петрович, – пошел на попятную Дарский, – Не знаю, как это произошло, и весьма сожалею о своей бестактности. Захотелось сделать что-нибудь хорошее

этому растерявшемуся мальчику, которого он загнал в угол и заставил огрызаться, – Виктор Петрович, я вполне оценил ваш ум и манеру излагать мысли, – он чуть не сказал «еще на собеседовании», – Но поверьте... вопрос этот остается бесспорным для вас только потому, что вы не читали последних исследований, как в области психологии личности, так и в когнитивной психологии...

– Дарский, – перебил мрачно преподаватель, – Все это прекрасно. Но, думаю, ваши познания предмета заслуживают пристального внимания декана. Мне придется сообщить ему о вашей выходке...

Александр промолчал.

На перемене к нему подошла Даша Кветковская.

– Саша, ну зачем ты сцепился с ним?

– Да сам не знаю. Сначала машинально, – усмехнулся с сожалением Александр, – А потом хотел как лучше. Ну, а получилось... – он развел руками.

– Ты же задел его самое больное место. Это теперь в лучшем случае твой недруг, – она с нежностью заглянула ему в глаза, как бы говоря – «ты не один, я – с тобой».

– Да и бог с ним, – махнул рукой Дарский, – Чего уже перемалывать? Все равно поздно. Слово не воробей. Да и экзамен принимает не он.

– Понятно, – подвела итог Даша, и как бы продолжая его сожаление, добавила, – Был бы Вениамин Петрович жив, можно было бы отделаться легким испугом в виде нравоуче-

ния. А как Руман на это отреагирует – не знаю.

– Не расстраивайся, Даша, – ее теплые слова о нем прежнем задели сердце, – Все будет хорошо. Поверь – Михаил Моисеевич тоже человек... – он на секунду остановился, подбирая слова, – Послушай, мне нужно с тобой поговорить. Не сегодня, – поймал ее вопросительный взгляд, – Чуть позже. Скажу только, что я после нервного срыва не все помню из ближайшего прошлого. Врачи говорят – защитная реакция организма, который таким образом спасает себя от воспоминаний, связанных с внутренним конфликтом.

– Хорошо, – согласилась Даша, – Поговорим.

В дверях аудитории показалась Елена Дмитриевна.

– Дарский! – позвала, – Александр! Вас вызывает Михаил Моисеевич. Срочно.

– Ну вот, – посмотрел он, улыбнувшись, на Дашу, – Начинается. Возмездие грядет, – повернулся к выходу, – Иду, Леночка Дмитриевна.

– Не можете вы, Дарский, без иронии, – улынулась она, – И сейчас, видимо, поохмили с бедным Виктором Петровичем?

– Я? – театрально удивился Александр, – Да никогда!

Леночка рассмеялась.

– Будет вам сейчас «никогда». Правда, скажу по секрету, – стала она говорить тише, когда спускались по лестнице, декан вас защищал. Говорил, что вы пережили сильный нервный срыв. Так что, я думаю, все будет хорошо. Но пожурят

точно.

– Ну, спасибо, Леночка. Ваши слова – бальзам на рану. Она посмотрела на него внимательно.

– Ну, все вам нипочем, Дарский.

– Это точно. Теперь мне, Леночка, все нипочем.

Каждый при этом подумал о своем.

Войдя в приемную, Елена Дмитриевна заглянула в приоткрытую дверь кабинета декана.

– Дарский здесь, Михаил Моисеевич.

– Пусть войдет, – слышалось оттуда.

Александр миновал дверь и оказался в кабинете. Профессорское сознание еще раз после перевоплощения получило порцию ностальгии. Зрочки ловили близкие душе детали интерьера, не обращая внимания на ожидавших его людей.

– Ну, Дарский... – Руман был серьезен. Где-то в глубине глаз, правда, мелькнула искорка смеха. Но сейчас же погасла, – Почему вы решили, что вам можно оскорблять преподавателей?

Александр взглянул на Виктора Петровича. «Интересно, как он интерпретировал наш разговор?»

– Михаил Моисеевич, за свой спонтанный выпад я публично принес Виктору Петровичу свои извинения. И, если этого мало, я готов извиниться еще раз, – он повернулся к молодому преподавателю, – Виктор Петрович. Если вы считаете мое покаяние недостаточным...

– Дарский, – перебил декан, – Это я уже выяснил. Меня

интересует другое...

– Если вы о рецидиве, Михаил Моисеевич, то я вам торжественно клянусь – больше такого с моей стороны не повторится, – выступление Александра начинало походить на стиб. Слишком уверенно он себя чувствовал. И Руман, повернув голову в сторону жалобщика, сказал:

– Спасибо, Виктор Петрович за сигнал. Будем разбираться. Если у вас больше ничего нет ко мне, вы можете быть свободны.

Методист, попросившись, ушел. И на несколько секунд в кабинете воцарилась относительная тишина, если не считать жизни за его пределами.

– Да, Венька, – не поднимая глаз и покусывая нижнюю губу, проговорил Руман, – он встал и зашагал по кабинету, – Да садись ты! Чего стоишь как истукан? – улыбнулся, наконец, – Кофе будешь?

– Не откажусь, даже не надейся... – улыбнулся Александр в ответ, – Прости, Мишель, забылся на секунду. Понимаю, тебе хлопоты, но и меня пойми. Я все же Дарский только по форме.

– Ладно, – Михаил Моисеевич подошел к двери, – Елена Дмитриевна, сделайте, пожалуйста, два кофе.

– Ну вот, – не преминул съязвить Александр, – Ты тоже прокололся. Представляешь, сейчас ты должен мне устроить разнос по первое число, а секретарю заказываешь два кофе: собираешься со студентом под кофе разбираться? Пожалуй,

такие проколы у нас будут отнюдь не исключением.

– И что ты предлагаешь? Как этого можно избежать?

– Жизнь, Миша, она сильнее и мудрее наших с тобой жалких рациональных умишек, потому что рациональный уровень сознания, линейно вторгаясь в действительность, пытается постичь суть нелинейных процессов, окружающих нас. А предлагаю я – жить, полагаясь на интуицию. И не пытаться делать прогнозов при помощи этого несовершенного инструмента. Кесарю – кесарево, а богу – богово.

Вошла Леночка с подносом. И все поглядывала – то на одного, то на другого, явно не понимая, что происходит. Нонсенс – декан вместо того, чтобы сделать студенту выволочку, собрался с ним пить кофе.

– Спасибо, Елена Дмитриевна. Что это вы растерялись? Ставьте уже поднос на стол.

– Извините, Михаил Моисеевич, – она смутилась, – Думала, кто-то пришел к вам, пока выходила.

– Ну? Что я говорил? – усмехнулся Александр, когда за ней затворилась дверь, – Девочка чуть дар речи не потеряла.

Кофе пили, почти молча, не считая пары несущественных реплик. А когда Александр собрался уходить, Руман уже у дверей остановил его.

– Я тебя умоляю... тебе – как ты там сказал Виктору Петровичу? – не учить, а учиться надо, – он улыбнулся, – Ну... сам понимаешь. Тебе в народ надо идти. Среду новую осваивать. Смотришь, и все образуется.

– Да, Миша. Я и сам об этом думал. Надо. Но если честно, стремно, как они говорят. Я на их пиру – лишний. Своим я там никогда не стану. Ну? Пока, Миша?

– Пока, Веня.

7.

Последняя пара – лекционная – тянулась долго. Сергей Поликарпович, человек преклонного возраста, вычитывал материал монотонно, не обращая ни на кого внимания. На его лекциях, как правило, каждый занимался своими делами. Все знали, что профессор Забродин – человек лояльный и никого на экзаменах не топит. Ему хватало жизненного опыта для понимания того, что из «ничего» ничего не сделаешь. А кому его знания нужны, тот их постигнет. И мало того – пойдет дальше. Александр задумался. Сознание вытащило из тайников памяти один из перлов вездесущей истины: ученик, не постигший понимание учителя, не достоин называться его учеником, и лишь тот, кто смог это понимание превзойти, становится достойным. «А сколько здесь достойных? Один? Два? Или никого?» Вопрос не предполагал рационального ответа. Ответ заключался либо в делах, либо в трансцендентном его постижении. «Но это только со стороны того, у кого учатся, ибо процесс этот двусторонний... Научить ничему нельзя, – вспомнилась извечная мудрость, – Можно только научиться».

Занятия закончились. И аудитория почти сразу опусте-

ла. Последним просеменил короткими стариковскими шажками к выходу Сергей Поликарпович. «Доживу ли я до таких лет, когда уже никуда не нужно будет спешить?» – подумал Александр. Слово «спешить» напомнило, что его ждут в «Сити Групп», что не хочется, но нужно позвонить Пауку – договориться о встрече на завтра. Вспомнил, что обещал обсудить свое беспамятство с Дашей. Хотелось выпытать, какие отношения между ним и ею существуют, помимо того, что он видел на экране. И еще много чего – назревшего со всех сторон – нужно было привести к душевной гармонии в себе.

Посидел, собрался с мыслями и нашел в записной книжке телефона внесенный вчера номер Паука.

– Алло. Слушаю.

– Привет, Вадим, – Александр сделал паузу – не стал называть себя сразу. Узнает по голосу или нет?

– Привет, – Павуковский выжидал, как настоящий паук. Молчал. Видимо, пытался идентифицировать в памяти голос.

– Ну, что? Не узнаешь?

– А-а? Пропажа? Ты уже выписался или еще отдыхаешь? – сознание представило, как он злорадно ухмыльнулся.

– Ты-то откуда все знаешь? – поинтересовался Дарский.

– Интересно, да? – съязвил Паук.

– А то? – ответил в тон ему Александр.

– А не твое это дело, Сашок, – продолжил кочевряжиться

тот, – Ты лучше скажи, где тебя искать. Пора уже и покалякать.

– Так не вопрос, Паук. Ты со своей интуицией мог бы уже и догадаться, зачем я звоню. Встречаемся завтра. Завтра же я перезвоню о месте и времени, – не стал он переливать из пустого в порожнее.

– Так не пойдет, Сашок. Я тебе не фраерок какой-нибудь. Условия предлагаю я. А ты...

– Короче, – не дал ему договорить Александр, – Если я правильно понял, деньги тебе не нужны. Ну, что ж – понадобятся – звони.

– Э, дружок, ты, кажется, нарываешься? – Паук, чувствовалось, разозлился. Его напускная интеллигентность спала, и в голосе появились зловещие нотки, – Ты что, с девочкой своей базаришь, фраер? Рамсы попутал?

– Ты закончил? – перебил Александр. Надо было как-то обезоруживать Паука. А понимал он нормально только тех, кого считал равными себе. Или тех, кто сильнее, – Вадим, ты же умный парень, и, конечно же, соображаешь, что на всякую силу найдется другая сила. Так что? Встречаемся завтра?

Паук выдержал паузу.

– Лады, дружок! А ты...

– Если ты о процентах – забудь! То, что случилось – форсмажор в чистом виде.

– Я не об этом...

– А о чем? – сознание профессора вибрировало, пытаюсь предупредить вопрос.

– Ты не знаешь, где Лерка?

«Ух, ты! Вон оно что».

– Даже предположить не могу. Мы расстались, ты же знаешь. Ладно, Вадим, давай. Спешу я. До завтра.

Александр отключился и облегченно вздохнул. Но почти сразу в сознание вползла мысль, что Паук как-то слишком быстро на все согласился. Один раз только вспылил. «А ведь я с ним, по его понятиям, разговаривал достаточно дерзко. Может, почувствовал силу за мной? Или во мне? Впрочем, завтра все узнаем». Посмотрел на часы. «Пора».

Вышел на улицу. А попал в сказку. Появилось ощущение, как будто время замедлило свой бег. Огромные белые хлопья в безветренном воздухе плавно опускались на город. На дома и деревья. На тротуары и автобусные остановки. На машины и людей. На каменные столбы высокого металлического забора, нахлобучивая на них белоснежные шапки. Остановился, пораженный этой столько раз виденной красотой, но всегда – такой новой, такой первозданной. Вдохнул полной грудью и пошел к машине. Снова ощутил привычный ритм времени.

Пока машина прогревалась, сделал несколько звонков, вышагивая взад-вперед. Закончив, сел и покатыл в «Сити Групп».

Даша стояла у одной из плит в кухне общежития. Помешивая машинально молоко в ковшике, думала о Саше. О нем последнее время – с тех пор, как он вернулся – думала почти всегда. И даже, когда отвлекалась, и не удавалось этого делать, чувствовала в себе его присутствие – присутствие любимого. А когда вечером, погасив свет, ложилась в кровать, сознание возвращало в тот страшный день, когда казалось, что все – жизни конец, что Сашенька, которого она видит перед собой, становится эфемерным. Он, вроде, есть. А, вроде, его и нет. И даже, когда он уткнулся ей в колени и обжег их горячим дыханием, его слова продолжили ощущение нереальности происходившего. Теперь ее ноги – чуть выше колен – почти каждую ночь вспоминали прикосновение его лица, его дыхания. Удовольствие становилось проклятием: Даша долго не могла уснуть – мысли, оплетая образы, роились, будто пчелы, одна за другой выныривавшие из летка. По коже пробегали мурашки, и замирало на мгновение сердце, словно спринтер на старте, чтобы начать в полную силу двигаться. Оно размеренно гнало по сосудам загустевшую, отравленную любовной агонией кровь. Даша уже знала – железы внутренней секреции реагируют на выпад психики – интенсифицируют выброс гормонов в кровеносное русло, затуманят сознание. Снова его захлестнет и накроет горячая волна чувственности, уходящая в низ живота. И там, пульсируя, станет вызывать спазмы, отдаваясь легкой судорогой

на внутренней поверхности бедер. Это было так приятно. Но с каждой минутой в душе, напитавшейся телесным зудом, нарастала неудовлетворенность. И сознание временами начинало пропадать, будто исчезая за непроницаемой пеленой густого, вязущего мысли тумана: это организм включал защиту. Приходил сон. И случалось – он восполнял все то, чего так хотелось наяву. Если в этот момент Даша просыпалась, то ощущала двойственное чувство: было и приятно, и некомфортно одновременно. Приятно от того, что еще сохранялось мерцавшее в нервных окончаниях чувство наполненности. А некомфортно, потому что было чрезмерно влажно. А еще потому, что опыт подсказывал – лучше встать сейчас. Она поднималась через силу, снимала трусы и шла в душевую. Потом надевала свежие, и с легким чувством, нырнув в еще не остывшее пространство под одеялом, засыпала...

Шум сбежавшего молока и тут же защекотавший ноздри специфический запах мгновенно вывели из забытья.

– Вот блин! Ну что же это такое? – посетовала она и, быстро сняв ковшик, почему-то виновато взглянула на двух наблюдавших за ней девчонок у соседней плиты. Будто могла оскорбить их запахом пригоревшего молока, – Следила же! И на тебе – в последний момент задумалась...

Она вдруг неожиданно для себя рассмеялась. Засмеялись и девчонки.

Пришлось убирать плиту.

Последнее время, наряду с приятными переживаниями,

связанными с возрождением Сашеньки, стали приходить тревожные мысли. Вот и сегодня. Промашка с молоком вызвала к жизни вопросы по поводу охлаждения его к ней. Это так заметно. «Говорил, что любит, – думала, – А как вышел из своего ступора, так ни разу и словом не обмолвился. Только что здороваётся. Как будто ничего и не было».

– Привет, Кветковская!

– Тьфу, ты... Светка! Ну, сколько можно просить тебя не подкрадываться сзади? Вечно ты пугаешь меня... – Даша оглянулась: в кухне кроме них – никого.

– А я что – виновата, что у меня такой голос? – забасила Светка, чуть сверху вниз глядя на нее, – Прости, если напугала...

– Да ладно. Проехали. Только, прошу, не приставай, – Даша подняла голову и посмотрела ей в глаза, наморщив при этом нос, как будто от Светки дурно пахло.

– А что делать? – задала та глупый вопрос.

– Главное – не падай духом. Найдешь себе кого-нибудь... из своих...

– А как? – удивилась Светка, – Это у тебя смелости хватает сказать...

– Ну чего ты тупишь? А сети зачем?

– Какие сети?

– Да интернет, господи ты боже мой...

– А ты точно – нет?

– Я же тебе ясно сказала – я просто шкерюсь. Маскируюсь

– поняла? – Даша выбросила в урну безнадежно запачканную молочной гарью салфетку и, сказав Светке «пока», вышла из кухни. «Господи, – подумала с сожалением, – Мало того, что фигурой обидели, так еще...» – додумать не смогла, стало стыдно.

9.

– Добрый день, – Александр подошел к молодому человеку, пристально на него взглянувшего.

– Добрый, – прозвучал ответ, – Вы по какому вопросу? Темный костюм. Светлая рубашка с галстуком. Все по-военному безупречно.

– Я к Савину. Дарский Александр Александрович.

– Минуточку, – охранник снял трубку внутреннего телефона, – Ожидайте, – показал рукой в сторону диванчика в небольшой нише.

Ждать пришлось недолго. Другой молодой человек, почти также же по-военному молодцеватый, через несколько минут подошел к нему.

– Александр Александрович?

– Да, – ответил Дарский, поднявшись.

– Пожалуйста, следуйте за мной.

Знакомый лифт. Длинный пустынный коридор, застланный ковровином, по которому он столько раз ходил в последние годы, инстинктивно ступая с пятки на носок, чтобы не так слышны были и без того неслышные здесь шаги. «Разве

это ходил я? – пришла мысль, – Это был Пекарик Вениамин Петрович». И тут до него стала доходить абсурдность ситуации. «А ведь и сейчас иду не я. Идет Дарский. А я лишь свидетель... невидимка... серый кардинал». Мысли радовали и пугали одновременно своей откровенностью. На грани фола. На грани нормальности, наконец.

Подошли к кабинету Савина. Сопровождающий постучал, и приоткрыл дверь.

– Разрешите?

– Да-да, просите, – послышался знакомый голос.

– Пожалуйста, – посторонился охранник, пропуская Александра внутрь.

– Проходите. Прошу, – Савин вышел из-за своего стола, двигаясь навстречу. Подал руку.

– Очень приятно познакомиться, Игорь Николаевич. Вениамин Петрович мне много о вас рассказывал.

– Да? – с улыбкой спросил Савин, – И о чем же, если не секрет?

– Да о разном. Всегда очень тепло отзывался. Говорил, что в юности вы были одним из его двух близких друзей, с кем можно было общаться, почти не разговаривая. Что такое понимание между вами существовало даже тогда, когда общение выходило за рамки простых бытовых отношений. Извините, – профессорское сознание уловило на лице хозяина кабинета наряду с удовлетворением от услышанного некоторое нетерпение.

– Очень приятен мне такой отзыв. Спасибо. Но... Александр Александрович, совсем нет времени предаваться воспоминаниям, – Савин прикоснулся к локтю Дарского, предлагая сесть, – Царство небесное моему другу, – он поставил стул напротив и присел на край, – Хотелось бы узнать, чему вас научил Вениамин Петрович? Что вы умеете?

– Я не буду скромничать, Игорь Николаевич. Вы, как человек, знакомый с прикладной психологией, наверное, уже что-то заметили в процессе общения. Да и профессор, мне кажется, достаточно охарактеризовал меня. Я могу делать абсолютно все то, что делал он, – последняя фраза как-то неприятно отозвалась в сознании.

Они беседовали минут двадцать. Может чуть меньше. Савин задавал вопросы. Дарский по возможности развернуто отвечал, стараясь не затрагивать его амбиции по поводу человековедения. Наконец, Игорь Николаевич, с допросом закончил. По всему было видно – остался довольным.

– Ну, что ж, Александр Александрович, – сказал он, поднимаясь со стула, – Не смею больше задерживать. Вам осталось только познакомиться с аппаратурой – со всем тем, с чем придется работать, – он протянул руку, – Вас проводят.

Через несколько минут Дарский уже стоял в небольшой, относительно кабинета Савина, комнате, заставленной аппаратурой.

– От Савина, – буркнул провожатый поднявшемуся навстречу парню в джинсах и свитере.

– Ну что? Будем знакомы? – начал Александр. «Держи себя в руках. Тебе здесь все незнакомо», – напомнил себе, – Дарский. Александр.

– Константин, – протянул руку парень. И еще с полчаса Александр ознакомился с техническими средствами своей будущей работы. Всем тем, с чем много лет уже был знаком. Наблюдал за манипуляциями напарника. Слушал инструкции. А когда пытался руководить картинкой – ее параметрами, иногда нарочито делал ошибки, на что Константин сразу же реагировал – делал замечания.

Через полчаса явился Савин.

– Ну, как продвигаются дела, Константин? – спросил он и посмотрел на Дарского.

– Поразительно, Игорь Николаевич! У меня такое ощущение... когда Александр управляет картинкой, будто я с Вениамином Петровичем работаю. А когда говорит, даже интонация профессора проскальзывает.

– Ничего удивительного, Константин, – улыбнулся довольный Савин, – Это его ученик.

– Да? – удивился Константин, – То-то я думаю... – он с восхищением посмотрел на Дарского, – Мне очень приятно об этом узнать, – заметил он. И добавил, цокнув языком, – Профессор, конечно, был глыбой.

– Ну, что ж, Александр Александрович. Буду докладывать о вас генеральному. А работа, – он развел руками, – она покажет.

Визит в «Сити Групп» закончился, и Дарский вышел на улицу. Снегопад прекратился. Легкий колючий ветерок на секунду привлек внимание к лицу. Сгущались сумерки, окрасив освободившееся от сплошной пелены небо в синие тона: от темно-голубого на западе до почти черного, глубокого на востоке. Любуясь эти великолепием, Александр постоял еще пару минут. Потом сел в машину. Ключ зажигания оживил приборы. Двигатель еще не совсем остыл, и потому в салон почти сразу стал поступать теплый воздух. Ослепительно отразился от пушистого сверкающего покрова свет зажженных фар. Морозный воздух, пронзенный яркими лучами, поразил своей прозрачностью, четко распределяя светотени в представшей перед глазами картинке.

Через полчаса, нырнув в арку, Дарский въехал во двор своего дома. Фары выхватили из ряда машин желтенькое авто, снова своеобразно окрасив чувства. «Что за черт?» Сознание профессора никак не могло найти ответ на поставленный нервной системой и железами внутренней секреции вопрос. Парковка автомобиля, правда, почти сразу отвлекла от него. Но осталось смутное предчувствие чего-то приятного, но с какой-то непонятной тревожной подоплекой.

Войдя в дом и раздевшись, вспомнил вдруг, что собирался позвонить Жуку. Руман сказал, что Ваня приболел. «Друг называется! Надо бы справиться, как он там. Может, помощь нужна». Почувствовал, если не стыд, то угрызения совести точно. Достал телефон. Экран высветил список последних

звонков. «Паук... О чем это он у меня спрашивал? А-а, о Лере. Может позвонить ей?» В поле сознания вдруг всплыло желтенькое авто. И тут же пришла догадка. «Может быть, может быть. Тем более надо позвонить, – в сердце неожиданно появился восторг, – Нет! Сначала Ивану...» Нашел. Нажал на вызов и стал ждать.

– Да, – послышался слабый голос и за ним откашливание.

– Привет, Ваня. Почему не позвонил?

– А зачем? У меня все есть. Соседка тут за мной ухаживает. Ну, ты знаешь.

– Как ты там? – вопрос прозвучал сухо. В нем не оказалось должного участия. Стало неудобно перед товарищем, и он добавил, – Может все же нужно что-то?

– Да нет. Мне уже лучше. Простое ОРЗ. Пик уже позади, – Иван снова откашлялся, – Слышишь? Кашель уже не сухой.

– Да. Слышу. Завтра заеду. Выздоровливай

Пока разговаривал с Иваном, все время думал о Лере. Поймал себя на мысли, что сам себе почему-то лжет. «Приятно» низа психики и «плохо» верха стали вязать странное кружево в сознании, ввергая весь организм в состояние пульсирующей – то приходившей, то уходившей вины. «Вот оно – щекотливое чувство запретного плода, – отметило сознание профессора, – И хорошо, и почему-то стыдно. Я хочу ее, потому что этого хочет мое тело. Даже понимая, что потом будет плохо, я стремлюсь к ней...» Александр пошел на кухню поставить чайник. «Я снова возвращаюсь к тому же самому.

К извечной борьбе эфирного тела – первичного уровня сознания – с будхиальным – надсознанием. А если исходить из того, что эфирное тело, являясь энергетическим сосудом – еще и сексуальный центр, и он во много раз сильнее моего прежнего...»

Зазвонил телефон.

– Слушаю тебя, Вадим, – сознание отметило свой недовольный голос.

– Привет, Сашок, – Паук как будто извинялся.

– Привет. Ну, и?.. – не стал церемониться профессор, отреагировав на паузу. Хотел просто спросить – чего тебе надо. Но не спросил.

– Слушай, может, я сейчас подошлю к тебе за деньгами?

– Ну, ты даешь, Вадим. У меня в доме таких денег нет.

– А сколько есть? Понимаешь, до зарезу надо. Я тут, понимаешь... продулся. И мелочь – десять кусков каких-то. Но дают час и ни минуты больше: ребята серьезные, – он засмеялся нервно, – Вот уж не думал, что придется к тебе... на цирлах...

– А что пацаны твои?

– Да сидят, как сливы в ж... Я же говорю – парни не чета моим. Рыжий было дернулся, так ему сразу ствол к башке...

– Подожди, – Александр посмотрел на часы. «Почти девять». Ехать никуда не хотелось. Но неожиданно почему-то жалко стало Паука, которого обязательно «порвут», если он сейчас же не даст ему денег. А раз обратился к нему, значит,

судя по его гордыне, больше уже не к кому. «Странно, – подумал, – казалось бы, мне такой расклад выгоден... но...» Еще мгновение посомневавшись, принял решение, – Ладно. Где ты?

– В «Столичной».

– Жди: в течение часа буду.

– Ну, спасибо, Сашок. Век не забуду.

Александр зашел на кухню – погасил газ под уже закипевшим чайником. Оделся и спустился вниз. А через час с небольшим уже был у ярко освещенного парадного входа гостиницы. Набрал Паука.

Прошло буквально пару минут, и тот появился в дверях в сопровождении внушительного мордоворота.

– Вот, – сказал Дарский, передавая целлофановый пакет, – Все, что я должен.

– Братан, – заблажил радостно Паук, – Да я теперь твой должник по гроб жизни...

– Все! – перебил Дарский, – Прощай, Вадим. Надеюсь, больше не свидимся.

– Ну, зачем ты так? – как будто расстроился Павуковский, – Может, и я когда сгожусь тебе? Спасибо еще раз, – он протянул руку.

Александр, поколебавшись секунду, подал свою.

А в семь часов утра его разбудил входной звонок. Накинув халат, он подошел к двери и, не спрашивая, открыл.

На пороге стоял улыбающийся Паук.

– Вставать пора. Кто рано встает, тому бог дает...

– Ну, что тебе еще, Павуковский? – сознание профессора констатировало в системе «Дарский-Пекарник» раздражение, – Мы, вроде, все дела наши с тобой порешали? – заговорил он с неприязнью.

Но Паук, словно бы не слыша, что ему говорят, шагнул в прихожую и затворил за собой дверь.

– Это ты, Саша, решил свои дела. А я... как оказалось, нет, – он достал из кармана знакомые ключи с брелком, – Вот... тачка у подъезда. Документы за козырьком.

– Это что за аттракцион щедрости? – улыбнулся удивленно Александр, – На тебя это как-то не похоже...

– А тебе откуда знать – похоже, не похоже? Ты что, знаешь меня? – вдруг разозлился Паук, – Бери! – он резко сунул ключи Дарскому, и тот машинально взял, – Все! Покедова! – Павуковский нащупал, не глядя, ручку за спиной и открыл дверь, – Ни хрена ты не разбираешься в людях. Психолог, мать твою... – сказал как-то обиженно, повернулся и вышел.

«Да-а, – выдохнул Александр, – Жаль...»

Но чего жаль, так и осталось за пределами сознания. Брошенное Павуковским «психолог» натолкнуло почему-то на мысли о Валерии. И он снова стал о ней думать.

– Я не готова, Михаил Моисеевич, – Даша почувствовала, как загорелось лицо.

– И сколько вам нужно времени, чтобы собраться с мыслями? – Руман был в хорошем расположении духа.

– Извините, Михаил Моисеевич, вы меня неправильно поняли. Я совсем не готова.

– Как? – удивился Руман, будто то, что у студента не готов доклад, для него прозвучало впервые в жизни, – Вы меня разочаровываете, Дарья, – он пристально посмотрел на нее.

– Извините, – Даша опустила глаза, – ее внимание на мгновение переключилось на кончики собственных ушей, но тут же переместилось в середину груди.

– Что с вами последнее время творится? Вы же всегда были благоразумны... – Руман лукавил: именно он дежурил у экрана в тот день, когда Даша приходила к Александру Дарскому. И именно он, как никто другой, понимал природу того, что творилось в душе бедной девушки, которая оказалась втянутой в чужую игру, – Ладно, Кветковская. Зная, как вы относитесь к учебе, я на этот раз сделаю вид, что ничего не произошло. Очень надеюсь, что у вас была веская причина. Кто следующий? – обратился он к аудитории.

– Давайте я? – встала маленького ростика блондинка.

– Прошу вас, Быстрова... да-да – сюда, проходите за кафедру, – отреагировал Михаил Моисеевич на заминку. «Бедная Даша! – подумал, – Уже бы отплакала по своему любимому, да и начинала жить по-новому. Дело-то молодое. Тем

более, что отношений у них – кот наплакал».

Мысли о том, что Даша даже представить не может, кого любит, всколыхнули в чувствах Румана какие-то незнакомые обертоны. Захотелось защитить эту девушку – фактически ребенка от того страшного действия, которым по своей сути являлся эксперимент профессора Пекарика, и который нутром он никогда до конца не принимал. Казалось – так быть не должно: не должны такие знания, в которые Пекарик его так до конца и не посвятил, достаться человечеству. «И слава богу, что не посвящал! – обрадовался Михаил Моисеевич, и сознание тут же отреагировало на эту радость одним из вечных перлов народной мудрости, – Меньше знаешь – крепче спишь». Он украдкой взглянул на Кветковскую. «Даша, Даша...» Его вдруг осенило: он даже испугался пришедшей мысли, оттолкнул ее от себя. Но жалость к этой беззащитной от чьего-то произвола девочке и желание защитить ее возобладало в Румане. «Неужели отцовские чувства, дремавшие во мне столько лет, проснулись, вышли из латентного состояния?» Михаил Моисеевич снова посмотрел на Дашу: ну, конечно, никакого сексуального подтекста в его чувствах нет. Она – маленькая девочка, ребенок...

«Тьфу ты!» – в поток его сознания вдруг стало входить здравомыслие, выметая чувственную подоплеку, травившую душу сантиментами. «Ну, какая, к черту, маленькая девочка? Какой ребенок? Ты что, Руман?» Сквозь пелену диалектики, стали проступать черты реальности. Интуиция настоя-

чиво намекала на смену ситуации. И Михаил Моисеевич, наконец, очнулся...

Белокурая студенточка, чуть выглядывавшая из-за кафедры, по всему было видно, свой доклад закончила: стояла и смотрела на декана, ожидая разбора полетов.

– У вас все, Быстрова?

– Да, Михаил Моисеевич, все.

– Тогда прошу садиться, – он взглянул на часы, – Судя по времени, мы успеваем выслушать еще один доклад, – Руман еще раз посмотрел на часы.

Отправив следующего докладчика в плавание по океану знаний, он снова погрузился в свои размышления. Но теперь не лукавил по поводу Кветковской. Чувствовал по отношению к ней уже не жалость, а какую-то странную, неестественную ревность. И от этого поток сознания – каплю по капле, как деготь в мед – вносил в сердце горечь того, что не он сейчас Александр Александрович Дарский.

11.

Мысль о том, чтобы взять и позвонить Валерии, исключая отдельные моменты, постоянно претендовала на первую роль. И даже, когда занавес сознания ненадолго закрывался для нее, толкалась в складки тяжелой ткани бессознательной сути в поисках промежутка, чтобы вырваться на авансцену.

Профессор решил, что позвонит вечером. Потом. Потому что желание сопровождалось какой-то тревогой. А это насто-

раживало. Но, в итоге, желание все же оказалось сильнее, и на большой перемене номер Лериного телефона был набран.

– Алле?

– Лера, это я. Узнаешь?

Пауза растянулась. И он уже, было, собрался назвать себя.

– Не ожидала, что позвонишь, – голос прозвучал хриловато.

– Ты что, болеешь? – щепетильное обычно профессорское сознание пропустило неправильное ударение в слове «позвонишь».

– Нет. С чего ты взял? Просто от неожиданности. А ты откуда звонишь? – повторила она свой обычный ляп.

На этот раз сознание профессора споткнулось.

– Из универа... а что? – разговор не клеился.

– Да так... ничего.

– Как поживаешь? – не нашел ничего лучшего он.

– Нормально. Кстати, я уже несколько дней живу рядом с тобой. В соседнем подъезде. Помнишь, как мы с тобой первый раз встретились... я приезжала смотреть квартиру?

Конечно же, он не помнил этого. Но не признался.

– Ну и...

– Так вот я ее сняла. Меня с предыдущей, можно сказать, турнули. Сказали одну цену, а через неделю завернули в полтора раза больше... сволочи! – выразила она чувства, – Так я по тем же самым деньгам сняла хотя бы то, что мне нравится... – она вдруг замолчала, – Саша?.. – и запнулась.

– Что?

– А ты с Пауком...

– Я все уладил, – перебил он ее.

Она, запинаясь, вдруг стала рассказывать: тараторила и тараторила. Обо всем подряд и ни о чем одновременно. Будто оттягивая неизбежное. Наконец, остановилась, не завершив фразу, и без всякого перехода сказала:

– Приходи ко мне вечером: я соскучилась. Музыку послушаем, – она засмеялась, – Помнишь, как ты меня затащил первый раз к себе? Я спросила: «Что мы у тебя будем делать?» А ты сказал: «А ты не знаешь, что делают мальчики и девочки, когда остаются одни?» А я сказала: «Не знаю». А ты: «Музычку слушают». Приходи... позвонишь, если соберешься. Пока... – и она отключилась.

«Бедная девочка, – подумал профессор, – Она так боится получить отказ».

После занятий Дарский заехал в магазин. Купил бутылку французского вина и отправился домой. Дома набрал воды в ванну, лег и предался неге.

Горячая вода, соприкоснувшись с клетками кожи Александра, отправила в мозг сигнал блаженства, ввела организм в транс, усиливший желание слияния с женщиной, которая где-то рядом ждет того же, что и он. В профессорском сознании выплыли моменты, когда он становился свидетелем любовных сцен на экране монитора. И на место неги пришло чувство неудобства. Потом явилась мысль, что наблю-

дал за самим собой. Но все же ложь потерявшейся в лабиринтах жизни логики, запутавшейся в них, обостренные чувства приняли с благодарностью: в изнеженное теплом тело снова вернулось ожидание чуда.

Вода постепенно меняла температуру. Кожа, успевшая оценить ее предыдущую благодать, не могла уже получать того, что было, переставав отправлять в центральную нервную систему сигналы удовольствия. И желание благодати, вложенное в ожидание будущей встречи, вдруг сублимировалось в мысль – сулившую движение, перемены. Мысль оказалась простой и ясной: «Зачем ждать, если Лера вдруг уже дома?» Сработала пружина глубоко затаившегося в бессознательной сути напряжения. Она начала распрямляться, вбрасывая в сознание все новые и новые вводные, и минут через пять Александр, замотавшись в полотенце, уже держал в руках телефон.

– Ты дома?

– Да. А ты?

– Скажи мне номер квартиры.

– Шестьдесят восемь.

– Через полчаса я у тебя.

– Я еще...

Он не дослушал: распрямившаяся пружина, передав импульс, привела тело в состояние повышенной боевой готовности. Наскоро вытираясь, достал из шкафа чистое белье, моментально натянув на себя.

А через десять минут Александр уже замыкал квартиру. А через пятнадцать, нажав на кнопку звонка, стоял под дверью, обтянутой бордовой винилискожей с блестящим латунным квадратиком перед глазами, на котором красовалась гравировка – 68.

Лера долго не открывала. Наконец, послышались ее шаги, и дверь отворилась. Валерия стояла раскрасневшаяся – в халатике и в шлепанцах. Видно было – только что из душа.

– Ты так быстро. Я ничего не успела.

– А ничего и не надо, – он подал ей бутылку и закрыл за собой дверь, повернув защелку, – По бокалу вина и... десерт.

Она смотрела на него, как будто чего-то ожидая. Александр обнял ее и стал целовать.

– Дарский, – возмущенно сказала Лера, вывернувшись, – Ну давай уже все по порядку. Ты что, собираешься завалить меня прямо здесь?

– Извини, – он сбросил куртку и повесил на вешалку, – А по порядку это как?

– Я скажу как, – засмеялась она, – Проходи сюда.

В комнате, где его оставили, теснился большой угловой диван, а около – небольшой журнальный столик, заставленный закусками. «А говорила – ничего не успела. Наверно, готовиться начала, как я первый раз позвонил. Ну, по порядку, так по порядку».

В другой комнате зажужжал фен. «Надолго», – пришла мысль. Александр подошел к приоткрытой двери и заглянул.

Лера сидела рядом с большой кроватью перед зеркалом. Наполовину боком к нему. Прихваченный на одну пуговицу халатик, ниспадал на пол, почти полностью оголяя красивое бедро.

Александр залюбовался. А она, почувствовав его взгляд, обернулась.

– Дарский, – улыбнулась покровительственно, – Я разве приглашала тебя сюда? Подожди, пожалуйста, десять минут за дверь, раз пришел так рано.

«Ну, и чего спешил? Чего летел, сломя голову? Не раз ведь наблюдал, как она обходилась с ним... или со мной?» – хмыкнул. Что-то тяжелое и бесформенное всколыхнулось на самом дне психики. «Вот оно. Наследие истинного Дарского. Тут как тут». Он переключился на изучение интерьера, и через несколько минут его отпустило: вернулось чувство ожидания праздника. А еще минут через двадцать вошла Лера в красивом платье. Распушенные, ниспадающие по плечам, пряди шелковистых волос обрамляли прекрасное лицо, почти не тронутое макияжем.

Александр засмотрелся: не ожидал такой перемены. Лера прочитала это все в его взгляде и была весьма довольна произведенным эффектом.

– Дарский, ты не представляешь, как я рада твоему возрождению. Я столько думала о том, что с нами случилось.

– Я тоже рад тебя видеть. Жизнь, наверное, тем и интересна, что не дает застаиваться на одном месте...

– А ты что, до сих пор не открыл бутылку? – она сделала удивленное лицо.

– Извини, сейчас исправлюсь... а штопор?

– Да вот же. На столе. Я думала – ты уже все здесь рассмотрел.

Ее игривость, легкость в общении импонировала профессорскому сознанию, возжигала в нем забытые чувства, и они вторгались по-хозяйски в незатейливое – примитивное желание соития с женщиной, истинно творя в душе праздник. Это были и нежность, и эстетическое любование, и чувство жалости к слабому, незащищенному от перипетий жизни самонадеянному существу, и еще что-то такое, чего нельзя ни объяснить, ни назвать.

Не меньше часа они пили и пробовали закуски. Болтали. Вернее, щебетала без умолку Лера. Александр же больше слушал и любовался ею. Они все глубже проникали – глаза в глаза – друг в друга. Наконец, глаз стало не хватать, и застолье на этом этапе закончилось.

12.

На следующий день на первое занятие Александр чуть не опоздал. Вернее опоздал минут на пять. Бежал по коридору, испытывая неудобство перед товарищем: лекция – Румана. Казалось бы, ну, что здесь такого? Ну, опоздал бы немного. Но что-то внутри говорило о необходимости безупречного поведения. Он даже вздохнул с облегчением, когда увидел,

что новоиспеченный декан отсутствует.

– Всем привет! – окинул взглядом аудиторию. Увидел Кветковскую. Она помахала рукой в знак приветствия и показала, что он может сесть на свободное рядом с ней место, – Как дела, – спросил, усаживаясь, просто чтобы не молчать.

– Нормально, – ответила она соответственно вопросу.

Вошел Руман: Александру показалось, что он бледен более чем обычно. Но Кветковская отвлекла его шепотом.

– Ты хотел поговорить со мной. Я не совсем поняла – о чем конкретно?

– Даш, давай не сейчас – на перемене.

Даша посмотрела на него и улыбнулась.

– Ты какой-то не такой, Дарский, после своей болезни.

– Какой не такой?

Она не ответила, потому что в аудитории восстановилась тишина. И Михаил Моисеевич начал говорить.

Даша развернула тетрадь на последней странице и написала: «Не знаю. Не такой, и все. Объяснить не могу».

«Вот тебе раз. Лера, и та ничего не заметила. Хотя настоящего Дарского знала получше некоторых... или просто не сказала?» Он внимательно посмотрел на Дашу. «Что нас связывает? Точнее, что связывало ее и Дарского? Ну, ни секс это точно. Тогда что? Просто дружба? Но ведь видно, что неровно дышит. Может, это и все отношения?»

Когда прозвенел звонок, и аудитория почти опустела, Даша предложила:

– Давай останемся. Здесь поспокойнее.

– Я не против, – согласился он.

– Так о чем ты хотел... – она облокотилась на стол и щекой легла на ладонь – лицом в его сторону. В ее глазах, когда они оказались совсем рядом, он увидел то, что на уровне чувств только предполагал, но чего не мог увидеть на расстоянии. Глаза поразили притягательностью такой силы, которую – он вдруг понял – ему ни за что и никогда не преодолеть. Как будто там, за пределами их поверхности был глубокий вакуум, всасывавший в себя его душу. Но не холодный, каким ему подобает быть, а проникновенно теплый и бесконечно ласковый. Кровь, с силой выталкиваемая сердцем в артерии, наполнила все существо восторгом, которого чувства профессора до сих пор никогда не испытывали. Чувства оказались в замешательстве, передавая свое состояние мыслям: и встреча с Лерой, и вчерашний бурный секс показали как-им-то убогим суррогатом в сравнении с этим мгновенным, подобным ошеломляющему удару событием. Именно событием, которое он мог сравнить разве что с моментом прозрения, постигшим его в другой жизни много лет назад...

Александр сидел, не в силах оторваться от глаз Даши и молчал. Та – другая жизнь, всколыхнувшись в памяти, соединилась в глубинах души с нынешней. Предстала перед ним таким соцветием чувств, от которых по позвоночнику прошел импульс, вызвав в нем озноб.

– Что с тобой? – ей показалось, что ему нехорошо.

– Все хорошо, Дашенька. Все великолепно.

Она посмотрела на него удивленно, но тут же улыбнулась. И в этой улыбке промелькнуло вселенское торжество женщины, осознавшей, что ее выбрали. В ней – в этой умиротворенной улыбке – не было ни капли победного гонора или глупого довольства удовлетворенных амбиций. Только нежность к мужчине, которого еще раньше выбрала сама.

Но вслед за этим во взгляде появилось сомнение.

Эту игру чувств и мыслей сознание профессора уловило мгновенно, оценив опыт поколений в полной мере. Наконец, пришло настоящее, живое понимание того, что такое анима – женская природа в мужчине. И анимус: мужская – в женщине. И что его профессиональный опыт здесь ни при чем, потому что все это им переживается, а не выводится из размышлений. А размышления – так – дают лишь понимание того, что происходит в нем, независимо от них...

Прозвенел звонок, и аудитория наполнилась шумом возвращавшихся студентов. Появился и Руман: стоял – ждал, пока суета уляжется.

– Ну, что ж... – Михаил Моисеевич отодвинул стул и сел, – Прежде чем продолжить, мне хотелось бы узнать, каким образом вы представляете ядерные конструкты? Кто рискнет высказать точку зрения, отличную от точки зрения Джона Келли?

Со всего потока поднялась пара рук.

– Очень скромно, – заметил Руман и посмотрел на Алек-

сандра, – А у вас, Дарский, разве нет своего мнения по этому вопросу? Вы же всегда были активны.

Александр встал.

– Есть, Михаил Моисеевич. Но он связан с материалом, который психология, как наука, не приемлет по определению.

– Хм! Ну-ну, Дарский, – усмехнулся Руман, намекая на то, что «я-то тебя знаю», – Мы слушаем вас.

– Могу сказать, что я воспринимаю данные образования как информационно-энергетические программы, заключенные в двух банках памяти – физическом и астральном телах. Более инертные из них – конструкторы физического тела. С одной стороны, они закладываются в более ранний период: некоторые даже еще во внутриутробном состоянии. А с другой – их инертность обоснована более плотной материей физического тела по сравнению с астральным.

Конструкторы физического тела мы воспринимаем, в основном, в виде эмоций – каких-то смутных проявлений, предпочтений или табу. Смысл, заключенный в последнем слове, например, в некоторых восточных традициях передается таким понятием, как «страж порога».

А конструкторы астрального тела мы воспринимаем уже как ассоциированные эмоции. То есть чувства. Это более сложные образования. Но они, при надлежащей подготовке психолога, могут трансформироваться. То есть, я хочу сказать, что если конструкторы физического тела фактически почти не

подвержены не только уничтожению, но и сублимации, то на конструкты астрального тела можно воздействовать даже в рамках практической психологии академического толка

С негативными же конструктами физического тела в рамках психотерапевтических техник пока могут справляться дианетика, трансперсональная психология, ну, и еще некоторые психоэнергетические техники. К сожалению дианетика запятнала себя коммерческим проектом – саентологической церковью.

– И все, Дарский? Остальным вы шансов не даете? Ведь у них тоже есть результаты.

– Согласен. Есть. Но это – продукт сублимации. Это переключивание с одного места на другое. Это не лечит, а лишь капсулирует информационно-энергетическую программу в каком-то месте психики, которое в данный момент мы не используем. А если завтра эта область начнет работать? Как себя покажет то, что мы там схоронили? Не напоминает ли вам это скотомогильники, консервация которых в любой момент по каким-то причинам может быть нарушена?

– Достаточно, Александр. Садитесь. Вашу точку зрения мы услышали. Но она, как вы и определили изначально, за пределами нынешних академических представлений в психологии. Возможно, – он хитро улыбнулся, посмотрев на Александра, – когда вы станете большим ученым, мы снова услышим вашу точку зрения. А пока... – он развел руками, – продолжим лекцию в определенных для нас учебным про-

цессом рамках.

13.

По окончании занятий Дарский вызвался проводить Дашу домой. Они шли по улице и болтали. Ни о чем. Смеялись. Если кто-то посторонний подслушал бы их разговор, наверное, подумал бы, что между собой общаются не совсем здоровые психически люди. Они не договаривали предложения. Они вообще иногда заменяли их междометиями. И смеялись все время, казалось, невпопад и непонятно по какому поводу. И вообще вся их беседа совершенно чужда была логике. Но они более чем прекрасно понимали друг друга. А в недомолвках и паузах прятали всю прелесть чуда происходившего с ними. И она – эта прелесть, как сладость изюминок в тесте, вносила контраст в сладкие, казалось бы, и без того отношения.

Сознание профессора полностью погрузилось в процесс реальной жизни. В какой-то момент, вспомнив, кто он на самом деле, он даже не сразу понял, откуда это в нем. Появилось ощущение, что вспомнился какой-то старый, давно забытый фильм. «Неужели уже все так далеко зашло? – у него даже дыхание перехватило, – Разве это возможно с моей памятью?» Профессор прекрасно знал – кто он. Его сущность была по-прежнему его сущностью. Он с этой позиции прекрасно взаимодействовал со средой. Тандем физического и эфирного тел Дарского тоже работал без проблем, как его

собственный. И, видимо, сейчас он в большей степени распорядился сознанием. «Но... личность?» Что-то в ней незрело. Что-то в потоке сознания приводило его периодически – не сказать, чтобы к сбоям – скорее, к помутнению...

– Ау! Саша! Ты где? – Даша забежала наперед, и, как она это делала уже не раз, пошла задом, заглядывая лукаво в глаза.

– Упадешь, дурочка, – засмеялся Александр, приходя в себя, – Зацепишься за что-нибудь и грохнешься...

– А ты разве позволишь этому случиться? Разве не поймал меня? – она схватилась обеими руками за лямки его рюкзака и стала смеяться, подтрунивая над ним.

– Вот, если за это чудо китайской мысли будешь держаться, так мало того, что сама загремишь, так еще и я сверху на тебя упаду.

– Ну и что? – вдруг перестала смеяться она, – Может, я хочу этого. Ты какой-то истукан каменный... Алекс! – Даша потянулась к нему, или, скорее, потянула его за лямки рюкзака к себе. И он, подчиняясь, пригнулся и поцеловал ее. Подетски. Лишь едва прикоснувшись губами. Может, оттого, что не готов был к этому, потому что инициатива исходила не от него? А, может, потому, что все произошло слишком быстро с ее стороны? Она стояла, не открывая глаз. И веки, и ресницы слегка подрагивали. И щеки порозовели. А кончик языка, иногда появлявшийся и чуть заметный между губами, будто пытался определить их вкус. «О, Господи! –

пришло в сознание, – И разве это не сон? Может я умер тогда? Или впал в кому? И все, что со мной происходит, сон разума – игры умирающей нервной системы, стимулированной органами чувств и железами внутренней секреции?»

Даша открыла глаза. И удивление, и неудовлетворенное желание в них пронзили душу профессора.

– Ты как-то странно смотришь на меня, – проговорила она и отвела взгляд, – Ты больше не любишь меня?

– Что ты, Дашенька, – спохватился Александр, – Я люблю тебя.

Она обхватила его, прижалась вся, и замерла.

Мысль, как никогда самостоятельная, приходила во взбодраженное сознание профессора и тут же уходила, отвергаемая опытом проникновения за пределы физической реальности. И снова возвращалась. Опыт говорил, что это она: она – физическая реальность, седьмой – самый косный план бытия, точка опоры в беспредельности проявленной Вселенной. Но уверенность в этом породила сомнения иного характера. Только что пытавшийся уравновеситься поток сознания начал пульсировать, вбирая в себя протест высоких слоев психики, обрек комбинированную личность – «Пекарник-Дарский» – на новые страдания. «Разве я имею право быть с ней? – задал он себе вопрос, – Ведь я не тот, кого она любит...»

– Сашенька! – услышал, – Я так тебя люблю! Я думала, что уже потеряла тебя... – Даша подняла голову, и он увидел в

ее глазах слезы, – Когда ты появился, мне показалось, что ты забыл, о чем говорил мне. Какой-то ты был чужой... неприступный, – она замолчала на мгновение, будто испугавшись чего-то, – Но сейчас я вижу – ты мой, Сашенька, мой. Не оставляй меня больше, – не то попросила, не то приказала она.

Александр сжал ее в объятиях, будто пронзенный ее последней фразой. «Торжествуй, плоть, – подумал, – Ты сделала свое дело». Он вдруг ощутил такое счастье в душе, что все витийства логики – все ее сомнения отшелушились. И, как нечто совершенно никчемное, растворились в глубине наполнявших его чувств.

14.

В связи с последними событиями общение с Лерой прекратилось так же, как и началось. Несколько раз она звонила ему – приглашала в гости. И однажды даже сама неожиданно нагрянула. Но продолжения встреч, тем не менее, не последовало. Было немного жаль ее, прошедшую некий этап психической трансформации, изменивший ее до неузнаваемости. Даже, исходя из наблюдений, доступных тогда еще профессору Пекарику, она стала совершенно другим человеком. «Неужели, общение с настоящим Дарским провоцировало ее на столь неприглядные поступки по отношению к нему? А со мной все изменилось? Неужели суть этого процесса – изменение пространственно-временных характери-

стик окружающего нас поля?»

Вопросы, которые задавались себе, оказались лишь предметом риторики собственной двойственности. Ведь на самом деле на них сознание профессора давно ответило: да, изменение пространственно-временных параметров объекта «Александр Александрович Дарский» стало менять вокруг себя все. Сущность с более высокими информационно-энергетическими характеристиками, занявшая место пребывания прежней, распространила свое влияние на окружение.

В один из вечеров, после некоторых усилий, сознание профессора снова преодолело черту завесы, вышло за пределы обыденного для физического существования частотного диапазона Вселенной. Тело, наконец, подчинилось, войдя в состояние транса, и профессор вновь, хотя бы на некоторое время, оказался самим собой. Он не был Дарским так же, как не был и Пекариком. Он был никем. И в то же самое время – всем. Абсолютно всем.

Выходы вновь стали нормой жизни, вновь радовали сознание исследователя, покоренного тем, что предоставляла внутреннему взору иная реальность. Здесь он, казалось, мог распространиться на всю Вселенную – стать ею, оставаясь все же ее частью. Мог проникать в сознания близких и незнакомых людей, нести им теплоту своей души, находясь в высоких слоях пространственно-временного континуума Системы. Он всех любил в этом лишенном физических форм мире. И все отвечали ему взаимностью. Но остаться здесь

навсегда не мог, хотя искренне желал. Непреодолимое чувство обязанности появлялось, когда слишком далеко уносила мысль: новое туловище становилось магнитом, начинало притягивать, получив сигнал от эфирного тела, растянувшегося бесконечной серебряной нитью. Эфирный двойник физического тела – его примитивное сознание, постигшее на этапе своего эволюционного развития лишь полярную двойственность – эфирное тело воспринимало действительность лишь через две категории: приятно и неприятно. Приятно – это эквивалент жизни. Неприятно – смерти. Туловище Дарского, как и любое другое, смерти боялось, и потому отчаянно притягивало оживлявшую его сущность профессора.

Однажды, лишь подумав о Многоликом, профессор ощутил его присутствие. А вскоре и он сам коагулировался из пространства, вибрируя обликами. И снова напомнил осьминога, меняющего цвета.

– Я смотрю, ты прекрасно обживаешься в новом теле, – отразилось в сознании его обращение.

– Не так быстро, может быть, как хотелось бы.

– И все же я рад за тебя. В какой-то момент у меня появилось сомнение, что у тебя получится.

– Разве ты не видел того, что впереди? – удивился профессор.

– Видел. Но виртуально. Вселенная в таких случаях – при нестабильном развитии – дает массу вариантов событийности. Для тебя, вон, информация вообще закрылась. Это пе-

репутье, где только ты – сам должен преодолеть точку бифуркации – избрать направление. А затем ответить за свой выбор.

– А теперь ты видишь мое будущее? Для меня-то оно до сих пор закрыто.

– В какой-то степени да. Но тебе могу сказать лишь одно. Береги женщину, которую ты выбрал. Она этим выбором обречена.

– Что ты имеешь в виду? Что без меня ей будет лучше? – забеспокоился профессор.

– Нет, – как-то неприятно проник в сознание Многоликий, – Уже поздно. То, что должно было случиться, случилось. И теперь могу только посоветовать – береги ее.

– Но что под этим кроется? – не унимался профессор.

– Ты же знаешь, если бы тебе было дано, ты бы знал. И ты знаешь, что я не могу тебе открыть то, что от тебя скрывают высшие сферы. Потому что в этом случае информационно-энергетический вихрь твоей судьбы может захватить и меня со всеми вытекающими последствиями, – Многоликий еще какое-то мгновение оставался видимым. Но, как обычно, растаял, оставив профессора с распиравшими его вопросами. Мало того, что и сам постоянно думал о неестественности такой любовной связи, а тут еще это.

Но жизнь по-прежнему оказывалась сильнее. С каждым днем – ступенька за ступенькой – притяжение Александра и Даши поднималось к предполагаемой между мужчиной и

женщиной вершине. Даша с нежностью и осторожностью отнеслась к его частичному беспамятству. Старалась через намеки подвести к моментам их общения в прошлом. Но тщетно. Александр не помнил ничего, что связано было с ней. С их встречами и разговорами. Со случаем в спортзале. Он не помнил и ее позорной славы. Ничего, кроме настоящего. Постепенно во встречах стало не хватать завершающей стадии: девственность для Даши уже не была препоном для полноценной любви. Александр понимал это, но в нем еще достаточно было сил сопротивляться неизбежному: чувство ответственности за любимого человека, подойдя вплотную к точке невозврата, все же не давало уйти за нее. Муки, испытываемые сознанием, ставшим полем борьбы желания и ответственности, усиливались. Туловище, окрыленное взбудораженной энергией души и оперировавшее лишь желанием проникновения, взывало к своей собственной справедливости. А истинное «я» профессора чего-то выжидало, сдерживая судороги неразумной плоти.

Но все же то, что должно было свершиться, свершилось, посеяв семена надежды на будущее. А через неделю, выйдя за пределы физического тела, профессор вновь пожелал общения с Многоликим. И тот снова явился. Но его энергия на этот раз будто иглами пронизывала насквозь. Не была благожелательной как раньше.

– Знаю, – прервал он мысль профессора, – И знаю, что тебе не понравится то, что я передам.

– Неужели все так плохо? – сознание профессора никак не могло проникнуть в суть Многоликого.

– А вот этого я тебе делать не советую, – заметил он.

– Прости. Это от желания понять – что же мне делать? Как избежать предопределения?

– Никак. Предначертанное еще можно изменить, но не предопределение. Первое – виртуально. Оно находится в ведении непосредственно курирующей тебя системы. Второе неизбежно, ибо является предназначением более высокого структурного плана бытия, обладающего большей инерцией. Ты выполнил свою миссию. Твоя женщина зачала новую жизнь, которую ждет ее собственная миссия, собственное предопределение. Через земные сутки мы с тобой снова встретимся: в это время для тебя откроется твое будущее. Ты увидишь все, что хотел. И все поймешь, – Многоликий сделал паузу, – Скоро, думаю, тебе понадобится моя помощь, – он почти мгновенно растаял, оставив профессора с обостренной интуицией, кричавшей о кардинальных переменах, не оставлявших ни единого шанса на земное счастье. Судьба, которую, казалось, строил сам, переполненный гордыней ученого, наконец-то показала свое истинное лицо. Оказалось, что он – лишь расходный материал в ее руках.

И только мысль о том, что через сутки он все узнает, еле уловимо грела душу.

На следующий день Александр прямо с утра зашел к Руману.

– Елена Дмитриевна! – воскликнул он, увидев секретаря, – Как я рад вас видеть! Вы все хорошеете...

Леночка, как всегда, расплылась в улыбке.

– Вот не можете вы, Дарский, без своих подковырок.

– У себя? – кивнул он на дверь декана.

– Только что зашел.

– Как настроение у шефа? Злой? Добрый? – Александр продолжал ерничать.

– Да ну вас, Дарский! Спросить: примет или нет?

– Кого? Меня? Да пусть попробует не принять, – он рассмеялся, а Леночка зацыкала на него.

– Услышит же... – почти шепотом сказала она, испугавшись.

– Страшно? – тоже шепотом спросил Александр.

Обескураженная Леночка взглянула на него с удивлением. Видимо, последний выпад ей совсем не понравился.

– Ну, ладно, – успокоил он ее, – Больше не буду.

– Так что? Спросить? – повторила она.

– Спросить, – не удержался он от улыбки, – И, Леночка, пожалуйста... два кофе нам.

Леночка неопределенно хмыкнула, встала и, подчеркивая свою независимость, продефилировала мимо Александра. Постучавшись, скрылась за дверью.

– Прошу, – пригласила, выходя из кабинета.

– Елена Дмитриевна... – раздался голос Румана.

– Да, Михаил Моисеевич. Слушаю вас, – оглянулась Леночка.

– Сделайте нам, пожалуйста, два кофе.

– Я же говорил, – улыбаясь, сквозь зубы прошептал Александр, когда проходил около нее.

Она посмотрела на него с вызовом и ничего не ответила. А он вспомнил сцену ее смущения, когда, будучи Пекариком, спрашивал о Дарском.

– Ну, что привело тебя, Веня, – с порога поинтересовался Михаил Моисеевич, – Не просто так ведь зашел. Ты последнее время дорогу стал забывать ко мне, – в голосе прозвучали ревнивые нотки, – Говорят, ты везде с Кветковской.

– Да, Миша... Влюбился на старости лет. И так, что хоть пищи.

– Ну, ты даешь – на старости лет, – усмехнулся Руман, – Так в чем дело? Женись, Веня! Или она не готова?

– Она готова. Я не готов. Ты же знаешь – не свою жизнь проживаю. Его, – он потыкал себя в грудь большим пальцем, – А как дальше будет, не знаю. Будущее для меня закрылось.

– Что значит – закрылось? – не понял Руман.

Вошла Леночка с подносом. Удивленно посмотрела на развалившегося в кресле – нога на ногу – Дарского. И тот демонстративно быстро поднялся.

– Давайте, Елена Дмитриевна, помогу вам, – взял у нее

поднос, – Спасибо, Елена Дмитриевна. Мы вам очень благодарны.

Леночка удивленно посмотрела на Румана.

– Спасибо, Елена Дмитриевна... отреагировал он, – Я помню, что вы просили отпустить вас сегодня. Можете идти, – Ну, зачем ты ее шокируешь? – заметил он, когда секретарь ушла, – Ей уже достаточно того, что она тебе кофе приносит. Ты хоть представляешь, какие сомнения ее начинают одолевать, когда ты в моем кабинете так вызывающе себя ведешь?

– Ты знаешь, – рассмеялся, догадавшись, о чем говорит Руман, Александр, – мне и в голову это не приходило.

– Ладно. Бог с ней. Пусть думает, что хочет, – закрыл тему Михаил Моисеевич, – Ты лучше скажи, что значит – закрылось будущее? – вернулся он к прежнему разговору.

– А то и значит, что я не вижу его, как видел прежде. До того как задумался об эксперименте оно было доступно. Оно – четкое в ближайшей перспективе – все более и более по мере удаления затуманивалось. Потом начало ветвиться, создавая виртуальные варианты и постепенно теряя перспективу. А потом и вовсе закрылось.

– Ты ничего не говорил мне прежде.

– А что говорить? Будущее – насколько виртуальным, настолько же может быть и косным.

– Не понимаю, – Руман поднял брови, – Конечно, я догадываюсь. Но...

– Дело в том, что пространственно-временной континуум каждого из нас – это открытая нелинейная система, взаимодействующая с другими такими же. Эти системы интегрированы в более крупные системы, а те – в еще более крупные. И так – до Вселенной, которую я называю Системой Систем. Чем крупнее система, тем большей инерцией по отношению к входящим в нее она обладает. Это направляющие силы. Вот поэтому считается, что даже самый развитый человек в рамках собственной жизни имеет в максимуме не более двадцати процентов свободной воли. Остальное инерционные силы подавляют, если не произведена соответствующая подготовка. Поэтому чем более масштабное предприятие ты задумываешь, тем больше сил и времени на него нужно потратить, потому что системы с их инерцией должны подстроиться под тебя. Я уж не говорю о влиянии на этот процесс собственного энергетического потенциала, зависящего от эволюционного уровня развития твоей сущности в процессе реинкарнаций.

– Кажется, понимаю...

– Все до безобразия просто, Миша: я слишком напряг высшие системы. И они, начав перестраиваться, закрылись для меня. И вот теперь у меня плохое предчувствие. Будет выхлоп. И впервые мне боязно. Не за себя. За нее боюсь. И даже не то чтобы за нее в нынешней ипостаси ее существования. Боюсь искалечить ей жизнь в следующих воплощениях.

Михаил Моисеевич, пораженный услышанным, не знал,

что сказать. Не было в сознании ни комментария, ни вопросов. Кроме одного, появившегося в самом начале беседы, но никак не находившего себе места в разговоре. Неудобно было переводить стрелку на себя.

Оба молчали. Каждый думал о своем. Наконец Руман не выдержал.

– А как... насчет моего... – он не успел договорить.

– Что? – машинально переспросил Александр, не догадываясь, о чем речь.

– А меня что ждет? – выпалил Руман, – Ты смотрел?

– А-а... – сообразил Александр, – То, что я видел, не выходит особенно за прежние рамки. Тебе взаимодействие со мной ничего кардинально не поменяло. Все у тебя, мой друг, в порядке. Будешь жить поживать и добра наживать, – улыбнулся с пониманием, – Потрясения тебя минуют.

– И все?

– А что ты хотел? В деталях?

– Ну, да.

– Нет, дорогой. Не хочу вносить негатив в твою судьбу. А ты этого хочешь? Я и так уже наворочал столько... – он на секунду задумался, – Знаешь, Миша, о чем я думаю? – Михаил Моисеевич поднял голову, – Может случиться так, что мне... придется уйти.

На этот раз до Румана вдруг сразу дошло. Всплыла бравада Дарского перед Леночкой: он будто скрывал таким образом подавленное состояние. Вспомнил, как друг посмотрел

на него пару раз, будто прощался. Сердце сжалось от проникновенного чувства к этому необычному во всех отношениях человеку, открывшему ему такие глубины жизни, о которых он даже и предположить не мог.

– Веня, может, все образуется? И будущее тебе твое откроется?

– Да. Откроется. Сегодня вечером. Наконец, я узнаю, какой сюрприз мне приготовили высшие сферы. Но что-то мне говорит, что пришло мое время. Мне и так показали больше, чем я ожидал. И я счастлив, что это произошло. И горд тем, что рядом со мной всегда были люди, готовые ради меня на все. Особенно ты, Миша. Вот только с Дашкой не получилось...

– Не нравишься ты мне сегодня, Веня. Иди-ка ты лучше отдохни. Выспишься, как следует. А завтра поговорим.

– Миша, завтра у меня может не быть. Я потому и пришел к тебе. Надежда, конечно, есть. Но она так мала, что о ней и говорить не пристало.

Руман промолчал. Не представлял – что можно сказать в этом случае. Возникло дежавю. Как будто такое уже было. «А ведь было», – подумал. Вспомнил, как прощался Пекарик перед вхождением в последнюю стадию эксперимента. Как говорил о чести знать их, жить рядом с ними.

– Веня, я хочу, чтобы ты знал... если это случится... что лучшего друга, чем ты, я и представить себе не могу. А потому очень надеюсь, что увижу тебя завтра. Хочу, чтобы ты

потряс мир своими открытиями. Ты – гений, Веня.

– Не перегибай, Мишель. Я – результат взаимодействия моей сущности с Сущим – проявленной Вселенной. Только и всего. А теперь я пойду: к нотариусу еще надо зайти. Буду в своей старой квартире – так что вечером встретимся. Не прощаюсь.

Михаил Моисеевич еще долго сидел подавленный после его ухода. В нем, появившись вдруг, стало крепнуть чувство потери. Появилось разочарование всей этой жизнью, где результаты многолетних усилий показались лишь иллюзией. «Вот она – извечная справедливость жизни, – пришла мысль, – Пустые амбиции юности, замахиваются на, казалось бы, бесконечную жизнь. А время методично и безжалостно разбивает эти амбиции, укорачивая и укорачивая жизнь, пока не приводит к неизбежному концу – пониманию бесполезности бытия с обывательской точки зрения».

16.

В восемь часов вечера профессор, оставив незапертой входную дверь, ввел тело в транс. Почувствовал что-то вроде щелчка. Как всегда, оказался под потолком. Мысль о пространственно-временном вихре его нынешней жизни закрыла и понесла куда-то. Он ощутил невероятную скорость вращения и в то же самое время перемещения в пространстве. Наконец, все прекратилось. Перед сознанием предстала альтернатива, которую он желал увидеть. И в ней – либо

не было его, либо Даши.

Ответ на вопрос о времени его развоплощения пришел сразу: именно сейчас наступал момент наилучших возможностей – в высших сферах складывалась благоприятная для Даши комбинация событий.

«Да, – ответил он на немой вопрос пространства, – Я готов». Тут же почувствовал во всем своем существе легкое жжение и покалывание. Его снова закрутило и понесло. Он увидел туловище Дарского, к солнечному сплетению которого от него тянулся серебристый плазменный шнур растянувшегося эфирного тела. Но почти у самого входа в него связующая нить стала чернеть. «Все, – подумал профессор с грустью, – вот и закончилась очередная юдоль земного существования». Бездыханное тело молодого человека, лежавшее внизу, напомнило о Румане: о том, что обещал позвать его. И сразу же оказался рядом.

Михаил Моисеевич брлся. «Опять для Розочки своей старается». Профессор приблизился вплотную и соприкоснулся с его полем.

Руман опустил бритву и прислушался.

– Розочка, ты ничего не говорила? – спросил он насторожившись.

– Нет, – ответила та, – А что?

– Да нет, ничего. Показалось.

«Показалось ему», – возмутился профессор.

Наконец Руман закончил с бритьем и подошел к жене.

– Знаешь, я, наверное, поднимусь наверх. Я как будто услышал голос Пекарика... в смысле – Дарского. Пойду посмотрю, может человеку плохо?

– С чего бы это? Поздно уже, Миша.

– Нет, пойду.

– Как хочешь, – махнула она рукой.

Михаил Моисеевич вышел и поднялся по лестнице. Постоял несколько секунд на площадке, будто сомневаясь – идти или не идти, и нажал на кнопку звонка. Подождал немного. Сознание, превратившись в слух, тщетно пыталось уловить хоть какой-то звук. Тишина. Нажал на ручку. И дверь легко ушла внутрь. Сердце екнуло.

– Веня?..

Луч света, прорезавший темноту прихожей через появившуюся щель, уперся в противоположную стену. Руман вошел и привычным движением включил свет. Еще раз позвал друга. И снова не получил ответа. Замелькали в сознании фразы из их последнего разговора, постепенно формируясь в ясное понимание того, что могло произойти.

Он бросился в спальню. Свет через открывшуюся дверь выхватил кровать и лежавшего неподвижно Дарского.

Михаил Моисеевич щелкнул выключателем и даже съежился. Все стало очевидным. Смерть разгладила мышцы лица Александра, наложив свою печать.

Он все же он подошел и проверил пульс, хотя уже по температуре тела, когда взялся за руку, можно было судить о

случившемся.

Посмотрел вверх, как будто намеревался увидеть там кого-то.

– Прощай, Веня.

Навернулись слезы.

– Я горжусь тем, что был твоим другом.

Присел на кровать. Посидел с минуту, не думая ни о чем. Встал и пошел к телефону – выполнять свои гражданские обязанности.